

В. П. НЕВСКАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КАРАЧАЯ
В XIX ВЕКЕ
(ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД)

Под редакцией кандидата исторических
наук *Х. О. Лайпанова*

Светлой памяти
Бориса Васильевича Скитского
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, намечая грандиозную программу строительства коммунизма, уделил большое внимание вопросам национальной политики. Товарищ Н. С. Хрущев в своем докладе на съезде говорил:¹

„Последовательное проведение в жизнь ленинской национальной политики, братская взаимопомощь привели к тому, что ранее отсталые в экономическом и культурном отношении национальные республики имеют теперь мощную современную промышленность, крупное механизированное сельское хозяйство, широкую сеть учебных заведений, научных и культурно-просветительных учреждений, многочисленные квалифицированные кадры“.

Изучение прошлого этих когда-то отсталых народов, особенностей их социально-экономического развития и национальной культуры является одной из ответственных задач советской исторической науки.

„Каждый народ гордится своей историей, культурой, тем вкладом, который он внес в развитие мировой цивилизации. Мы должны всемерно поддерживать это благородное чувство, не забывая в то же время о том, что национальная культура постоянно обогащается всеми ценностями, созданными человечеством“, — говорится в материалах съезда.²

Одной из малоизученных проблем в истории Карачая является вопрос о его социально-экономическом развитии в первой половине XIX века (до крестьянской реформы 1868 года).

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС. Госполитиздат, 1959, стр. 14.

² «Правда» от 31 января 1959 г.

Изучение последующей истории народа невозможно без рассмотрения экономики и общественных отношений, сложившихся в карачаевских аулах к середине XIX века, когда началось превращение Карачая, как и всего Кавказа, в колонию русского капитализма, названное В. И. Лениным „экономическим завоеванием“ Кавказа.¹

Долгие годы жизни в горах привели карачаевцев к выработке определенных приемов ведения сельского хозяйства—приспособленного к горным условиям полукочевое скотоводства и орошаемого земледелия на узких речных долинах. То и другое требовало тесного сплочения населения и было причиной прочности общинных связей.

Натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение зависимого крестьянства, феодальная собственность на землю и другие черты феодального хозяйства переплетались в социальном строе Карачая с пережитками патриархальных отношений.

Большую роль в жизни народа играла соседская община, внутри которой еще продолжали существовать распавшиеся семейные общины.

Особенности социально-экономического развития Карачая, сложившиеся в первой половине XIX в., оказали большое влияние на дальнейшее развитие народа, вызвав резкое имущественное неравенство, малоземелье крестьянской массы, антагонизм сословий и классовую борьбу.

Между тем в буржуазной литературе нет работ, которые давали бы правильный научный анализ социального строя Карачая, показывали бы особенности развития феодальных отношений и роль общины. Попытки решить эти вопросы в советской исторической науке также не всегда бывали успешными.

* * *

Материалами для написания данной работы явились архивные документы Центрального военно-исторического архива, Центрального исторического архива Грузии, архивов Северного Кавказа, литературные источники, периодическая печать XIX века, а также полевой материал, собранный во время поездок по аулам Карачаево-Черкесии.

Архивные материалы по истории карачаевцев сравнительно немногочисленны и разрозненны.

В Центральном Государственном военно-историческом архиве имеются очень интересные материалы о Кавказской

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 520.

войне, в том числе о военных событиях, связанных с Карачаем. Больше всего документов (донесения, рапорты, прошения, „дневной журнал действиям войск противу карачаевцев“, строевая записка и т. д.) относится к событиям 1828 года, к походу генерала Емануэля в Карачай, битве на Хасауке, переговорам русского командования с карачаевскими старшинами (ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 6231, часть 1 и 2).

Значительно меньше материалов имеется об экономической жизни карачаевцев и их общественном строе. Отдельные упоминания об этом встречаются в политических обзорах, военно-статистических и этнографических описаниях. Наибольший интерес для данной темы представляет „Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное свиты ЕИВ по квартирмейстерской части подполковником Буцковским“ 1812 г. (ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300), в котором содержатся наиболее ранние статистические и этнографические сведения о Карачае.

Отдельные документы имеются и в других фондах: в фонде 400 (Главный штаб Азиатской части)—переписка по земельному вопросу в Карачае (ед. хр. 1,29), документы о переселении в Турцию (ед. хр. 8); в фонде 52, в делах генерала Текели—прошение карачаевских владельцев 1788 г. (ф. 52, оп. 1|194, св. 120, ед. хр. 481, л. 44) и т. д.

В Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР материалы о карачаевцах также разбросаны в различных фондах: 7, 416, 521 и др. В них содержатся сведения о зависимых сословиях, о земельных отношениях, о поземельном устройстве горского населения нагорной полосы Терской области и Карачая Кубанской области (ЦГИА Гр. ССР, ф. 521, оп. 9, ед. хр. 257), „Переписка об определении сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей“ (ЦГИА Гр. ССР, ф. 521, оп. 3, ед. хр. 321).

Ряд документов о карачаевцах имеется в архивах Северного Кавказа.

До образования Кубанской области Карачай подчинялся начальнику центра Кавказской линии, резиденцией которого был г. Нальчик. Поэтому рапорты пристава карачаевского народа, переписка с ним и донесения хранятся в Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской АССР, преимущественно в фонде 16—Управление начальника центра Кавказской линии.

В 1861 году, с момента образования Кубанской области Карачай вошел в состав Эльборусского округа Кубанской области и вся отчетность, переписка и ведомости стали

отсылаться в Екатеринодар. Вот почему в Краснодарском краевом архиве содержатся преимущественно документы пореформенного периода, но часть их представляет интерес и для данной темы. Это—ведомости беднейших крестьян и владельцев Эльборусского округа (ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 528), секретная переписка о подготовке крестьянской реформы и об обострении классово́й борьбы в горских аулах (ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593) и т. д.

Меновая торговля с горцами, в том числе и с карачаевцами, полнее всего представлена в Ставропольском краевом архиве в фондах: 20—Главный попечитель кавказских меновых сношений с горцами, 72—Боргустанский меновой двор, 79—Общее управление Кавказской области.

Торговля с карачаевцами на Баталпашинском меновом дворе отражена в фонде 1—Баталпашинский меновой двор—Государственного архива Карачаево-Черкесской автономной области.

Лучшей публикацией документов по истории кавказских войн до сих пор является многотомное издание Кавказской Археографической комиссии. Однако по Карачаю в Актах комиссии очень немного документов, тем более имеющих отношение к данной теме.

Литературные источники по истории Карачая относятся главным образом к концу XIX—началу XX вв., но отдельные упоминания о Карачае имеются и у авторов конца XVIII—начала XIX в.: И. А. Гильденштедта,¹ Пл. Зубова.²

Ценные сведения о карачаевцах, их численности и хозяйстве в первой половине XIX в. содержатся в вышедшем в 1851 году XVI томе Военно-статистического обозрения Российской империи, озаглавленном „Ставропольская губерния“.

Материал по обычному праву карачаевцев, собранный под руководством начальника центра Кавказской линии г.-м. Голицына, помещен в труде Ф. И. Леонтовича—„Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа“, Одесса, 1882.

Дополнением к нему служат адаты, опубликованные Умаром Алиевым в книге „Кара-халк“.

Одной из первых работ, посвященных специально Карачаю, была статья начальника Эльборусского округа, боль-

¹ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг., СПб 1809, стр. 146—151.

² П л а т о н З у б о в. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Часть 3, СПб 1835 стр. 132—138.

шого знатока карачаевского быта Н. Петрусевича— „Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам“.¹

Начиная с 80-х годов XIX в., Карачай все больше привлекал к себе внимание географов, этнографов и антропологов, которых влекла суровая и величественная природа Кубанского ущелья и экзотические стороны жизни его обитателей.

Поэтому в работах Г. Петрова— „Верховья Кубани—Карачай“,² В. Я. Тепцова— „Карачай“,³ И. Шукина— „Краткий географический очерк Карачая“,⁴ Г. Ф. Чурсина— „Поездка в Карачай“⁵ и некоторых других очень ярко и красочно описаны горы Карачая со снежными вершинами и зелеными склонами, на которых паслись отары овец и стада скота, узкие речные долины с раскинутыми по берегам карачаевскими аулами.

В быту карачаевцев их интересовали красочные костюмы, приземистые дома, срубленные из огромных бревен, полукочевой быт, свадебные и похоронные обряды. Таким образом, этнография карачаевцев была отражена в литературе довольно полно. Но ни в одной из этих работ даже не ставится вопрос о сущности социального строя Карачая.

Работа Г. Ф. Чурсина явилась отчетом о поездке в Карачай в 1914 году членов Русского географического общества.

Подобные же экспедиции совершали общества любителей изучения Кубанской области, членами которого были такие крупные знатоки быта карачаевцев, как Н. Иваненков, А. Н. Дьячков-Тарасов, В. М. Сысоев и др.

Работа Н. Иваненкова— „Карачаевцы“⁶ выгодно отличается тем, что в ней автор описывает не только быт и обычай карачаевцев, а останавливается и на земельных отношениях.

Этому же вопросу посвящена статья другого члена общества— В. М. Орлова— „Возможна ли частная земельная собственность в Карачае“.⁷ Однако, справедливо указывая на захват общинных земель представителями знати и обезземеливание крестьян, Н. Иваненков и В. М. Орлов не смогли обобщить материал и сделать из него правильные выводы. Наступление феодалов на общинную землю и рост

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, выпуск 4.

² Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880.

³ СМОМПК, вып. 14.

⁴ Русский антропологический журнал. Издание антропологического отдела. 1913, № 1—2.

⁵ Известия Кавказского отделения Русского географического общества, том 23, 1915, № 3.

⁶ Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. 5, Екатеринодар, 1912.

⁷ Там же, вып. 3, Екатеринодар, 1902.

феодалной собственности на землю они трактовали как частные случаи самовольных захватов при господстве общинной системы землепользования.

На вопрос, поставленный в заголовке статьи: „Возможна ли частная земельная собственность в Карачае“, В. М. Орлов отвечает отрицательно, считая, что в Карачае не было частной земельной собственности и „не может быть места в будущем“.¹

Богатый фактический материал по земельному вопросу содержится в Трудах так называемой Абрамовской комиссии, которая по поручению правительства и в интересах правительства исследовала земельный вопрос в Карачае. Кроме официального выпуска „Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области, с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы с пояснительной запиской к указанным проектам“ (Владикавказ, 1908),—были опубликованы „Письменные заявления карачаевского народа и объяснения комиссии“ (Екатеринодар, 1911).

Комиссия также „не заметила“ в Карачае феодальной собственности на землю, так как это было не в ее интересах. Основными формами землепользования и землевладения в Карачае были признаны подворное и общинное.

Однако „Статистическая ведомость Карачая Кубанской области“, приложенная к Трудам, опровергала все выводы комиссии, так как в ней точно указывалось, сколько сотен десятин земли и в каком урочище имел тот или иной карачаевский феодал.

Неверная трактовка земельных отношений и однобокий подход к общественному строю Карачая помешали буржуазным историкам правильно понять сущность общественных отношений, особенности социального строя Карачая, роль того или иного сословия в жизни общества.

Многие авторы принижали уровень общественного развития Карачая. Так, Н. Иваненков считал, что к началу XIX в. Карачай представлял собой „союз родов для достижения сильной самозащиты от внешних врагов“,² во главе которого стояли родоначальники.

Этнограф Г. Петров, а за ним и В. М. Сысоев³ хотя и признавали наличие классового неравенства в карачаевском

¹ Известия общества любителей изучения Кубанской области, выпуск 3, Екатеринодар, 1902, стр. 196.

² Н. Иваненков. Карачаевцы. ИОЛИКО, вып. 5, Екатеринодар, 1912.

³ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.

обществе, но идеализировали взаимоотношения сословий, находили дружбу между „господами“ и „рабами“, „привязанность крестьян к господам“.¹

В. М. Сысоев, правильно подметив раскол карачаевского общества на антагонистические классы, не смог до конца разобраться в этом вопросе и путал классы с сословиями. Поэтому он считал, что карачаевское общество делилось на 4 класса: биев или князей, узденей или дворян, кулов—крепостных и караваш—рабов.²

Отождествление узденей с дворянами совершенно исказит истинную роль этого сословия—основного ядра карачаевского общества, составлявшего более $\frac{3}{4}$ населения Карачая.

Ошибочно и выделение караваш, как называли женщин-рабынь, в особую социальную категорию.³

Таким образом, и работа В. М. Сысоева, полнее других освещающая быт и историю карачаевцев, не дает правильного анализа социально-экономических отношений.

Важнейший вопрос о роли общины в жизни карачаевцев рассматривается в единственной работе „Из области обычного права карачаевцев“ Б. Миллера.⁴ На ряде конкретных примеров автору удалось проследить черты родового быта. Особая глава посвящена семейной общине. Соседская же община, которая была основной формой организации карачаевского общества к началу XIX века, к сожалению, осталась вне поля зрения Б. Миллера.

Отдельные сведения о карачаевцах содержатся в путевых очерках и описаниях иностранных путешественников, бывавших на Кавказе.⁵ Но социальных отношений Карачая эти работы совершенно не касаются.

Первые попытки решить вопрос о социальном строе Карачая были сделаны только в советское время.

В 1927 году вышла работа первого историка-карачаевца Умара Алиева—„Карачай“,⁶ написанная с большим знанием быта и истории народа. Наибольший интерес для нас представляет глава „Экономическое состояние Карачая до рево-

¹ Г. Петров. Верховья Жубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880, стр. 133.

² В. М. Сысоев. Ук соч., стр. 94.

³ Там же.

⁴ Этнографическое обозрение. Москва, 1902, № 1.

⁵ *Kaukasische Reisen und Studien. Neue Beiträge zur Kenntnis des kaukasischen Landes von C. Hahn, Professor am I Gymn zu Tiflis. Leipzig, 1896.*
Moritz Wagner. Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846. Leipzig, 1850.

Note volante sur Karachai ed alcune misure di Abasā, Kabardini e Abasekh di Stephen Sommier. Estratto dell' Archivio per l' Antropologia e l' Etnologie. Volum XXX—1901.

⁶ Умар Алиев. Карачай. Историко-Этнографический очерк. Ростов-на-Дону, 1926.

люции“, в которой автор рассматривает и социальные отношения. Особенно подробно останавливается он на вопросах землевладения и землепользования, рассматривая отдельно каждый вид земельных угодий—сабаны, кышлыки и джайлыки.

Обширный цифровой материал, приводимый в книге, относится к концу XIX—началу XX века, вследствие чего для данной темы не может быть использован. В анализе социальных отношений, который автор впервые пытается сделать на основе марксистско-ленинской теории, еще много ошибок.

Пережитки родовых отношений, которые сохранились и при феодализме, автор принял за черты родового строя и считал, что „только во второй половине XIX века рядом с родовым укладом начинает вырисовываться земельная общность, общая племенная организация“.¹

Вторая историческая монография Умара Алиева „Карахалк“ посвящена истории крестьянских масс Северного Кавказа, в том числе и Карачая (кара-халк—черный народ). В ней более полно обрисован социальный строй Карачая, но работа также не лишена отдельных ошибок. Так, возникновение феодальных отношений в Карачае автор объясняет исключительно внешними причинами,—перенесением их из Кабарды, не проводит четкой границы между узденями и кулами и т. д.

Почти одновременно с книгами Умара Алиева в Записках Северо-Кавказского научно-исследовательского института появилась статья А. Н. Дьячкова-Тарасова—„Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощьность“.²

Подробно, но извращенно рисует в ней автор общественный строй Карачая. Карачаевское общество, по мнению автора, даже к концу XIX века оставалось родовым. Демократизм родового карачаевского общества противопоставляется феодальному строю Кабарды, основанному на угнетении. Дьячков-Тарасов убеждает читателя, что карачаевские бии были не феодалами, а родовыми старшинами, и господствующее положение их в обществе объяснялось не социальными факторами, а их личными качествами—деспотизмом и честолюбием.³

Вся работа Дьячкова-Тарасова проникнута духом отрицания классовой борьбы. Автор стремится смазать классовые различия, доказать близость сословий. При этом он идет на

¹ Умар Алиев. Карачай, стр. 125.

² Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. I, Ростов-на-Дону, 1928.

³ Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. I, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 141.

прямую фальсификацию истории, утверждая, что в карачаевском обществе часты были браки владельцев с кулами, совместные трапезы¹ и т. д.

А когда под давлением фактов Дьячков-Тарасов все же вынужден признавать наличие угнетения, он тут же добавляет, что оно было не классовым и не социальным, а только бытовым.² Чтобы доказать этот тезис, Дьячков-Тарасов приводит им же самим составленные таблицы, по которым выходит, что кулы были даже богаче узденей и биев.

Интересно, что Дьячков-Тарасов противоречит не только другим авторам, но и своим собственным статьям. В своей лучшей работе о Карачае— „Заметки о Карачае и карачаевцах“, вышедшей в 1898 году,³ он писал о резком имущественном неравенстве, обезземеливании крестьянских масс, о нищих семьях, которым даже дом не на чем было построить.⁴

С критикой взглядов А. Н. Дьячкова-Тарасова выступил в начале 30-х годов карачаевский исследователь Ислам Тамбиев. В 1931 году он опубликовал статью „О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации“,⁵ а в 1932 году—статью „Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае“.⁶

Ислам Тамбиев впервые дает правильное определение общественного строя Карачая в XIX веке как феодального с пережитками родовых и рабских отношений, показывает расслоение узденства, но впадает в другую ошибку, утверждая, что в Карачае существовала рабовладельческая формация „по подобию античного рабства“.⁷

На деле же патриархальное рабство было одним из укладов феодально-патриархального строя, так как рабы никогда не были в Карачае основным производительным классом.

Наиболее правильное решение вопроса о социальном строе Карачая дано в работе Е. Н. Студенецкой— „К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века“.⁸ Статья написана на основании архивных источников („Список крестьян, освобожденных от зависимости своих владельцев по распоряжению начальника округа“ и копии удостоверений об „освобождении от крепостной зависимости“) и большого по-

¹ Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. I, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 146.

² А. Н. Дьячков-Тарасов. Ук. соч., стр. 146.

³ СМОМПК, вып. 25, Тифлис, 1898.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ «Революция и горец», 12/38, 1931, Ростов-на-Дону.

⁶ «Революция и горец», № 4, 1932, Ростов-на-Дону.

⁷ Ислам Тамбиев. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае. «Революция и горец», 1932, № 4.

⁸ Советская этнография, 1937, № 2—3.

левого материала, собранного автором во время этнографических экспедиций.

В работе рассматривается ряд важных вопросов социального строя: землевладение и землепользование, взаимоотношения сословий и др. Автор приводит целый ряд документов, обнаруженных им в ауле Хурзук. К сожалению, вопрос об общине у карачаевцев не затронут, хотя полевой материал об этом у Е. Н. Студенецкой, безусловно, имеется.

С 1956 года историей карачаевцев начали заниматься Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт и Карачаево-Черкесский педагогический институт.

Издано несколько работ: „К истории карачаевцев и балкарцев“¹ Х. О. Лайпанова, статья о карачаевцах в сборнике „Народы Карачаево-Черкесии“². В сборнике трудов пединститута помещено исследование Е. Н. Студенецкой об ортаке.³

На ближайшие годы намечено детальное изучение многих важнейших вопросов истории карачаевцев.

Автору данной работы большую помощь оказали товарищи Р. Т. Алиев, Х. И. Суюнчев и собиратель карачаевских пословиц С. Ч. Алиев, за что автор выносит им глубокую благодарность.

¹ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957.

² Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) под редакцией П. И. Балтина и М. М. Сакиева. Ставропольское книжное издательство, 1957. «Карачаевцы» — статья В. П. Невской.

³ Е. Н. Студенецкая. Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX—начало XX вв.). Сборник трудов института. Карачаево-Черкесский педагогический институт, вып. I, Нальчик, 1958 г. Там же помещена статья В. П. Невской «Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе».

Глава I

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ. НАСЕЛЕНИЕ

Высоко в горах Кавказа, у снежных отрогов Главного Кавказского хребта и вершины его—Эльбруса расположились карачаевские аулы: Карт-Джурт на р. Кубани, Учкулан на р. Учкулан, Хурзук на реке Хурзук, Дуут и Джазлык на реке Дуут. В течение первой половины XIX века возникли также поселения на Маре и у Каменного моста на Кубани.¹

Название „карачаевцы“ впервые встречается в литературе в XVII в. Итальянский миссионер Ламберти перечисляет их (карачоли) среди других народов, живших к северо-востоку от Мингрелии.²

Более точное местоположение Карачая дает академик Российской Академии наук И. А. Гильденштедт, посетивший Кавказ в 70-х годах XVIII века. Карачай „лежит около вершины Кубани и смежен к западу с абазинским округом Башильбаем, а к югу с Сванетией. С восточной стороны отделяет его горный хребет Джалпак от кабардинцев, живущих на реке Баксане“.³

Еще подробнее описывает территорию Карачая Платон Зубов: „Карачаевцы обитают у северных предгорий Эльбрусского кряжа и по трем отрогам оною, простирающимся в виде ветви. Горный хребет, из которого истекает река Баксан, отделяет карачаевцев от Большой Кабарды; на полдень сопредельны им суаны, а на север алты-кисеки. Глав-

¹ ГАКК. ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 4.

² Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии. ЗООИД, т. X, Одесса, 1877, стр. 210.

³ И. А. Гильденштедт. Ук. соч., стр. 148.

нейшие их аулы расположены по правому берегу Кубани, которую окружает плодоносная равнина".¹

Точные географические координаты Карачая указывает Н. Петрусевиц—начальник Эльборусского округа, в который входил Карачай. Он писал, что в первой половине XIX века Карачай был ограничен с юга Главным Кавказским хребтом, с северо-востока—рекой Худес и с запада—водораздельным хребтом между реками Тебердой и Дуутом и граничил с юга со сванами, цебельдинцами, медовеевцами, с севера—с кабардинцами, ногайцами и абазинами.²

На месте слияния Худеса с Кубанью еще и сейчас лежит черный камень, который карачаевцы называли неприступным камнем—замком Карачая—Къарачайны къадау ташы.

Высокие горы Карачая прорезаны узкими речными долинами Кубани и ее притоков. С ледников Эльбруса—Битюк-Тюбю и Кюкюртлю берет начало Уллу-Хурзук, с ледников Главного Кавказского хребта—Уллу-Кам с притоками Чирри-Кол и Гаралы-Кол. Слияние Уллу-Хурзука и Уллу-Кама образует реку Хурзук—один из истоков Кубани. Другой исток Кубани—Учкулан также начинается в горах Большого Кавказа речушками Махар, Гондарай и Эндрю-Кол, принимая в себя притоки Кичкине-Кол, Карасу, Кертмели, Кызыл-Кол. У аула Учкулан реки Учкулан и Хурзук, сливаясь, образуют Кубань.

Автор Статистического описания предгорной полосы между реками Кубанью, Лабой, Фарсом и Псефиром штабс-капитан Петухов так описывал в 1841 году верховья Кубани: „Кубань вытекает из снежных вершин Кавказских гор немного южнее Эльбруса, двумя истоками Учкулан и Хурзук, кои по соединении ниже г. Шулап в карачаевском обществе образуют настоящее ее русло, отсель она протекает северным направлением весьма крутым, узким, глубоким и скалистым ущельем, на пути своем до Каменного моста имеет множество порогов и водопадов, от коего вырывается на долину с чрезвычайным стремлением, через весьма узкий проход, образовавшийся природою между двумя гранитными скалами и извивается по оной в том же направлении до ст. Николаевской“.³

В пределах Карачая Кубань принимает в себя целый ряд притоков. С правой стороны: Худес, Джалан-Кол, Аман-Кол, Индиш, Отлу-Кол, Ташлы-Кол, Кара-Сырт, Мару, Шупшурук; с левой—Дуут, Гиляч и Теберду с притоками Уллу-Мурджу, Джамагат и др.

Реки эти, мелководные в сухую погоду, после дождей

¹ Платон Зубов. Ук. соч., стр. 133.

² Н. Петрусевиц. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 4, стр. 45.

³ ГАКК, ф. 347, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5.

превращаются в бурные потоки, часто сметающие на своем пути деревья, камни и жилые постройки.

Территория Карачая имеет сильный подъем к югу. В северной части склоны более пологи, покрыты лесами, которые сменяются цветущими лугами; долины рек несколько шире. Чем ближе к Эльбрусу, тем суровее и суше климат, беднее растительность. Высоко в небо уходят скалистые горы, покрытые вечными снегами. На много километров растянулись ледники Эльбруса.

Ледники и безжизненные скалы занимают значительную часть карачаевской территории. В начале XIX века большая площадь (значительно большая, чем в конце века) была покрыта лесами. Долины рек были покрыты зарослями дуба, чинары, клена, ильма, ясеня, липы, осины, вербы, березы, яблони, груши, а выше на склонах гор—зарослями ели и сосны.

Испытывая острую нужду в земле, карачаевцы систематически вырубали леса на горных склонах. Это привело к тому, что почва с них легко смывалась частыми дождями, и склоны оголялись. Дожди не только смывали почву, но несли с собой потоки камней. Такой поток, образующийся в горах во время ливней и несущий с собой камни, гальку, глину и песок, карачаевцы называют ырхы, а образующиеся после него сухие осыпи—оюлгъан джер (обрушившееся место). Эти потоки земли и камней засоряли поля и реки, а иногда разрушали дома.¹

Вырубка лесов продолжалась и в XIX веке. Лес был для карачаевцев одним из предметов, на который они выменивали недостающий им хлеб и необходимые вещи. Лес вывозился на меновые дворы и ярмарки, устраиваемые в казачьих станицах.

Кроме того, лес был в Карачае главным строительным материалом. Из него строились дома и надворные постройки, изготовлялись орудия труда, арбы, мебель и посуда.

Богатые альпийские и субальпийские луга, лесные поляны, заросшие травой, крутые склоны гор позволяли выпасывать значительное количество скота. Особенно богат Карачай летними пастбищами; в зимних же чувствовался недостаток уже в начале XIX века. Летом горные пастбища простирались до самых ледников. Под выпас скота использовались также высокие кручи по ущельям Учкулана и Хурзука. Зимой эти кручи были покрыты глубоким снегом.

Ветеринарный врач С. Ваганов считал лучшими летними пастбищами Карачая плоскогорье Бичесын, расположенное на границе Карачая и Кабарды, и балки, расположенные по

¹ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. Известия Кавказского отделения Русского географического общества, 1915, т. 23, стр. 256.

притокам Кубани: Баулу-Кол, Ташлы-Кол, Кюзлюк-Орунла, Джер-Оюлган, Баба, Мурдух, Маматай, Чикга улуну кышылык, Оба-Сырт, Ак-Джар, Башлана-ёзен, Отлук-Таш, Аргы-Тохана, Берги-Тохана, Боркъулдаукъ, Кызыл-Кол. Он так описывает летние пастбища карачаевцев: „Отказываешься подчас понять, каким способом пользуется карачаевец, чтобы подняться на страшилище, стоящее перед Вами; мало того, он перебирается сюда с целым богатством: рогатым скотом, овцами и бесстрашными козами“.¹

В поисках пастбищ, пригодных для зимних кочевков, карачаевцы уходили далеко на запад, до Большого Зеленчука с истоком Псыж, и на восток, на земли Большой Кабарды.

Горы Карачая богаты ископаемыми. Уже в самом начале XIX века русское командование интересовалось здесь рудными богатствами. В Военно-топографическом и статистическом описании Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, составленном в 1812 году, указывалось, что в горах Карачая находится свинцовая и железная руда² и серная зола. Позже были открыты залежи каменного угля около аула Хумара и в других местах, магнитного железняка и медной руды у Клухорского перевала, мрамора и т. д.

Однако эксплуатация естественных богатств Карачая в первой половине XIX века была почти невозможной из-за полного бездорожья. Карачай был оторван от внешнего мира, так как до 60-х годов XIX в. не было ни одной колесной дороги; лишь верховая тропа вдоль Кубани соединяла карачаевские аулы с казачьими станицами и Закавказьем.

Малодоступность и изолированность Карачая—одна из причин того, что русские источники значительно меньше знали и сообщили в первой половине XIX века о карачаевцах, чем о других народах Северного Кавказа.

Разноречивы сообщения и о численности карачаевцев в это время. Наиболее ранние сведения, относящиеся к началу XIX в., дают лишь примерную численность населения, выраженную в количестве семей или воинов, которое народ мог выставить. В Историографической записке о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, выпущенной в 1810 году, указано, что карачаевский народ состоял всего из 200 семей, а в Военно-топографическом и статистическом

¹ С. В. Ваганов. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем, в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. ИОЛИКО, вып. 1, 1899, стр. 22.

² Центральный Государственный военно-исторический архив, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

³ Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, СПб, 1810.

описании Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, составленном подполковником Буцковским в 1812 году,—из 600 дворов.¹

Платон Зубов, явно преуменьшая численность карачаевцев, считает, что их было всего 1000 душ.² В отношении графа Паскевича министру иностранных дел Нессельроде от 5 июня 1831 года указано, что 800 карачаевских дворов могли выставить 600 воинов.³

Близкую цифру называет и Шаховской в описании своей поездки в Карачай—700 домов и 800 вооруженных воинов.⁴

Генерал-майор Менд в отчете о политическом состоянии кавказских народов за 1840 год приводит цифру 8800 человек жителей Карачая.⁵ Эта же цифра указана на карте Кавказского края 1842 года⁶ и в статистическом описании Кавказа за этот же период.⁷

Совершенно другая, преувеличенная цифра дается в Ведомости народов, обитающих между Черным морем и Каспийским за 30-е годы—24000 чел.⁸

Остальные источники называют примерно ту же цифру—8 тысяч человек в первой четверти XIX в. и до 13 тысяч человек—к концу второй четверти (штабс-капитан Турнау—4 тысячи душ мужского пола).⁹

Первые более или менее точные данные о народонаселении в карачаевских аулах имеются только от 1865 года. В это время карачаевцев в аулах насчитывалось:

В Карт-Джурте и Дууте—	4429 человек,
в Учкулане—	4216 человек,
в Хурзуке—	4816 человек. ¹⁰

Итого 13461 человек.

Образ жизни карачаевцев-скотоводов почти всеми источниками рисуется как полукочевой—с оседлыми аулами и летними и зимними перекочевками скота. Только отдельные авторы (например, итальянский путешественник Соммиер) называют карачаевцев кочевым народом. Соммиер писал, что карачаевские селения представляются станом кочевого народа, прибывающего туда на короткое время, готовые в

¹ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300.

² Платон Зубов. Ук. соч., стр. 133.

³ АКАК, т. VII, стр. 906.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1—33.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6382, л. 6—7.

⁶ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 303.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6164, л. 10.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6288, л. 360—361.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, л. 1—18.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 107, 43—44.

случае надобности увести в другое место родные пенаты.¹¹

Один внешний вид карачаевского аула с приземистыми, чрезвычайно прочными домами, сделанными из огромных бревен, свидетельствует о многолетнем пребывании аула на одном месте, о том, что для карачаевских селений характерна очень прочная оседлость. Основные карачаевские аулы уже много веков находятся на одном месте, и в каждом ауле есть дома, которые стоят там несколько сот лет.

Улица в карачаевском селении.

Основным материалом для постройки домов служил лес. Огромные сосновые бревна клались целиком одно на другое, причем торчащие концы обычно не отпиливались и не обрубывались, выступая на различную длину.

Самые древние дома совсем не имели окон; свет проникал в них только через дверь и широкое дымовое отверстие. Позже делались небольшие окошечки, которые закрывались ставнями. Дверь была небольшая, двустворчатая, позднее — одностворчатая с высоким порогом.

У стены, а в более древних домах—в центре комнаты находился очаг—отджагъа, над которым висела цепь—сынджыр, прикрепленная к балке. К сынджыру подвешивался котел—къазан. Дымарь имел форму четырехугольника, закругленного и суживающегося кверху. Делался он из хвороста и обмазывался глиной.

Когда вырастали и женились сыновья, к дому пристраивались новые комнаты.

Все постройки были обращены наружу глухой стеной, окна и двери выходили внутрь двора. Так же располагались и хозяйственные постройки: конюшни, кладовые и др.

Старинные карачаевские постройки.

Археологические раскопки также подтверждают очень прочную оседлость карачаевцев. Карачаевские кладбища в течение нескольких веков неизменно находятся на одном и том же месте.

Соседями карачаевцев с востока были балкарцы и кабардинцы, с юга—сваны и абхазцы, с запада и севера—абазины, черкесы и ногайцы, а после основания в верховьях Кубани и на Зеленчуках казачьих станиц—и русские.

Многие нити—и экономические и культурные—связывали карачаевцев с их соседями. Издавна сложились торговые связи карачаевцев с Закавказьем и адыгами. Соседи охотно покупали у карачаевцев их скот и особенно барашков, славящихся вкусным мясом. Легко находили сбыт изделия карачаевского ремесла: бурки, горское сукно, войлоки. Карачаевцы выменивали и покупали у абазин мед, у сванов—сушеные фрукты, у кабардинцев—соль и ткани, у грузин—ткани и другие изделия.

Даже с более далекими соседями—дагестанцами карачаевцы поддерживали постоянные связи, покупая у них оружие, медную посуду, серебряные украшения.

Торговые связи часто подкреплялись личной дружбой. Подтверждением дружественных связей были взаимные браки. Карачаевские бии Крымшамхаловы часто рождались путем браков со сванами и абхазцами. Так, Давлет Гирей Крымшамхалов был женат на сванке Дадишкилиани, а после смерти жены взял ее родственницу.¹ Кеминат Дудова была отдана замуж за свана Левона Отарова.² И таких примеров немало.

Охотно рождались карачаевцы и с ногайцами. Так, Крымшамхаловы отдавали своих дочерей за Тугановых и Карамурзиных. Бывали такие браки и у простого народа. Кроме кровного родства, карачаевцев связывали с соседями случаи молочного родства—аталычества. Карачаевец Каншаубий, герой одноименной песни, был воспитан в семье кабардинских феодалов Атажукиных, Алиев Тогузак воспитывал девочку кабардинку из аула Атажукиных³ и т. д.

Карачаевцев объединяла с соседями и ратная дружба. Она сложилась еще со времени совместной борьбы против крымских и турецких захватчиков. А когда царизм начал шаг за шагом продвигаться в глубь Кавказских гор, народы Кавказа снова поднялись на совместную борьбу за свою свободу.

В рапорте ген. Глазенапа еще в 1804 году говорилось о совместной борьбе против царских войск кабардинцев, чеченцев, балкарцев, карачаевцев и осетин.⁴ Карачаевцы сочувственно относились к борьбе других народов против колониального гнета.

Но в то же время карачаевцы давали отпор и кабардинским феодалам, которые пытались навязать им свою власть, пользуясь их малоземельем. В легенде о Карче рассказывается о том, что помощь карачаевскому народу в его борьбе с кабардинскими феодалами оказывал сванский народ.

Феодальные набеги, которые совершали князья соседних народов на Карачай, а карачаевские бии—на эти народы,—наносили большой ущерб трудовому населению. Так, феодальные владельцы соседнего абазинского племени кизылбеков часто совершали хищнические набеги на карачаевские коши и угоняли скот. Такие же набеги совершали и сванские владельцы.

Борьба карачаевцев с кабардинскими феодалами, с набегами кизылбековцев и сванов нашла яркое отражение в фольклоре. В песне „Татаркан“ рассказывается о том, как

¹ Полевой материал 1958 г. (Крымшамхалова Л. К.).

² ГАКК, ф. 774 оп. 1, ед. хр. 564, л. 1.

³ Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

⁴ АКАК, т. II, стр. 940.

карачаевцу Татаркану удалось вернуть угнанный кизылбеками скот и людей.

В народных песнях осуждались не только нападения феодалов соседних племен на Карачай, но и набеги своих князей на другие народы.

Мирный и трудолюбивый карачаевский народ желал жить в дружбе и добром соседстве с народами Кабарды, Черкесии и Закавказья. В песне „Азнаур“ описана грустная судьба карачаевского юноши, который не хотел идти проводником к князю во время одного из грабительских набегов, но вынужден был подчиниться по требованию отца и в результате погиб.

Близкое соседство и связи в течение многих веков привели к взаимному влиянию быта, культуры и социального строя народов Северо-Западного Кавказа. Это влияние можно проследить во многих чертах быта—в одежде, пище, в приемах труда. Оно прослеживается также в искусстве карачаевцев и адыгских народов, в мелодии их песен, в танцах.

В социальном строе карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев особенно сильно было влияние Кабарды, в которой феодальные отношения получили большее развитие, чем у соседей.

Основание русских станиц в верховьях Кубани и Зеленчуков относится к 50—60 годам XIX в. После этого взаимные связи и влияние культур значительно возросли. В данной теме мы не будем касаться этого вопроса, а подробно рассмотрим его в работе о Карачае в пореформенный период.

2. СКОТОВОДСТВО

Скотоводство было основным занятием карачаевцев. Это подтверждается всей их материальной и духовной культурой. Скот кормил и одевал карачаевца. „У кого нет скота, над тем нет солнца, над кем нет солнца, тому нет света“,—гласила карачаевская поговорка.

В пище карачаевца, которая была в основном молочной и мясной, почти отсутствовали растительные продукты. Основным напитком на кошу и дома был айран—особо заквашенное кислое молоко. В жару его пили, разбавив водой—сусаб. Посоленное кислое молоко—тузлук—заготавливали впрок на зиму. Из молока же делали сыр. Самым распространенным видом пирогов был от хычын—пирог, начиненный сыром или брынзой.

Карачаевцы раньше других народов научились приготавливать кефир—гыпы—при помощи кефирных грибков.

Мясные блюда также были довольно разнообразны. Из мяса барашка готовился шашлык (тишлик), из баранины и говядины—мясной пирог (эт хычын), а также род колбасы—къыйма. Особое блюдо—сохта—приготавливалось из желудка, начиненного печенью, и из требухи, начиненной салом и кишками—джерме. Ели и просто вареное мясо—бишген эт.

Разделка туши производилась определенным образом. Самые лучшие лакомые куски полагались наиболее почетным людям. Первому, самому почетному человеку, давали полголовы и лопатку. Лакомыми блюдами считались также конец курдюка с печенью, джерме и сохта. Самыми непочетными кусками было мясо от ноги, позвонки и черная кишка. Ноги обычно давали детям.

Продукты скотоводства были основным сырьем для ремесла. Из шерсти овец изготовлялись славящиеся далеко за пределами Карачая карачаевские бурки, сукна, из которых шили черкески, знаменитые карачаевские войлоки—киизы, которые имелись в каждом доме, служили и подстилкой на кроватях и ковром на полу. Из войлока делали горские шляпы—кииз бёрк, очень удобные для лета, и бумажники на ноги. Из шерсти же изготовлялись тканые ковры—кюизы, украшавшие стены дома. Овечьи и козьи кожи шли на изготовление женской и мужской обуви, главным образом нарядной, и шаровар—шалбар. Из грубых бычьих кож делалась рабочая обувь—чабыр, подошва, длинные ремни для хозяйственных нужд.

Скот был основным продуктом обмена и торговли карачаевцев. На баранов, а также продукты скотоводства они выменивали хлеб, хлопчатобумажные, шелковые ткани и другие изделия.

Скот был основным мерилем богатства, он же долгое время являлся и основным эквивалентом стоимости. Скотом уплачивался калым при заключении браков: за бийскую дочь—скотом и деньгами, за дочь узденя—баранами, быками и коровами.¹

Скотом обычно давалась ссуда беднякам и, исходя из естественного прироста скота, вычислялись проценты. Скотом платили за труд и одаривали за услуги.

Занятие скотоводством отразилось на языке народа. Терминология по животноводству отличается исключительным богатством. Имеется очень много специфических животноводческих терминов.

¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, т. I, Одесса, 1882, стр. 275.

водческих терминов. Ярким примером этого может служить разнообразие названий мастей лошадей. В то время как все остальные цвета различаются очень мало, без всяких оттенков, цвета животных различаются очень тонко. Так, цвет голубого неба и серых туч назывался одним словом — кёк, а масти лошадей подразделялись почти на 40 оттенков. Нам удалось выяснить следующие названия мастей: (перевод дословный) акъ — белая; чыммакъ — снежно-белая; кёк — серая; кёк-кюрен — светло-бурая; сары — рыжая; саргъылдым — буланая; ачы-сары — ярко-рыжая; саппа-сары или сапсары — очень желтая; тору — гнедая; къан-тору — кроваво-гнедая; къара-тору — темно-гнедая; къара — вороная; къап-къара — вороная с отливом; тум-къара — тускло-вороная; къолан — пегая; къара-къолан — черно-пегая; акъ-къолан — бело-пегая; сары-къолан — рыже-пегая; бурус — саврасая; чал — дымчатая; акъсылдым-кёк — светло-серая; акъсылдым-сары — светло-рыжая; каралдым-сары — темно-рыжая; кёксюлдым-акъ — сизо-белая; суу-кёк — водянисто-серая или жидко-серая; мутхуз-кёк — мутно-серая; темир-бетли — тускло-серая (цвета железа).¹

Герои народных песен и сказок в основном также скотоводы. Любимым занятием пастушонка Аймуша был уход за овцами, которые понимали его мысли. Овцы дали ему богатство, они же отняли его, когда он перестал быть ласковым с ними (сказка „Аймуш“). В сказке „Каракуш“ говорится о том, как бедняк Каракуш пас чужих баранов, а в сказке „Ахмат и Байдымат“ — о том, как пострадавший от злой мачехи-людоедки сирота Ахмат ухаживал за коровами. В сказке „Два брата“ слепой пастух награждает доброго брата баранами за совет, как вылечить глаза.²

Среди языческих божеств карачаевцев большое место занимали покровители скота и диких животных. Апсаты, который принимал образ козла или оленя, а иногда мифического животного с тремя ногами, считался богом охоты. Долай был покровителем крупного рогатого скота, Аймуш — овец.³

В добрых пожеланиях (алгъыш), которые произносились при поднятии чаши, человеку желали счастья в семье, хорошей невестки и добрых внучат, а также богатства, глубокого, как Соляное озеро. А богатство заключалось прежде всего в том, чтобы у него были овцы шерстистые и ко-

¹ Полевой материал 1958 г.

² Карачаевские и балкарские народные сказки. Составил и обработал Хамид Лайпанов. Фрунзе, 1957.

³ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. 1954, стр. 31—33.

ровы молочные, чтобы достаток в его доме был так же обилен, как шерсть на жертвенном животном.¹

Любовь к скоту отражалась в нежных и ласковых словах, с которыми обращались карачаевцы к животным. „Душа моя“, „око мое“ (джаным, кёзюм)—обращается карачаевец к быкам в трудовой песне „Эрирей“.²

Преобладание скотоводства над другими отраслями хозяйства отмечалось всеми побывавшими в Карачае лицами. Первые же известия русских офицеров и историков о карачаевцах содержат указание на то, что главной отраслью их экономики было скотоводство.

„Главное богатство народа состоит в рогатом скоте и баранах хорошей доброты“,³—писал в 1834 году русский офицер Шаховской. „Они большей частью занимаются скотоводством, имеют значительные табуны превосходной породы лошадей. Хлебопашество у них неважно, но достаточно для их нужд“,⁴—говорил Платон Зубов. „Но зато скотоводство развито довольно хорошо и составляет все их богатство“,⁵—сообщалось о карачаевцах в Военно-статистическом описании Ставропольской губернии.

В этих и других описаниях подчеркивается, что особенно развито было у карачаевцев овцеводство. Буцковский (1812 г.) называл его главным их промыслом и отмечал высокие качества карачаевских овец, которые обладали „весьма длинной и мягкой шерстью, из коей выделывают сукна, кошмы и особенно славящиеся бурки“.⁶

В Военно-статистическом обозрении говорится: „Известны всем на Кавказе их знаменитые карачаевские бараны, которых насчитывают до 100 000 голов, т. е. по 50 на каждый двор“.⁷

Гречишкин так описывал карачаевских овец: „Среднего роста, на коротких ножках, длиннотелье, длиннее даже волошской породы, карачаевские овцы отличаются белым длинным глянцевидным руном, считающимся нежнее лейгестерского; у баранов висит из-за щек почти до самых колен густая шерсть, что придает им очень красивый вид“.⁸

Цвет карачаевских овец был обычно черным или бурым, белые попадались довольно редко. По адатам, шерсть от белых овец шла обычно владельцу, темная—крестьянам.

¹ Рукописный фонд КЧНИИ.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1—33.

⁴ Платон Зубов. Ук. соч., стр. 133.

⁵ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб, 1851, стр. 133.

⁶ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

⁷ Военно-статистическое обозрение, стр. 133.

⁸ Г. М. Гречишкин. Теберда. Горная климатическая станция и дачная местность. Ст. Лабинская, 1912, стр. 106.

Наряду с шерстью, карачаевские овцы славились очень вкусным и нежным мясом. Овцы имели большой курдюк, весивший до полупуда и больше. Иногда курдюк был так велик, что овце приходилось приделывать маленькую тележку, чтобы курдюк не мешал ей передвигаться.

Карачаевские овцы славились и мясом и шерстью далеко за пределами Карачая. Когда в 40-е годы XIX в. для Луганской фермы потребовались хорошие овцы, то решили завезти туда именно карачаевскую породу. Кавказская палата государственных имуществ обратилась к новому приставу магометанских народов с запросом, как и где можно достать овец „чистой карачаевской породы“¹ в количестве 150 штук.

Главный пристав разослал запросы во все подведомственные ему приставства о том, имеются ли у них овцы карачаевской породы. Пристав калаусо-саблинских и бештукумских народов ответил, что в подведомственном ему народе „чистой породы карачаевских овец не имеется; но приобрести таковых покупкой по сходной цене можно у самих карачаевцев, и потому, как народ этот состоит в ведомстве начальника кордона Кисловодской линии, то посредством его приглашения карачаевским жителям на продажу лучшей породы овец, можно иметь вернейшие сведения как о ценности, так и о способах доставления их“.²

Точного учета количества скота в Карачае в первой половине XIX в. не велось. Большинство источников, как указывалось, насчитывало до ста тысяч голов мелкого скота и 10—12 тысяч крупного.³

Первые точные цифры относятся к 60-м годам XIX в. По отчету начальника Эльборусского округа за 1867 год у карачаевцев было: овец—186471,⁴ крупного рогатого скота—30150.⁵

В этом же отчете подчеркивается экстенсивный характер скотоводства: „Вместо того, чтобы большим и лучшим уходом за ним (скотом) извлекать большие выгоды, каждый заботится только о том, чтобы с меньшими трудами и пожертвованиями добиться большего числа голов скота и в большинстве случаев достигают желаемого, хотя ежегодная убыль от болезней, пролаж и волков составляет значительную цифру. Об улучшении же пород и помину нет“.⁶

Падеж от болезней, бескормицы и волков у овец достигал $\frac{1}{15}$ всего поголовья, у крупного рогатого скота— $\frac{1}{20}$.⁷

¹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 3854, л. 1.

² ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 3854, л. 6.

³ Военно-статистическое обозрение, стр. 133.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 20.

⁵ Там же, л. 18.

⁶ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 18.

⁷ Там же, л. 19.

Породу карачаевского рогатого скота называют горной. Это был некрупный скот с широкой и короткой головой, небольшими рогами и длинной шерстью, обычно черного или рыжего цвета. Скот отличался исключительной выносливостью и нетребовательностью к пище, приноровившись к жизни в горах. Большую часть года скот, особенно мелкий, проводил на подножном корму, поэтому научился добывать корм из-под снега, лазить по самым отвесным кручам, добираясь до ледников.

Коровы доились недолго. Различают два периода доения: летний—с первых чисел мая до начала августа и осенний—с начала августа до половины октября.¹ Поздней осенью, зимой и ранней весной коровы совсем не доились; молочные продукты на этот период запасали заранее: солили тузлук, готовили сыр и т. д.

Быки использовались в качестве основной тягловой силы. На них производили пахоту, впрягая по паре в примитивную соху—къаладжюк. Для молотбы пускали на ток шесть быков, привязанных к столбу. На быках перевозили и тяжести, запрягая их в двухколесную арбу. Запрягать быков начинали обычно с трех лет. Самыми работоспособными считались быки в возрасте 4—7 лет.

Уже в первой половине XIX в., в целях улучшения породности скота, карачаевцы начали покупать производителей в русских станицах. Но основную массу по-прежнему составлял малопородный, низкорослый местный скот.

Во второй половине XIX в., в результате более тесного знакомства с русскими, карачаевцы чаще стали ввозить производителей и разводить скот других пород, в частности, — черноморской или серой украинской. Крупные, настолько высокие быки, что трудно было воткнуть занозу в ярмо, имелись у Тамбиевых, Урусовых и некоторых других хозяев. Запряжка таких быков могла поднять целый стог сена. Привозные коровы давали значительно больше молока, притом более жирного. Кроме того, скот черноморской породы был менее подвержен заболеваниям.

Абайхановы вывели новую породу овец, более крупных с длинными конечностями. Если простые бараны давали до 25 кг чистого мяса, то абайхановские—30—35 кг. Шерсти они также давали значительно больше.²

Некоторые хозяйства имели буйволов. Быков использовали как тягловую силу, а буйволиц доили и молоко их употребляли в пищу.

Для перевозки небольших тяжестей применяли ослов,

¹ Петрусевич. Ук. соч., стр. 48.

² Полевой материал 1958 г. Аул Верхний Учкулан (рассказ Урусова Магомета).

которых в 1867 году было: в Карт-Джурте—540, в Учкундане—463, в Хурзуке—490.¹

Большую роль в жизни карачаевцев играло коневодство. „Карачай издавна славился своей прекрасной, выносливой карачаевской лошастью“,²—писал знаток карачаевской лошади, автор ряда статей по коневодству П. А. Ковтун.

По своему физическому типу карачаевская лошадь ближе всего стояла к кабардинской. Но, как доказал упомянутый уже П. А. Ковтун, ошибочно было бы „считать, что карачаевская лошадь не самостоятельная порода лошадей, а отродие кабардинской породы“.³ Такого неправильного взгляда придерживались многие авторы XIX в., считавшие, что лучшие породы карачаевских лошадей происходили от смеси кабардинских лошадей с местной породой. На деле же карачаевская лошадь представляет собой самостоятельную породу, образовавшуюся от лошади монгольского корня. Бывали, конечно, случаи, когда карачаевцы держали кабардинских лошадей, однако, по утверждению специалистов, влияние других пород на карачаевскую лошадь было незначительным.⁴ „Единичные попытки некоторых крупных коневодов метизировать свою лошадь культурными верховыми и даже рысистыми жеребцами не отразились сколько-нибудь серьезно на физиономии породы“,—писал о карачаевской лошади другой специалист по коневодству, старший научный сотрудник Б. П. Войтяцкий.

Несмотря на то, что по росту карачаевская лошадь была несколько ниже кабардинской, она не уступала ей по своему экстерьеру и по своим качествам. Выносливая, неприхотливая в содержании, подвижная в езде, она широко использовалась и под седлом и как вьючное животное в горных условиях Карачая, где до середины XIX в. не было ни одной колесной дороги.

Наиболее ценным качеством карачаевской лошади была ее исключительная выносливость, способность к длительным переходам по труднодоступным горным тропам. Несмотря на каменистый грунт, лошадей не подковывали. Выносливость горских лошадей отмечена и в Военно-статистическом обозрении Российской империи: „Горские лошади легки на ходу, способны ко всем лишениям, привычны к продолжительным трудам и крепки на ноги“.⁵

Лошадей не запрягали, а использовали под вьюк или

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 5—6.

² П. А. Ковтун, П. Драгилев. Лошадь карачаевской породы. Г. П. Р. «Коневодство», 1939, № 10-11, стр. 17.

³ П. А. Ковтун и Г. М. Мишин. Государственный племенной расадник карачаевской лошади. Микоян-Шахар, 1940, стр. 14.

⁴ П. А. Ковтун и Г. М. Мишин. Ук. соч., стр. 18.

⁵ Военно-статистическое обозрение... стр. 93.

верховую езду. „Конь—крылья мужчины“,—говорили карачаевцы. Позже в Карачае славилась лошадь Алиева Тембота, Джараштиевых (красивы по статьям, гнедые, со звездочкой на лбу) и производители Абуковых.¹ Больше всего лошади ценились в возрасте от 7 до 10 лет.

Особенно больших, тысячных табунов в Карачае не было, да и всего в первой половине XIX в. лошадей насчитывалось примерно 6500 голов,² а к 1867 году их было 13625.³

Самыми крупными табунами владели бийские фамилии и, прежде всего, наиболее значительная из них—фамилия Крымшамхаловых. Так, Каншаубий Крымшамхалов имел 400 лошадей, Хаджи Мурза—200, Тау Султан и Магомет Крымшамхаловы—по 100 лошадей, Бебра Крымшамхалов—60, Абдурзак—50, Паша—30. Карабашевы имели: Адамит—100 лошадей, Мусост—20.

Карачаевская верховая лошадь.

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Н. Учкулан.

² Военно-статистическое обозрение... стр. 133.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 19.

Разбогатевшая узденская семья Ожая Байчорова имела 200 лошадей, Наны Хубиева—160, эфенди Магомета Хубиева—100. Остальные табуны были небольшие. Так, у Пшемахо Дудова имелось 40 лошадей, у Ачахмата Дудова—40, у Магомета Боташева—40¹ и т. д.

К началу XIX века скот находился в безусловной частной собственности индивидуальных владельцев. Только отдельные пережитки, как, например, родовые тавра, говорили о том, что некогда и скот был собственностью целого рода.

В XIX веке наряду с родовыми таврами существовали и фамильные. Родовыми таврами метили скот все фамилии, входящие в группы адурхаевцев, будияновцев, наурузовцев и трамовцев, фамильными—только члены данной фамилии.

Основными таврами Карачая были:

Тавро	Чье тавро	Фамилии, которые метили скот данным тавром
	Адурхаевцев	Шидаковы, Эркеновы и др.
	Будияновцев	Акбаевы, Джанкезовы и др.
	Наурузовцев	Аджиевы, Байрамкуловы, Кочкаровы, Каппушевы, Салпагаровы и др.
	Трамовцев	Джанибековы, Коркмазовы, Семеновы и др.
		Крымшамхаловы
		Карабашевы
		Боташевы
		Хубиевы
		Алиевы
		Хасановы
		Байчоровы
		Биджиевы—часть Байчоровых 2
		Джараштиевы
		Айсандыровы
		Айбазовы

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

² Тавро Байчоровых и Биджиевых видимо более позднего происхождения, чем остальные.

Таврение скота проводилось весной, когда подрастал молодняк. Лошадям тавро ставилось, как правило, на левую ляжку, крупному рогатому скоту—на спину. Мелкий рогатый скот таврению не подвергали, а делали вырез на ушах, лишь изредка ставили тавро на щеке.

Распределение скота было крайне неравномерным. Фамилии биев и разбогатевших узденей владели сотнями голов крупного рогатого скота и тысячами голов овец, а бедные уздени, не говоря уже о кулах, имели одну-две, а часто—ни одной скотины.

Так, например, Каншаубий Крымшамхалов имел 400 лошадей, 75 голов крупного рогатого скота и 2500 овец; Давлет-Гирей Крымшамхалов—500 овец; Абдурзак Крымшамхалов—100 голов крупного рогатого скота и 600 овец; Абдурзак Боташев—160 голов крупного рогатого скота и 700 овец; Ахмет Боташев—500 овец; Тавгу Боташев—700 овец;¹ Джанибек Салпагаров—120 коров и 1900 овец; вдова Кучука Байчорова—2000 овец; Чубур Байчоров—1000 овец;² эфенди Магомед Хубиев—2200 овец³ (данные 1868 года).

Наряду с этим были сотни бедных семейств, имевших по одной голове скота или даже ни одной. Были такие и среди узденей. Например, семьи Шемахо Боташева, Джима Узденова, Сокура Хубиева и других не имели ни одной головы скота.⁴

3. ОРГАНИЗАЦИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Скотоводство у карачаевцев, как уже говорилось, носило полукочевой характер. Только незначительная часть скота зимовала в аулах, весь же остальной скот с летних пастбищ—джайлыков перекочевывал на зимние—кышлыки. Вызывалось это недостатком сенокосных угодий и выгонов вблизи аулов.

Под сенокосные участки вблизи аулов—биченлики—использовали все подходящие кусочки земли. За ними тщательно ухаживали: очищали от камней, огораживали каменным забором (хуна), проводили к ним оросительные каналы и два-три раза в течение лета поливали.

Биченлики были очень невелики—половина, четверть десятины и даже меньше. Средним биченликом считался такой, который давал две-три копны в год.⁵ Скошенного с биченликов сена едва хватало на прокорм дойных коров,

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

² Там же, л. 81.

³ Там же, л. 67.

⁴ Там же, л. 87.

⁵ Полевой материал 1958 г. Аул Терезе.

рабочих быков и лошадей, которые были необходимы в хозяйстве в ауле.

Весь остальной скот зимовал на кышлыках, которые располагались частью на тех же склонах, где и джыйлыки, но значительно ниже (в глубоких балках или на южных склонах, где больше солнца и раньше появляется трава), а в основном—на арендованных землях вне Карачая.

Недостаток зимних пастбищ начал ощущаться уже в начале XIX века и еще острее—в последующие годы в связи с увеличением количества скота и ростом феодальной собственности на землю.

Лучшие зимние пастбища к началу XIX века были захвачены феодалами. Внутри Карачая кышлыки хотя и считались принадлежащими всему народу, фактически же находились во владении бийских и богатых узденских семей. Им принадлежали целые урочища в десятки, сотни, а иногда и тысячи десятин.

Так, по более поздним сведениям, у Боташевых в урочище Бау-кьол было 1105 дес. и, кроме того, в Мара-баши—376 дес. пастбищ. Крымшамхаловы имели кышлыки: в Кюзлюк-орунла—691 дес., в Чикка-улу кышлык—394 дес., в Ак-Джар-тюбю—864 дес.¹ Дудовы владели урочищем Джалан-кьол в 763 дес., Ташлы-кьол—в 543 дес., Борсукьлу—в 683 дес.² и т. д.

Земли за пределами Карачая также находились в феодальной собственности кабардинских или абазинских феодалов или были розданы казачьим станциям.

Таким образом, крестьянским массам приходилось с большим трудом и за высокую плату арендовать себе земли под кышлыки.

„Сколько унижений, сколько горя приходилось в старину сносить терпеливо от соседей кабардинцев для того, чтобы попасть свой скот на каком-нибудь клочке земли, в такое время, когда горы наши становятся неприветливыми, а снег скрывал корма на значительную глубину. Кабардинцы смотрели на нас, как на дойных коров, и выжимали все, что только могли, и все-таки находили случай обмануть, а иногда и оббирали самым недобросовестным образом“,—жаловались карачаевцы этнографу Петрову.³

Поземельную зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов отмечал в начале XIX в. и Платон Зубов: „Обитая в местах гористых и бесплодных, они должны для со-

¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908, стр. 42.

² Там же, стр. 44.

³ Петров. Ук. соч., стр. 139.

держания многочисленных стад своих пользоваться пастбищными местами в землях кабардинских и платить за сие подать".¹

Кабардинские феодалы пытались сохранить даннические отношения и поземельную зависимость карачаевцев от них и после 1828 года, когда карачаевцы приняли русское подданство, а большая часть земель, которыми они пользовались, отошла к казне.

Даже в 60-е годы XIX века бывали случаи, когда кабардинские феодалы Наурузовы, Касаевы и другие приезжали на карачаевские коши и угоняли скот.²

Фактически же во второй четверти XIX в. карачаевские кышлыки находились в основном не на кабардинских землях, а на казенных казачьих и абазинских. В этот период земли по притокам Кумы—Подкумку, Эшкакону, Эмлуко до Кич Малки были свободны, а земли в верхнем течении Эшкакона, Эмлуко, Подкумка и Кумы принадлежали абазинским князьям.³

Определенных правил аренды земли в эти годы не существовало. Карачаевские скотоводы, обычно из более зажиточных фамилий, договаривались с абазинскими князьями, делали им подарки скотом и оружием и пользовались за это правом пасти свой скот на абазинских землях.

Казенные земли до 1862 года не сдавались в аренду и, пользуясь этим, крупные скотоводы захватывали лучшие земли. Начиная с 60-х годов, казенные земли были приведены в известность и стали сдаваться в аренду по определенным правилам.

Значительная часть земель, которыми пользовались карачаевцы под зимние пастбища, была отдана казачьим станицам, основанным в первой половине XIX в., и карачаевцам приходилось арендовать эти земли у казаков станиц Боргустанской, Кисловодской, Ессентукской, Суворовской, Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской, Кардоникской, Зеленчукской и Исправной.

Всего на арендованных землях к 60-м годам у карачаевцев находилось до трехсот кошей.⁴

В 60-е годы часть свободных казенных земель была пе-

¹ Платон Зубов. Ук. соч., стр. 136.

² ГАКК. 774, оп. 1, ед. хр. 495, л. 3.

³ ГАКК. ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 42.

⁴ Там же.

редана из ведения Верхне-Кубанского приставства Кабардинскому округу,¹ и карачаевцы снова вынуждены были идти на поклон к кабардинским феодалам, которые получили предпочтительное право на аренду этих земель.

Таким образом, одним из основных вопросов в развитии карачаевского скотоводства был вопрос об аренде земли под кышлыки.

На зимних пастбищах скот находился с октября по май месяц. На них же производился окот овец, который старались провести с таким расчетом, чтобы молодые животные прожили до зимы по меньшей мере полгода.²

На зимние пастбища карачаевцы обычно перекочевывали без жен и детей, оставляя семьи в аулах.

Зимние коши напоминали по строению дома в ауле—строились из больших бревен, с земляной крышей. Обычно в доме был дымарь над очагом, но окна бывали не всегда. Очаг чаще располагался в центре постройки, а по бокам были отгорожены места для спанья. Такое ложе с соломенной подстилкой называлось мурджар. Подстилку делали из мягкой травы—мурджар салам.

Н. Иваненков так описывал зимний кош: „В лучшем виде—это деревянный сруб из неотесанных бревен с таким же двухскатным потолком—крышей, ширина 4—5 аршин, длина 5—8 аршин, высота около 3—4 аршин. На двухскатную крышу насыпана толстым слоем земля. Пол в кочевке земляной, потолка нет, кочевка внутри и снаружи необмазанная“.³

Рядом с домом строились помещения для скота: конюшни для лошадей—ат орун, помещения для овец и коров—джатма, круглые плетеные загоны для доения овец—юзгере. Конюшни и коровники строились обычно из дерева, реже из камня или плетня. Наряду с закрытыми помещениями были полузакрытые.

Большой интерес представляет сохранившийся до наших дней кош Бегеуловых, расположенный на берегу реки Уллу-Кама в пяти километрах от аула Хурзук. По словам жителей аула, этому кошу не менее 150 или даже 200 лет. В центре коша находился большой крытый двор—башы джабылгъан арбаз. К толстому бревну, врытому в землю в середине двора, прикреплялись большие бревна, концы которых поддерживались специальными опорами. Поверх крыши насыпался толстый слой земли.

К двору примыкали три дома, срубленные из массивных бревен. Каждый дом состоял из трех отделений: уллу юй—

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 41.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 59.

³ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 53.

Кот Бегуловых за аулом Хурзук.

большой комнаты или от юй—комнаты с очагом, кунацкой и кладовой—гёзен. Окна были маленькие, незастекленные. Низкие двери выходили на крытый двор. Дома эти давно нежилые. Последние годы они использовались как помещения для скота, а сейчас совсем заброшены.

Недалеко от домов были расположены помещения для скота—бау, также деревянные. Рядом с ними стоит небольшой домик с дверью и двумя окнами, сложенный из белого камня, под земляной крышей. Это—отоу—дом для молодоженов.

Отоу—дом для молодоженов.

Местность, в которой расположен кош Бегеуловых, чрезвычайно камениста. Рядом с домами высятся огромные кучи камня, которые были собраны с земли, чтобы сделать ее пригодной для посева и построек.

В снежные и холодные зимы много скота погибало от морозов и бескормицы. Заготовленного сена обычно хватало только для кормления коров с телятами и слабого скота, остальной же скот должен был добывать себе пищу сам.

В одну очень тяжелую зиму, прозванную аманкыш— плохая зима—погиб почти весь карачаевский скот. Снег шел почти каждый день и покрыл землю толстым покровом. К тому же свирепствовали метели и бураны. Многие хозяйства лишились в эту зиму всего скота. У Байчорова Джамбулата, например, погибло все стадо вместе с пастухом: в глубоком снегу не могли найти ни его, ни отары. Только весной, когда растаял снег, нашли их трупы. У Салпагаровых из десяти тысяч овец и коз остался один козленок.

Эта зима настолько памятна народу, что в течение многих лет она служила исходным пунктом для летоисчисления. Рассказывая о событиях последующих лет, карачаевцы обычно говорили, что оно произошло через столько-то лет после аманкыша.¹

Такой же тяжелой, холодной и снежной была зима 1844—45 годов. Главный пристав магометанских народов доносил в августе 1845 года о бедственном положении народов, „потерявших от необыкновенной суровости зимы и недостатка кормов много скота“.²

Но и в обычные зимы к весне скот находился в плохом состоянии. „Высохшая на корню трава не содержит в себе никакой питательности, а потому к весне обыкновенно бараны, скот и лошади до того худеют, что если только трава весной показывается немногим позже обыкновенного, то начинается падеж от голода и после уже наступления весны самые незначительные болезни убивают худой бессильный скот, ослабленный еще более свежей травой“,³— писал в отчете начальник Эльборусского округа.

По материалам, помещенным в этом же отчете, для прокормления скота, имевшегося у карачаевцев к 1867 году, необходимо было 2 миллиона 859 тысяч пудов сена. Карачаевцы же со всех сенокосных угодий—и арендованных и своих—собирали едва 2 миллиона пудов.⁴ Вот почему скот ежегодно недоедал, а весной часто голодал.

Необходимым продуктом для питания скота является

¹ Полевой материал 1958 г. Напр., Коркмазов Иза 86 лет из аула Учкулан говорит, что он родился в год аманкыша.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, ед. хр. 822, л. 3.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 21.

⁴ Там же, стр. 22.

также соль. Отчасти ее можно было заменить использованием воды из минеральных источников. Иваненков пишет, что если поить скот минеральной водой, то можно не давать ему соли.¹ Но минеральные источники использовали редко. Облочно соль для скота привозили с соляных озер, расположенных южнее Карачая, в частности—с Соляного озера, находящегося недалеко от ст. Баталпашинской (Таммикель).

С 20-х чисел мая скот начинали перегонять на летние пастбища: вначале гулевой, затем овец и лошадей и позже всех—овец с ягнятами и коров с телятами.

Летние пастбища дольше, чем кышлыки, оставались в общем владении.

Каждый аул пользовался летними пастбищами прежде всего в прилегающих к аулу ущельях. Земли аула Учкулан, например, были расположены вверх по долине р. Учкулан и его притоков: Кичкине-Кол, Эндрю-Кол, Актюбю, Гондарай, Махар и др.; земли аула Хурзук—по Уллу-Каму с притоками Хурзук, Гаралы-Кол, Узун-Кол, Кичкине-Кол до подошвы ледников Уллу-ёзен, Къаты-тау и др. Жители Карт-Джурта пасли скот по реке Худес и обеим сторонам реки. Кубани.² Наиболее близкие к Карт-Джурту джайлыки были расположены по Сесколу и на Большой поляне Уллу-Тюз. Жители Дуута и Джазлыка пасли скот по ущелью Дуута и Гиляча.

Кроме этих мест, закрепленных за аулами обычаем, скот гонялся и на летние пастбища далеко за пределы Карачая—на плоскогорье Бичесын на востоке и до Б. Зеленчука—на западе. Ветеринар С. Ваганов пишет, что издавна сложившейся границей между пастбищами карачаевцев и абазин была река Большой Зеленчук с истоком своим Псыжом. На такое разделение указывают и названия местностей—карачаевские с правой стороны Большого Зеленчука и абазинские—с левой.³

Трава на летних пастбищах была густая, но мелкая. Чем выше был расположен джайлык, тем беднее и хуже была растительность на нем. У линии скал и ледников рос мох да совсем чахлая трава.

Лучшие пастбища, покрытые богатыми альпийскими лугами, были на возвышенности Бичесын. Там имелись удобный водопой для скота и лес для построек и топлива.

На самых высоких пастбищах скот мог пастись очень недолго—с середины июля до середины августа, ниже—с июля по октябрь.

Для охраны скота от набегов соседних народов выставля-

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 52.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 53.

³ С. Ваганов. Ук. соч., стр. 38.

ли караулы. Особенно охранялись горные перевалы, по которым скот мог быть угнан в Закавказье: Чипер-азау, Кичкине-Кол, Махар, Гондарайский, Куначкир. Кроме специальных лиц, за безопасностью горных дорог должны были следить все пастухи и, в случае нападения неприятеля, сообщать об этом на ближайший кош, откуда скакали верховые на соседние коши или в аулы, чтобы собрать народ.

Более зажиточные карачаевцы имели на джайлыках постоянные коши—иногда закрытые со всех четырех сторон, иногда только с трех. Дымаря, как правило, в летнем коше не было; когда разводили огонь в очаге, то дым выходил через дверь. Нередко для коша использовали естественные пещеры и навесы скал. Наиболее бедные, вынужденные часто перегонять свой скот с одного клочка пастбища на другой, вместо коша ограничивались легким прикрытием, а иногда „кошем“ для них служила простая бурка.

Учитель Тбилисской гимназии Хан, путешествовавший по Кавказу, описывал самый простой карачаевский кош: три или четыре штанги, воткнутые в землю, а вместо крыши—кусок войлока.¹ Около коша обычно строились загоны для скота.

Иваненков приводит описание более фундаментального летнего коша Джауба Текеева: „Сруб сделан на скорую руку из сосновых брусков, щели между ними в вершок шириною ничем не заложены. Крыша состоит из положенных в ряд на два ската расколотых пополам брусков для защиты от дождя. На крышу не посыпана даже земля, дождь капает во все щели между пластинами. Вход в это жилище ничем не закрывается. Пол в нем, конечно, земляной. На лево от входа на земле находится место для сна; оно отгорожено от остальной части жилища сосновым бруском, земля на постели едва прикрыта сеном“.²

Очаг в этом коше находился прямо посредине пола, дымаря не было вовсе.

Что же касается тех бедняков, которые перегоняли скот каждые два-три дня и совсем не имели кошей, то они представляли совсем жалкое зрелище: „Бурки у них мокрые, обуты на босу ногу. Сидя вокруг едва горевшего огня из сырой березы, они провели холодную ночь“.³

На летние коши карачаевцы обычно брали с собой женщин и детей. Скарб: кадушки, деревянные корыта и ведра, казаны и кумганы перевозили на ослах и лошадях, а детей обычно переносили на себе женщины.

„Собрав свои скудные и непрехотливые пожитки, семья

¹ Хан. Ук. соч., стр. 69.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 53.

³ Там же, стр. 57.

навьючивает их на ишаков и лошадей. Тут же, где-либо сбоку, прикрепляется колыбель с грудным ребенком, а с другого в корзинах козлята или ягнята, появившиеся на свет перед выступлением в путь", — писал этнограф Г. Петров.¹ Далее он сообщает: „Уход за скотом, прискание пастбищ, выбор места для коша принадлежат главе семейства, а младшие его члены пасут стадо и исполняют домашние работы: доение коров, приготовление сыру, айрану, вытапливание жиру, стрижку овец, соление и копчение мяса для годовой пропорции“.²

Участки с хорошей травой на джайлыках использовались под сенокосы, а те, что похуже (на каменистых скалах, по старым руслам, на лесных полянах) — под выгоны. Почва на выгонах была каменистая, трава мелкая, но тем не менее питательная. Многие выгоны были покрыты камнями, а некоторые, кроме того, — кустарником.

Одним из самых важных моментов в экономике карачаевского аула был покос. От того, насколько удавалось обеспечить скот сеном, зависела жизнь скота и благосостояние его владельцев.

Под сенокосы старались использовать все более или менее пригодные участки земли — и около аулов и далеко от них — на арендованных казачьих, кабардинских, абазинских или казенных землях по течением рек Кумы, Подкумка,³ Эшкакона, Кич-Малки, Джегуте, Эльтеркачу, Хасауту, Хумаре и др.

Урожайность трав на поливных сенокосах по берегам рек и на склонах гор была совершенно различной. В один и тот же год на биченликах с десятины собирали до 200 пудов сена, на лесных полянах — от 100 до 120 пудов, а на возвышенных местах — не более 50,⁴ а иногда всего 20—30 пудов.⁵

Сенокос продолжался 2—2,5 месяца — с конца июля или начала августа и до конца сентября. „В горах ближе к самому Карачаю это самое удобное время для покоса, потому что там травы только в конце августа достигают необходимой зрелости“,⁶ — писал начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич.

В середине июля, к началу сенокоса, некоторую часть скота (рабочий скот, дойных коров и овец) перегоняли на места будущих зимовок. Его использовали для работы и

¹ Г. Петров. Ук. соч., стр. 142.

² Г. Петров. Ук. соч., стр. 143.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 42; ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁴ Труды Абрамовской комиссии, стр. 21.

⁵ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 57.

⁶ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 21.

питания косарей. Остальной скот оставался пока на джай-лыках.

В организации покоса в течение всего XIX века, а особенно первой половины века, сохранялись традиции родовых отношений и совместного труда. К началу покоса население аула разбивалось на несколько групп для совместной работы. Объединение это, называемое джыйын—группа, выделяло старшего, которому подчинялись все остальные косари и который при косьбе шел впереди.

Каждый косарь являлся со своей косой и пригонял для питания в период сенокоса дойных коров, а также баранов, валухов или бычков. Питание косарей было общим.

В джыйын объединялось 15—20 дворов. Каждая семья выделяла столько косарей, сколько могла. На покос ехали и взрослые и подростки. При учете того, сколько скошено, подростка или слабого косаря считали за половину работника—джарымчалкычы, а особенно хорошего косаря—за 1,5 чалкычы.

Норму устанавливал тамада джыйына. Обычно косарь должен был выкосить за день полдесятины или сложить 2,5—3 копы.¹

Самый веселый и остроумный из косарей избирался аксакалом. Он веселил и развлекал людей во время работы, подбадривал их веселой шуткой. В карачаевском фольклоре существует шуточная песня аксакала.

С тех, кто нарушил общепринятые правила, аксакал, ради шутки, взимал штраф барашком, который шел в общий котел.

Рабочий день косарей длился от зари до зари. Завтракали в 9—10 часов утра, обедали в 3—4 часа, а ужинали после окончания работы. Во время коротких перерывов пили сусаб или айран, направляли косы.

Если неподалеку друг от друга работали две партии косарей, между ними возникало соревнование—кто больше накосит. Если одна из партий отставала, другая помогала ей.

Окончив покос, приступали к дележу сена. Делили по количеству имевшегося скота, а тем, у кого скота было немного и требовалось меньше сена, приплачивали за труд скотом (позже—деньгами).

Считалось, что один косарь за время покоса может накосить сена для 30 коров, то есть 150—200 копен (из расчета 5—7 копен на корову). При этом для удобства расчета весь скот приравнивался в определенной пропорции к крупному рогатому скоту. Тем же количеством сена, которое требовалось для одной коровы, можно было прокормить

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 646, л. 3.

или 10 баранов, или 20 ягнят (при наличии и подножного корма), или 5 телят, или поллошади.

Сено, скошенное с ближних покосов, привозили в аулы. Для доставки его использовали особое приспособление—балас. При помощи длинного ремня к ярму привязывали одну или две жерди с рогатинами, на них укладывали сено и волоком тащили. Зимой сено перевозили на санях—чана.

На кышлыках сено укладывали в скирды. Там же строили сараи, после чего пригоняли скот.

С окончанием покоса джыйын распадался.

Чана—сани для перевозки сена и дров.

Но были и более прочные объединения—так называемые кошевые товарищества—къош-нёгерлик. Каждое товарищество состояло из пяти или шести хозяйств для совместной зимовки. Товарищи—нёгеры—вместе заготавливали сено, строили помещения для зимовки, вместе перегоняли скот и ухаживали за ним всю зиму.

Когда стал остро ощущаться недостаток земель под зимние пастбища, члены товарищества начали сообща арендовать их. Договор о взаимных отношениях членов товарищества заключался словесно на одну зимовку или на несколько лет. Кош-нёгерлик возник в период общинного строя как объединение равных членов с равными обязанностями и правами. Народ и позже боролся за сохранение этого равенства. В народной пословице говорится: „Если хочешь идти в нёгер, то будь равным, а не хочешь быть равным, лучше и не ходи в нёгер“.¹

Но по мере разложения общинных отношений и феодализации карачаевского общества, джыйын и кош-нёгерлик изменили свой первоначальный характер. Наряду с равноправными товариществами, в которых карачаевцы-скотоводы дружно работали для общей пользы, поровну делили тяготы и доходы, появились другие объединения, основанные на эксплуатации одних членов объединения другими. Раз-

¹ Из собрания пословиц С. Ч. Алиева. «Нёгер болсанъ тень бол, тень болмасанъ кенъ бол».

богатевшие уздени старались использовать товарищества в своих корыстных целях. Они подбирали в джыйын или кош-нёгерлик маломощных крестьян, которые должны были половину своего труда отдавать организатору товарищества. Использование джыйына и кош-нёгерлика, как формы эксплуатации, облегчалось для разбогатевших общинников тем, что в их руках сосредоточивались земельные богатства, и им легче было арендовать недостающую землю.

И для покоса и для кошевого товарищества требовалась земля, которой у бедняков не было. Богатые лица собирали товарищество и вместе арендовали землю, но с таким расчетом, чтобы вся тяжесть аренды падала на бедняков. В середине XIX в. во главе товариществ стояли такие богатые уздени, как Ожай Байчоров, Джембулат Байчоров и др.¹ Они арендовали у кабардинского князя Магомета Наурузова большой участок земли, который не только сами использовали для своего скотоводства, но и сдавали в аренду мелким арендаторам.²

Б. Миллер писал о товариществах для совместного содержания лошадей: „Первенство среди сотоварищей принадлежит владельцу наибольшего числа лошадей, он лично дает согласие на принятие чужих косяков в общий табун и заключает условия с новыми компаньонами“.³

Этому наиболее богатому владельцу доставались и все преимущества от товарищества. Вместе с тем обычай освобождал его от всякой ответственности.

Так же, как и кош-нёгерлик, в форму эксплуатации превратился ортак—обычай сдачи скота в аренду для прокорма и ухода. Упоминания об ортаке у карачаевцев имеются у многих авторов XIX века и в архивных документах.⁴ Исследованию этого вопроса посвящены также работы: А. Терентьева—„Орточное право в Карачае“⁵ и Е. Н. Студенецкой—„Ортак—одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX—начало XX в.)“.⁶

Первоначально ортачные отношения существовали главным образом между родственниками. Разбогатевшие члены фамилий отдавали часть своего скота более бедным родственникам, которые кормили его и ухаживали за ним за определенную плату натурой—скотом. Иногда к ортаку прибегали и бедные семьи, в которых не было рабочих рук

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

² Там же.

³ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. Этнографическое обозрение. 1902, № 3, М., 1902, стр. 77.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 53.

⁵ «Революционный Восток». 1929, № 7.

⁶ Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института, вып. 1, Нальчик, 1958.

Для ухода за скотом: вдовы с малолетними детьми, престарелые люди.

В ортак отдавался в основном мелкий рогатый скот, реже—коровы и совсем редко—лошади¹

А. Терентьев подчеркивает неразработанность, нечеткость, „домашний“ характер ортачного права, выразившийся в натуральной оплате и в различных взысканиях в случае нарушения ортака, зависимость от степени родства.²

По мере разложения общинных отношений родственные связи играли все меньшую роль при заключении ортака, в то же время ярче становилась эксплуататорская сущность этого института. Недаром в народе сложилась поговорка: „Пусть солнце и луна будут ортачными, но пусть скот не будет ортачным“, показывающая отрицательное отношение народа к ортаку.

Принявший на ортак скот не только экономически зависел от его владельца, но и юридически попадал в зависимое положение. Он обязан был оказывать владельцу полнейшее уважение, исполнять во всем его волю, отчитываться перед ним.

Договор о сдаче скота в ортак обычно был односторонним. Он оговаривал, в первую очередь, обязанности берущего скот на ортак и очень строго карал за нарушение условий. Нарушение условий договора лишало взявшего скот в ортак всякого вознаграждения. Хозяин мог даже отобрать у него весь скот раньше срока.³

Среди многообразия форм ортака можно выделить три основные формы: 1. Чегем-ортакъ (по названию одного из ущелий Балкарии). 2. Къошхан-ортакъ—присоединительный ортак. 3. Къошмагъан-ортакъ—неприсоединительный ортак.

Чегем-ортакъ являлся наиболее выгодной формой ортака. Скот брался на 5 лет с условием возвращения такого же количества голов. Берущему скот на ортак оставались весь приплод и молоко овец. Шерсть от основного скота отдавалась хозяину, а от приплода—тому, кто ухаживал за скотом. Кроме того, пасущий давал хозяину ежегодно 2 барана и летом 2 ягненка.⁴

К этой форме ортака прибегали обычно родственники или лица с примерно равным имущественным положением, когда не имели возможности сами ухаживать за скотом.⁵

Къошхан-ортакъ—ортак с прибавкой применялся также

¹ Труды Абрамовской комиссии, стр. 31.

² «Революционный Восток», 1929, № 7, стр. 332.

³ В. М. Сысоев, Ук. соч., стр. 83.

⁴ «Революционный Восток», 1929, № 7, стр. 333.

⁵ Полевой материал 1958 г. Аул Учккен.

в том случае, если обе стороны владели скотом. Взятый в ортак определенное количество скота должен был добавить от себя половинное количество, а по истечении пяти лет весь скот вместе с приплодом делился пополам между хозяином и ортакчиком. Шерсть также делилась пополам, а молоко целиком шло взявшему скот.

Овец на зарез хозяин и пасущий брали в равной доле. За пропавших овец отвечал ортакчик.

Къошмагъан-ортакъ — ортак без прибавки применялся при отдаче скота беднякам, не имевшим своего скота. В течение пяти лет взятый на ортак скот ухаживал за ним, изыскивал средства для прокормления, часто вступая в кош-нёгерлик, а по истечении срока получал $\frac{1}{3}$ или в лучшем случае — $\frac{1}{2}$ скота. Наиболее распространенным вариантом было деление скота и шерсти в пропорции: $\frac{1}{3}$ ортакчику и $\frac{2}{3}$ хозяину. Реже применялся второй вариант — раздел скота пополам.

Инек-ортакъ или туар-ортакъ (коровий или скотский ортак) имел примерно те же условия. Летний удой молока подлежал разделу в такой же пропорции: при кошмагане $\frac{1}{3}$ ортакчику и $\frac{2}{3}$ хозяину, при кошгане — пополам. Осенний и зимний удой целиком поступали взявшему скот.

Лошадей очень редко сдавали в ортак и кроме обычной платы натурой владелец лошадей ежегодно приплачивал ортакчику определенную сумму в виде вознаграждения.²

Е. Н. Студенецкая упоминает также о сдаче в ортак ишаков (ешек-ортакъ). Взятый в ортак осла перевозил на нем различные тяжести — половину для себя, а половину для хозяина.³

Многовековой опыт обращения со скотом выработал у карачаевцев определенные навыки в лечении заболеваний скота. При ящуре протирали рот и копыта заболевшего скота тряпкой, смоченной в соленом растворе, давали нюхать серу. При воспалении легких пускали кровь. От чесотки лечили особым растением — андыз, от червей — смесью, состоящей из смолы, сметаны и меда.

Интересно, что задолго до того, как в Карачае появилось оспопрививание, карачаевцы практиковали его на скоте. От заболевшей овцы брали кровь или сукровицу, перемешивали в ведре и потом этой жидкостью обрызгивали здоровых овец. Овцы заболевали в легкой форме и быстро поправлялись. Умели лечить также переломы у скота: вправляли поломанную кость, обматывали тряпкой и привязывали дощечки.

¹ Труды Абрамовской комиссии, стр. 31.

² Там же.

³ Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Вып. 1, Нальчик, 1958, стр. 213.

Наряду с народной медициной еще большую роль играло знахарство. Чтобы корова не заболела, на рога и хвост ей вешали красный лоскут. Когда у скота заводились черви, на хвост вешали ременные чувяки—чабыр.

Часто ветеринария переплеталась с магией. Так, при приготовлении раствора для оспопрививания кровь в ведре размешивали прутиками, привезенными из Стамбула.

Совершенно ясно, что такое „лечение“ не могло спасти скот от многочисленных эпизоотий чумы, воспаления легких, ящура и других болезней, уносивших тысячи и тысячи голов скота.

Жизнь карачаевца-скотовода сопровождалась множеством обрядов. Начало или благополучное завершение тех или иных работ сопровождалось обычно курманлыком—жертвенным угощением.

В период осенней стрижки каждый хозяин старался пригласить побольше родственников и соседей на помочи—мамнат. С этой целью он резал самых жирных баранов или бычков и щедро угощал всех присутствующих. Такой же курманлык устраивался после благополучного перегона скота на зимние или летние пастбища, при таврении или кастрации скота и т. д.

Курманлыком же отмечали первый приезд мальчишка на кош в возрасте 7—8 лет и первое участие юноши в покосе (с 13—15 лет).¹

Охота в XIX веке уже не играла большой роли в хозяйственной жизни карачаевцев, хотя леса и горы Карачая были очень богаты дичью.

Частое упоминание охоты в народных песнях и сказах, а также наличие в языческом пантеоне карачаевцев бога охоты Апсаты свидетельствуют о том, что прежде охота, наряду со скотоводством, была одним из основных занятий мужчины.

Из всего сказанного мы можем сделать следующие выводы. Основной отраслью сельского хозяйства Карачая было скотоводство, которое носило экстенсивный характер. Значительная часть скота находилась на подножном корму. Велик был процент падежа скота от болезней, бескормицы и нападения диких зверей.

Крупный рогатый скот был низкопородным, мелким и малопродуктивным. В овцеводстве преобладало мясное направление. Карачаевские лошади, которые ростом были ниже кабардинских, отличались исключительной выносливостью и подвижностью.

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

Коневодство находилось, главным образом, в руках феодальной верхушки. У крестьян лошадей почти не было; коров, быков и овец они имели в небольшом количестве, а некоторые были лишены всякого скота. Бии и разбогатевшие уздени владели тысячными отарами овец и сотнями голов крупного рогатого скота.

Несмотря на тяжелые условия, вызванные малоземельем и особенно недостатком сенокосов и зимних пастбищ, карачаевцы, в течение многих веков занимавшиеся скотоводством, сумели выработать определенные приемы ухода за скотом и организации хозяйства, чтобы содержать десятки тысяч голов крупного рогатого скота и больше сотни тысяч овец. Для этого очищался от камней и орошался каждый участок земли, пригодный под сенокос, арендовались земли у соседей, создавались объединения и товарищества для покоса и содержания скота.

По мере развития феодальных отношений и разорения народных масс феодальная верхушка стремилась использовать эти старинные формы организации труда в своих корыстных целях—для эксплуатации разорившихся сородичей.

4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие играло значительно меньшую, чем скотоводство, роль в экономике карачаевцев, но тем не менее они относились к обработке земли с исключительной тщательностью.

В Карачае, который представлял собой „круто-наклонный массив с непрерывной цепью хребтов и отрогов“,¹ очень мало было земель, пригодных для пашни. Лишь в некоторых местах речных долин, где у подошв гор приютились карачаевские аулы, можно было заниматься земледелием.

Чем ближе к воде, тем лучше были земли, их-то и старались использовать под пашни—сабаны или покосы—биченлики. Дома же ставили дальше от реки, на более возвышенной местности. Пахотные земли в основном группировались вокруг селений. Каждый аул представлял собой группу беспорядочно расположенных усадеб с довольно далеко отстоящими друг от друга домами. Между домами тянулись усадьбы, сабаны, биченлики, покрытые сетью оросительных канав.

Каждый хоть немного пригодный для земледелия участок земли очищали от многочисленных камней, которыми покрыты долины рек, окружали его каменным забором—хуна, удобряли, поливали и только при самом старательном уходе получали сносный урожай.

¹ Труды Абрамовской комиссии, стр. 16.

„Каждый вершок земли добыт потом и кровью человека“,¹ — писал о карачаевцах этнограф Г. Чурсин.

Слой плодородной земли, очищенной от массы покрывавших ее камней, был очень тонок. Южные ветры иссушали почву и способствовали еще большему ее выветриванию.

Почвы были истощены непрерывными посевами в течение многих-многих лет. Говоря о скудности карачаевского земледелия, начальник Эльборусского округа Н. Петрусевиич писал: „Главная причина этому, конечно, в суровости климата и бедности почвы, но не менее важно и то обстоятельство, что земли в середине Карачая, бедные по содержанию необходимых для произрастания хлебов веществ, запахиваются из года в год без всяких перерывов по крайней мере 300 лет“.²

Обвалы и горные потоки часто в течение нескольких минут уничтожали работу многих лет по очистке сабана или биченлика.

Посевы страдали от весенних заморозков и порою рано наступающих осенних холодов.

Но и в таких неблагоприятных условиях карачаевцы продолжали упорно и терпеливо отвоевывать у природы пригодные для земледелия участки и возделывать их.

В карачаевских пословицах отражено то уважение, с которым относился народ к земледелию: „Богатство — в земле, кто не пашет, богатым не будет“; „Ячмень и пшеница — это главное, а золото и серебро — пустое“.³

Будучи уже много лет мусульманами, карачаевцы не забывали языческого бога земледелия — Эрирея. Ему были посвящены песни, которые пелись во время сельскохозяйственных работ, в частности во время молотбы хлеба.⁴

В добрых пожеланиях хорошей жизни и богатства, среди прочих благ, упоминается и сабан, дающий большой урожай: „Пусть урожай будет так хорош, что четвертью не измерить колос, пусть хлеба будут так густы, чтобы между ними змея не могла проползти“.⁵

Но эти добрые пожелания, к сожалению, редко осуществлялись. Обычно урожай был очень невелик — сам 2 или сам 3, а иногда и меньше. „В других же местах хотя и производится посев, но урожай настолько мал, что едва вознаграждает труды“,⁶ — писал Н. Петрусевиич. „Стебель

¹ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 1900, № 322.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11.

³ Из собрания карачаевских пословиц С. Ч. Алиева. Байлык — джердеди, джер сюрмеген байыммаз. Арпа, будай — аш кибик, алтын, кююш — таш кибик.

⁴ Рукописный фонд КЧНИИ.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1.

хлебный бывает самый маленький, не более 6 вершков вышиною¹.

При таких небольших урожаях, собранных с крошечных сабанов, карачаевцы, разумеется, не могли обеспечить себя хлебом. Только $\frac{1}{8}$ часть хлеба, необходимого для прокормления народа, собиралась со своих полей, остальные же $\frac{7}{8}$ карачаевцы вынуждены были приобретать на стороне.²

Несмотря на упорный труд и борьбу за каждый клочок земли, пахотных земель в старых карачаевских аулах набиралось: в Карт-Джурте—450 десятин (вместе с усадьбами), в Учкулане—568 десятин, в Хурзуке—382 десятины, в Дууте—249 десятин и в Джазлыке—873 десятины.³

Учитывая данные о населении этих аулов в 60-е годы (за неимением более ранних)—5640 человек в Карт-Джурте, 4617 человек в Учкулане и 4729 человек⁴ в Хурзуке,—мы можем вычислить, каким ничтожным был душевой надел пахотной земли. В Карт-Джурте в среднем на одного человека приходилось 0,08 десятины, в Учкулане—0,12 десятины, в Хурзуке—0,08 десятины (по Дууту и Джазлыку данных о населении нет).

В земледелии не так ярко бросалась в глаза имущественная дифференциация населения, как в скотоводстве, но тем не менее и от малоземелья страдало больше всего беднейшее крестьянство.

По сведениям Абрамовской комиссии, относящимся, правда, к более позднему времени, когда дробление сабанов зашло еще дальше, чем в первой половине XIX века, пахотные земли „распределялись крайне неравномерно: встречаются дворовые земельные участки в 5 и более десятин, некоторые не превышают четверти десятины, но много и таких, которые ничего не имеют“.⁵

С увеличением числа населения все острее становился вопрос о земле. Внутри карачаевских гор некуда было расширять запашку; единственным выходом было производство посевов вне Карачая, на арендованных землях. Такое расширение посевной площади за счет арендованных земель происходило во второй четверти XIX века, после 1828 года.

В 60-е годы начальник Эльборусского округа писал: „В последнее время каждый стал считать необходимостью запашать земли в середине зимовки, нанимаемой на казенных или казачьих землях“.⁶

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 2.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 466, л. 45.

³ Труды Абрамовской комиссии, стр. 26.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 8.

⁵ Труды Абрамовской комиссии, стр. 26.

⁶ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11.

Передача Эшкаконского участка казенных земель из ведения Верхне-Кубанского приставства Кабардинскому округу в 1864 году ограничила увеличение посевной площади на этих землях, так как начальство Кабардинского округа возражало против распашки земли.¹

Всего в 1867 году карачаевцами было посеяно хлебов внутри Карачая—8401 мера, а вне Карачая—2124 меры.² Так что в основном посевы хлеба производились внутри Карачая.

* * *

Орудия земледельческого труда, которыми пользовались карачаевцы, были самыми примитивными, переходящими от дедов и прадедов.

Пахота производилась грубым деревянным плугом—каладжюк, с металлическим лемехом (сабан-темир). Главными частями каладжюка были: деревянное основание из толстой доски—къанъа, на заостренный конец которой одевался лемех (сабан-темир); коленообразное основание—луккур—с ручкой, за которую держался пахарь при пахоте; жердь (ылысхын) и ремень (чынды), соединяющие соху с ярмом (боюнсха).

Деревянный плуг—каладжюк.

Деревянную часть каладжюка каждый крестьянин делал сам из березы или клена. Она служила 5—6 лет. Железный лемех изготовлялся в кузнице, он изнашивался быстрее и его меняли через 2—3 года, а иногда и ежегодно.

За день каладжюком, в который впрягали пару быков, можно было вспахать средний сабан—до 600 кв. сажен. Глубину вспашки можно было регулировать. Если ремень

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр., 235, л. 53.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 12—13.

привязывался ближе к плугу—пахота была мельче, а если дальше от плуга—пахота производилась глубже.¹ Но глубокая вспашка почти не применялась, так как плуг выворачивал камни из нижнего слоя земли.

Борона—сибиртги—была еще примитивнее. Между двух досок зажимался пук хвороста (чаще от березы), а на доски клалась небольшая тяжесть (обычно камни), чтобы не вытащить зерен из земли.

Борона—сибиртги.

Уборку хлеба производили серпами, которые делали или в своих кузницах, или покупали у соседей. С середины XIX в. серпы стали покупать у русских.

Сено косили косами своего производства, которые по форме напоминали кинжал. Коса имела обоюдоострое лезвие и косить ею можно было в обе стороны. Чтобы прикрепить ручку к лезвию, использовали рога козы или барана. Позже стали применяться покупные русские косы.

При молотье применяли деревянные вилы, на зубья которых для прочности одевали козьи рога. Зерно веяли легкими деревянными лопатами.

Вилы—сенек, с козьими рогами на зубцах.

Обмолоченное зерно ссыпали в деревянные ящики (гюрге), вмещавшие по 20 пудов. Для очистки зерна делали

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 65.

специальный венчик из трех веток барбариса (аулау) и им сметали полосу.¹

Помол зерна производился на водяных мельницах (тирмен). Ручей, проведенный от реки, вращал вал с укрепленными на нем жерновами. Сверху на жернова сыпалось зерно, которое, попадая между двумя жерновами, перетиралось в муку или крупу. Крупу приготавливали также дома в деревянной ступе—кели.

Основной полевой культурой был ячмень. Он упоминается в первой же легенде о приходе карачаевцев в долину Кубани. Боташ, а по другой версии—Карча вскопал палкой (таякь) землю и посеял несколько зерен ячменя.

Мельница в ауле Карт-Джурт.

Рано стали карачаевцы высевать яровую пшеницу.

Полковник Буцковский еще в 1812 году в своем описании Карачая упоминает о том, что жители его сеют яровую пшеницу и ячмень.² Шаховской в 1834 году писал, что карачаевцы „засевают пшеницу, ячмень и частью овес“.³ Те же культуры названы в Военно-статистическом описании: „Земледелие у них скудное, сеют хлеба самое малое количество. Посев заключается в кубанке (род пшеницы), ячмене и овсе“.⁴

Кукурузы в первой половине XIX в. сеяли очень мало. В отчете начальника Эльборусского округа Н. Петрусевича за 1867 год указано, что карачаевцы „ни проса, ни кукурузы

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

² ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1—33.

⁴ Военно-статистическое обозрение, стр. 133.

не сеют, потому что ни то, ни другое не вызревает в Карачае, и слишком долгая жизнь внутри гор заставила их довольствоваться только ячменем, овсом, пшеницей и только в последнее время они стали обращать внимание на картофель¹.

Картофель и некоторые другие овощи карачаевцы начали сеять со второй четверти XIX в., переняв эту культуру у русских. Эбзеев Камбот, которому от роду 114 лет, вспоминает, как в дни детства в его родном ауле впервые стали сажать картофель. Карачаевцы еще не знали, как убирать его и пробовали косить косой; не знали, как есть, и бывали случаи, когда ели клубни сырыми. Называли картофель джер мандалакъ — земляной клубень.²

Первые цифровые данные о посеве хлебов относятся к 1867 году. В этом году было посеяно и собрано (в четвертях):

Название аула	Я ч м е н ь			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	2805	81961 $\frac{1}{2}$	1141	3107
Учкулан	1527	6970	650	1333
Хурзук	3111	12524	—	—
Итого	7443	27690 $\frac{1}{2}$	1791	4440

Название аула	П ш е н и ц а			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	100	290	68	121
Учкулан	125	187	194	446
Хурзук	89	122	—	—
Итого	314	599	262	567

¹ ГАКК, ф. 452, сп. 1, ед. кр. 605, л. 16.

² Полевой материал 1958 г. Аул Джага.

Название аула	Овес			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	181	396	17	35 ¹ / ₂
Учкулан	239	708	50	140
Хурзук	294	896	—	—
Итого .	714	2000	67	175 ¹ / ₂ ¹

Из таблицы видно, что самые большие посевы ячменя внутри Карачая были у жителей Хурзука, поэтому посевов вне Карачая они не производили совсем. Самый высокий урожай давал ячмень, причем в Учкулане и Хурзуке урожай был выше (сам 4),² чем в Карт-Джурте (сам 2). Средний урожай этой культуры был несколько меньше, чем сам 3. На посевах вне Карачая ячменя собирали еще меньше—сам 2. Пшеница лучше всего родилась в Карт-Джурте (немногим больше сам 2). В целом же урожай ее как в Карачае, так и вне его был меньше, чем сам 2. Овес, посевы которого были невелики, давал урожай сам 3 на территории Карачая и сам 2 вне его.

Таким образом, если учесть, что население Карачая в этот период превышало 15 тысяч человек, то станет ясно, что собранных трех с половиной тысяч четвертей хлеба было совершенно недостаточно.

* * *

Подготовка к весенним полевым работам начиналась ранней весной с очистки участков от камней. Каждую весну и осень производили эту работу трудолюбивые карачаевцы, и каждый год, когда таяли снега, ручьи с гор снова заносили участки камнями.

Из убранных камней складывали стены—хуна, которыми защищали сабаны от скота. Очистив сабан, приступали к удобрению. Всю зиму собирали скотоводы навоз, складывали его в кучки, а затем в большую плетенку (ишкиль), которую можно было поставить на арбу и перевезти в поле.

В конце февраля или в начале марта, когда выпадал легкий снежок, навоз вывозили на поля и тонким слоем

¹ ПАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 12—13.

² Сам — во столько-то раз больше посеянного.

разбрасывали. Там он лежал до середины апреля. Весенние дожди размывали его по всему полю. Потому навоз и вывозили заранее, чтобы он успел до пахоты войти в почву.¹

Иногда навоз вывозили на поля с осени, и он всю зиму лежал под снегом в скирдах, а весной его рассыпали по сабану.

В целях удобрения производилась также осенняя пахота. В данном случае удобрением служили перегнившие корни растений.

„Если бы не сильное уваживание и поливки, то эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая, до того они истощены“,—писал о карачаевских землях Н. Петрусевич.² Кроме того, горное солнце, нагревая окружающие аул каменистые склоны, так сильно согревало почву, что без орошения здесь ничего не могло расти.

Карачаевцы были большими мастерами строительства оросительных сооружений. Издавна аулы были перерезаны целым рядом оросительных канав, которые всегда поддерживались в исправности.

„Часть пахотных земель, с которых карачаевцы получают свое небольшое количество хлеба, лежит при слиянии истоков р. Кубани—Учкулана и Хурзука. Все эти земли сильно уважаются и орошаются целой системой водопроводных каналов, проведенных часто за 7 и 8 верст, и, конечно, работы эти и на плоскости, по ровным местам, заслуживали бы внимания и в Карачае тем более потому, что канавы проходят часто по скалам, через которые вода передается целой системой полутруб, так как на пробитие скал у проводивших воду не доставало средств и, может быть, и знания“,³—писал начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич.

Отсутствие орошения понижало стоимость земли „чуть ли не в 8 раз“,⁴ так как без поливки в Карачае ничего не родилось.

Через каждый аул поверх сабанов и биченликов шла главная оросительная канава—уллу илипин (большая канава). От нее отходили средние канавы—орта илипин, проходящие между кварталами. Ответвления от средних канав, идущие непосредственно на сабаны, назывались гитче илипин—маленькая канава.⁵

В ауле Учкулан было шесть больших канав, из них пять отводили воду из р. Учкулан (четыре справа и одна слева) и одна из р. Хурзук. Последняя канава была проведена в

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

первой половине XIX в. и не всем аулом, а 51 домохозяйном, поэтому только их потомки получили право пользования водой.

В 60-е годы встал вопрос о проведении новой оросительной канавы в той части аула Карт-Джурт, которая лежала на левом берегу Кубани. Аульное общество вынесло специальный приговор, чтобы все жители приняли участие в этом деле.¹ Проведение этой канавы сделало бы плодородной долину в 4—5 верст в длину и 200—500 сажен в ширину. „Все описанное пространство сплошь годится для пахоты, но большая часть ее остается без всякого употребления, потому что без поливки почва не дает там урожая, и запахиваются только такие места, на которые может проходить вода от небольших источников, вытекающих из-под склона гор, по покатостям которой расположены пахотные места“.²

За оросительной сетью тщательно следили. Головные канавы очищали всем селением, средние—кварталом, а маленькие по очереди. Каждая семья выделяла для очистки канав по одному человеку.

Во второй половине XIX в. за состоянием оросительных канав следили нанятые обществом лица, которых называли илипинчи. Им платили особую плату.

Воду пускали по очереди то на один сабан, то на другой, следуя определенным правилам, сложившимся в течение многих лет поливного земледелия. За очередностью следил специальный выборный—суўчу.

В аулах Большого Карачая воды было достаточно, поэтому споры из-за нее были редким случаем. Чаще ссорились из-за земли,³ которой было так мало.

Орошать поля начинали не сразу после пахоты, а только тогда, когда взошедший ячмень давал третий листок и когда выпускал метелку. Полив производили в течение лета 3—4 раза, в дождливое лето—2 раза. Биченлики поливали чаще, чем сабаны.⁴

Пахота начиналась в первой половине апреля, не позже 20 числа. Пахали каладжюком, в который запрягали быков, специально пригнанных с зимних кошей. Чтобы скорее обработать участок, устраивали маммат—помочи. Соседи и родственники приходили помогать со своими быками и плугом. По окончании пахоты устраивался курманлык—жертвенное угощение.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. х р.144, л. 5.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 7.

⁴ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

Бороновали сразу же после пахоты.

Севооборот в Карачае совершенно отсутствовал. Из года в год в течение десятков и сотен лет на сабанах сеялся ячмень и изредка—пшеница. Только обильное орошение и удобрение помогали избежать неурожаев.

Ячмень поспевал в первой половине августа, пшеница—немного позже. Жали в основном женщины, иногда помогали и мужчины. Если посевы были значительны, созывали также маммат.

Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали по 20 снопов в крестцы—беджен. Там он стоял дней 6—7, пока не высыхал, затем его собирали в скирды—антау.

В антау, чтобы хлеб доспел, его держали полтора-два месяца. Вокруг антау, во избежание порчи хлеба скотом, ставили изгородь. После жатвы на стерню пускали скот.

Характерно, что сабаны, которые к XIX в. стали безусловной частной собственностью, после уборки урожая превращались в общее пастбище, на которое пускали весь скот без разбора. Это лишний раз подчеркивает, что в истории Карачая был период, когда и пахотная земля находилась в общественной собственности.

Хлеб в скирдах лежал до конца сенокоса. Когда мужчины возвращались с покоса в аул, тогда начиналась молотьба.¹ Производилась она на токах, сделанных на краю сабана. Для этого отводилась круглая площадка такого размера, чтобы по ней могли ходить вокруг столба шесть быков. Она тщательно расчищалась, поливалась водой, утаптывалась ослами, а затем выравнивалась бороной и смазывалась коровьим навозом. Получался хорошо утрамбованный ток. В центре его заранее вкапывался столб (перед тем, как пустить ослов).

Для молотьбы отбирали хороших быков. Чтобы они не ели ячмень, на морды им одевали намордники из хвоста. Быков связывали длинным сыромятным ремнем из бычьей кожи (манс), привязывали к столбу и гоняли вокруг него по уложенным на току снопам. Обмолоченное зерно провеивали и убирали, а солому употребляли на корм скоту. Обычно ее смешивали с сеном.

При молотьбе пели рабочую песню „Эрирей“.² В ней призывали народ быть щедрым и добрым к бедным, помогать им, а не бням. В песне поется, что Эрирей произносит-ся всем аулом и тем ветром, которым веяли зерно. Поющие обращались к быкам, уговаривая их работать и обе-

1 Полевой материал 1958 г. Аул Терезе.

2 Эрирей — языческое божество земледелия и молотьбы.

щая отдых после всех трудов и хорошую жизнь на летних пастбищах.

„Вставайте, уже заря засветилась!
Разложим снопы на току.
До полдня дважды уберем солому,
А они (быки) все обмолят“.

Таким образом, несмотря на небольшой удельный вес земледелия в общем хозяйстве, карачаевцы относились к возделыванию культур с исключительной тщательностью.

Глава II

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

1. РЕМЕСЛО

Недостаток земель и скудность почвы, с одной стороны, а с другой—наличие большого количества шерсти—этого основного сырья для валяния бурок и войлоков, для тканья горских сукон и т. д.—привели к тому, что ремесло в Карачае получило довольно большое развитие. Оно стало дополнительным источником существования, подспорьем в бедном хозяйстве карачаевца.

Первые же путешественники и этнографы, писавшие о Карачае, подчеркивали высокое развитие ремесла, особенно бурочного и ткацкого.¹

Несмотря на то, что хозяйство карачаевцев носило натуральный характер и ремесло не отделилось еще от сельского хозяйства, налицо были некоторые элементы товарного производства.

Каждая семья изготовляла для собственного потребления все: одежду, обувь, орудия труда. Но часть изделий предназначалась и для обмена. Наличие обмена, как известно, не противоречит натуральному характеру хозяйства.

Профессиональная специализация в ремесле также была незначительной. Только кузнечное ремесло да частично деревообделочное выделились, как особые профессии.

Всеми остальными видами ремесел занимались одновременно одни и те же лица. Разделение труда было незначи-

¹ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

Карачаевцы «занимаются более скотоводством и выделыванием сукон и бурок, которыми торгуют». Торнау, ЦГВИА, ф., ВУА, ед. хр. 1854, л. 1—18.

тельным. Сегодня карачаевка валяла бурку, завтра она же шила обувь себе и детям или варила мыло, а на следующий день садилась за ткацкий станок.

Женщины были главными труженицами в ремесленном производстве Карачая, как и у соседних народов. „Женщины бесспорно главные деятельницы местного кустарно-промышленного дела: на них лежит наибольшая и самая тяжелая часть труда“, — писал знаток кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграф.¹

Специфически женскими промыслами были: шерстобитье, изготовление бурок, валянье мелких изделий (чулок, шляп, а также полстей), ткачество, плетение из шерсти, окраска сукон, металлическое плетение, шитье золотом и серебром. Кроме того, женщины занимались скорняжным и сапожным ремеслами, обрабатывая овечьи и козьи кожи и обувая детей и себя.

Мужчины занимались кузнечным и деревообделочным промыслом, делали седла, ремни, обрабатывали кожи крупного рогатого скота, шили грубую рабочую обувь.

Ремесло было в основном ручным, почти без применения станков, а те станки, которые имелись, отличались крайней примитивностью. Тем большего искусства требовалось от ремесленников, чтобы с такой грубой и примитивной техникой сделать вещь, отличающуюся большой прочностью, красотой и совершенством.

Это свойство местных изделий отмечал и Маргграф: „А между тем, при всей несложности и грубости орудий производства, — некоторые местные изделия отличаются совершенством работы, красотой отделки и дешевизной“.²

Так, для изготовления карачаевских бурок, которые славились своей прочностью и удобством, применяли простой плетень — джамчы четен, грубый гребень — таракъ да щетку для поднятия ворса — джамчы таракъ.

Кожи обрабатывали деревянным вальком — джатхан талкы. Сукно ткали на самом примитивном станке. А тончайшую художественную резьбу на деревянной мебели и посуде делали простым ножом.

Ножи, мотыги (чага), кувалды (салта), лемех для плуга (сабан темир), ножницы для стрижки овец (къой къыбты), различные инструменты для обработки дерева (аталгы, юнъюч) и другие изделия из железа делали кузнецы.

Территория Карачая богата природными ископаемыми: серебряной, свинцовой и железной рудой, медным колчеданом, каменным углем и т. д. В основном эти богатства до

¹ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва, 1882, стр. XXXI.

² О. В. Маргграф. Ук. соч., стр. XXXII.

второй половины XIX века не использовались, однако небольшие разработки все же велись.

В пещере на речушке Сескол около Карт-Джурта и сейчас лежат целые горы шлака. По преданиям, здесь несколько веков назад добывал железо еще Боташ. Разработки продолжались и позже. Железо изготовляли при помощи сырого дутья, доводили металл до мягкого состояния, а затем ковали.

В первом этнографическом описании Карачая, сделанном Буцковским в 1812 году, указывалось, что карачаевцы „выделяют пули и плавят железо“.¹

Из железа изготовляли боевое оружие, орудия сельского хозяйства и ремесла, предметы домашнего обихода.

Опасными конкурентами карачаевских мастеров по обработке металла являлись дагестанские мастера. Они привозили в Карачай ружья, кинжалы, медную посуду: тазы, казаны, кумганы, серебряные пояса и украшения.

По мере роста связей карачаевцев с Дагестаном, спрос на местные металлические изделия падал.

Дагестанцы, особенно кумыки, привозили с собой не только готовые изделия, но и изготовляли их на месте, в карачаевских аулах. Часть кумыков осела в аулах, продолжая там жить и ремесленничать.

Кумыки работали в основном по серебру, золоту и меди. Ремесло свое они держали в секрете, стараясь, чтобы карачаевцы не переняли их искусства. Медные изделия не отливали, а ковали (например, большие тазы с низкими бортами, казаны и т. д.).

Из серебра делались различные украшения к женскому костюму: пояса, нагрудники, серьги, браслеты, брошки, наперстки, а также украшения для конской сбруи: уздечек, подпруг и т. д. Серебро украшали чернью.

Особенно красиво умели дагестанские мастера отделять оружие — кинжалы, ружья. Их ружья, например, продолжали пользоваться спросом и в XIX веке, хотя по боевым качествам они были значительно ниже заводских русских винтовок.

Только охотники в Карачае продолжали сами делать охотничьи ружья.²

Железные орудия труда по-прежнему делали кузнецы-карачаевцы. В каждом ауле было несколько кузнецов. Большие кварталы — тийре имели своих кузнецов, которым платили не поштучно, а за всю работу сразу. Каждый дом данного тийре должен был дать кузнецу по одному барану в год. Немногочисленные тийре объединялись для содер-

¹ ЦГВИА, ф. 414, сд. хр. 300, л. 78.

² Полевой материал 1958 г. Аул Хурзук.

жания кузнеца. Кузницы строились поодаль от жилых помещений.

Кузнец считался почетной фигурой в карачаевском обществе. Лучшие из них старались обучить своему ремеслу других и славились на весь Карачай. Такие кузнецы пользовались от общества различными льготами и преимуществами, например, им отводились дополнительные оросительные канавки.

Особенно много работы бывало у кузнецов весной, перед началом весенней пахоты. Надо было починить и обновить железные лемехи для сохи каладжюк, мотыги, кирки, лопы и другой инвентарь.

Со второй четверти XIX века, после того как карачаевцы получили доступ на меновые дворы и ярмарки в русских станицах, в аулы Карачая начали проникать русские фабричные товары, в том числе и металлические изделия.

Заводские косы оказались более прочными, дешевыми и начали вытеснять местные. То же произошло и с другими орудиями труда.

Кузнечное ремесло начало понемногу падать. Особенно быстро этот процесс пошел во второй половине XIX в., когда на долю кузнецов остались лишь ремонт и починка старых орудий. Добыча железа совершенно прекратилась.

Тысячные стада овец, покрывавшие склоны гор, давали большое количество шерсти, которая была основным сырьем карачаевского ремесла.

Из шерсти валяли бурки и войлоки, шляпы и ноговицы, ткали сукно и киизы. Шерсть осенней стрижки, как лучшая, шла обычно на сукна и бурки, весенняя—на войлоки, а совсем плохая, слеглая—на тюфяки. На рабочие бурки отбирали черную шерсть, а для знати валяли нарядные бурки из белой шерсти. Для пастухов шили из бурочника пальто с рукавами—гебенек.

Главным предметом войлочного производства была бурка, спасавшая карачаевца-скотовода от зимних буранов и летних дождей, служившая ему и одеждой и постелью.

В первом же этнографическом описании карачаевцев сказано, что они делали „сукна, кошмы и особенно славящиеся бурки“.¹

Материал для бурки готовили заранее. Для этого женщины тщательно перемывали с мылом шерсть, просушивали ее, перебирали руками, отделяя длинную шерсть от мягкого подшерстка. Перебрав, расчесывали специальной чесалкой—таракъ и взбивали луком—джая (отсюда про-

¹ Буцковский. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей. ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

месс взбивания получил название джаялау). После этого шерсть считалась готовой для валяния.

Выбрав теплый солнечный день, карачаевка звала соседок на маммат (обычно бурки валяли во дворе, лишь когда не позволяла погода, работали в доме). Изготовление бурки требует одновременного труда нескольких женщин, поэтому и принято было в этот день собирать на помощь соседок—человек пять или шесть.

Женщины укладывали приготовленную шерсть ровным слоем на циновку из камыша—чий, мочили ее горячей водой, скатывали в трубку и катали. Развернув, накладывали второй слой—ворс—и снова сворачивали и катали. Приготовленный таким образом материал—джамчылыкъ—мыли, сушили, снова мыли в горячей воде и катали уже не на циновке, а на плетне—джамчи четен.

До того, как джамчылыкъ высохнет, поднимали на нем ворс при помощи особой щетки—джамчи таракъ. Высушенный материал опускали в большой казан с горячей водой, затем вынимали и вновь катали на плетне. Эта процедура замачивания и катания, повторявшаяся три раза, требовала труда шести-восьми женщин. Щеткой—джамчи таракъ—снова поднимали ворс, густо смазывали материал мылом и били палками.

Для определения прочности материала на него сразмаху выливали ведро воды и, если она не просачивалась, джамчылыкъ считался готовым.

Следующей процедурой была окраска. Краску изготавливали из коры ольхи, березы и дуба с добавлением березовой золы.¹ В сваренную краску добавляли медный купорос.

После окраски материал несли на речку. Обычно это поручалось девушкам. Группой в 9—10 человек они клали материал, завернутый ворсом вниз, в воду, потом вынимали и расстилали на траве (ворсом вниз), чтобы стекла вода.

Чтобы ворс был кудрявым, материал несколько раз заворачивали. Для просушки его складывали вдвое, в середину клали жердь, вокруг которой заворачивали материал, после чего туго связывали его ремнем.

На изготовление бурки достаточно было одного дня. После этого материал складывали, выкраивали ворот и плечи, обшивали края галуном и пришивали застежку.²

Обрезки войлока шли на обувь, шляпы и другие хозяйственные нужды.

Шляпы и бурочки—кииз уюкъла—специально валялись, а бедняки делали их также из старых киизов. Шерсть для

¹ Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской областей. СМОМПК, вып. 8, Тифлис, 1889, стр. 221.

² Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

них отбиралась очень тщательно: промывалась, подрезалась, чтобы не торчали волоски.

Для изготовления войлочных шляп куски шерстяного войлока натягивали на деревянную болванку, затем обрезают края, кантовали их шнуром и прикрепляли шнур по радиусам дна шляпы.

Бурок, бурочников и ноговиц в Карачае производилось много больше, чем требовалось для собственного потребления. Поэтому значительная часть их шла на обмен к соседним народам, в Закавказье, а также через меновые дворы и на ярмарки в казачьих станицах.

Наиболее ранние, но еще очень неточные сведения о производстве бурок относятся к 1867 году. В отчете начальника Эльборусского округа Н. Петрусевича за этот год сказано, что жительницами Карт-Джурта сделано бурок для дома 355, для продажи—831; жительницами Учкулана соответственно: 51 и 73 бурки. Хурзука—102 и 104, а всего в Карачае изготовлено 508 бурок для собственного потребления и 1001—для продажи.¹

Однако, по словам самого же Петрусевича, „собрать сведения пришлось от женщин, которые или вовсе ничего не показывали, или объявляли только о самых незначительных количествах, так что прилагаемая ниже сего таблица выражает далеко не действительную цифру“.²

Из этого же отчета видно, что полстей сделано было для дома—88, для продажи—153; шерсти собрано для дома 91 612 рун, для продажи—10 833 руна.³ Следовательно, в 60-е годы шерсть в основном перерабатывалась на месте; в продажу поступали уже готовые изделия. Позже вывоз шерсти значительно увеличился.

По данным 1878 года, из трех карачаевских аулов было вывезено: бурок 16 075 штук, полстей 3470 штук. Кроме того, купцам было продано довольно много шерсти.⁴

Процесс изготовления кошм—киизов был схож с бурочным производством, с той лишь разницей, что шерсть не расчесывали и красили заранее. Чтобы получить рисунок, на основу укладывали уголками или квадратиками шерсть другого цвета.

Из кошмы же делали небольшие коврики для молитвы—намазлыки (они бывали также тканые, как коврики, или выделялись из козьих шкур).

Тканые изделия: сукно, ковры—кюизы делались из лучших сортов шерсти, тщательно перебранной и отсортированной

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

² Там же, л. 25.

³ Там же, л. 24. Руно - настриг шерсти с одной овцы.

⁴ Г. Петров. Ук. соч., стр. 146.

ной. Длинная шерсть шла на основу ткани, а короткая — на поперечную нить.

Разобранную шерсть пряли с помощью веретена, которое было неотъемлемой принадлежностью карачаевки. Она бралась за него каждую минуту, свободную от других домашних дел. Даже отправляясь в путь, несла его с собой.

Карачаевцы в национальных костюмах.

на ходу продолжая сучить нитку. „Пусть веретено будет толстым, как нога“, — желают карачаевке в здравнице „Алгыш“ („Добрые пожелания“).¹

Горское сукно шло в основном на шитье мужской одежды — черкесок и башлыков. Такое назначение сукна определяло и размер куска — 18 аршин, необходимых для пошивки одной черкески.²

Тонкие сукна для нарядной одежды, которую носили представители господствующих классов, делали из белой

¹ Рукописный фонд КЧНИИ.

² Полевой материал 1958 г. Конзавод.

шерсти, а простые сукна для широких масс—из серой и черной.

Сукна ткали на примитивном деревянном станке—чепкен-агъач, который делали сами. Большого искусства требовало изготовление челнока, гребня и веретена, поэтому их делали специальные ремесленники.¹

Процесс ткачества начинался с того, что пряжу наматывали на вбитые в землю колышки в 240 ниток, перевязывали узелками и переносили на станок.

Ткали с помощью челнока—чоллакъ чюйке. Снятое со станка сукно мыли, катали на плетне (джамчи четен), топтали ногами, снова мочили теплой водой. Высушенное сукно красили самодельными красителями, приготовленными из коры деревьев (чаще—ольхи).

Сукно шло больше на внутреннее потребление, но немало и продавалось. В 1867 году для себя было соткано 1568 локтей сукна, для продажи—1364 локтя.

Ковры—кюйюзы—ткали на особом станке—кергич. Нитки для этого делали более толстыми (часто ссучивали несколько ниток) и заранее красили в разные цвета. Основу делали из черных ниток, а затем выводили на ней узоры.

Изготовление кюйюзов было трудоемким делом. Больше месяца уходило у мастерицы на то, чтобы выткать ковер. Делали их с ворсом (къатапа кюйюз) и без ворса (къаты кюйюз).

Кошмы, сукна и бурки, как говорилось, были одним из основных предметов обмена на ярмарках и меновых дворах. Спрос на них, по мере укрепления торговых связей между горцами и казачеством, возрастал. Однако вскоре обнаружилась другая сторона этого процесса. Фабричные сукна, которые привозились на меновые дворы и ярмарки из Центральной России, оказались более дешевыми и красивыми и постепенно стали вытеснять местное производство.

Черкески и другие принадлежности мужского костюма стали изготавливаться из покупного сукна, в результате выделка сукон значительно сократилась.

Металлическое плетение, шитье серебром и золотом считались девичьим ремеслом. Девушки вышивали украшения для своей одежды, а по просьбе родственников и знакомых—падарки к свадьбе.

Принадлежностями девичьего костюма были: расшитый кафтанчик—кюбетюб, рукава к выходному платью, украшенная галуном или шитая по бархату серебром шапочка—окъа бёрк. Нарядные платья с нагрудниками и длинными вышитыми рукавами женщины продолжали носить и после свадьбы,

¹ О. В. Маргграф. Ук. соч., стр. 91.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

шапочку девичью дарили своей золовке или другой родственнице после рождения первого ребенка.

Кроме того, девушки вышивали украшения для мужской одежды—галуны на бешмет и черкеску, шнуры для шаровар—тартма.

Для металлического плетения применялись особые дощечки с отверстиями, в которые продевались нитки. Для сложных узоров требовалась целая система дощечек (до 150 штук), каждый поворот которых менял рисунок.¹

Металлическое плетение, шитье золотом и серебром требовали большого умения и искусства. Однако эти виды ремесла не выделились в особый промысел, а оставались домашним женским рукоделием, удовлетворявшим только собственные потребности.

Распространенными ремеслами были скорняжное и шорное. Обширное скотоводство давало достаточно сырья (шкур), из которого можно было изготавливать теплые шубы—тон, шапки—бёрк, теплые меховые штаны—тери кёнчек (последние носили только старики), делать бурдюки для перевозки и хранения айрана и сбивания масла, кожаные сумки для муки и соли—къапчыкъ. Изделия скорняжного и шорного ремесла шли и на продажу. Большим успехом пользовались на меновых дворах курпей—мех горского барашка,—а также овчины.

Шубы делались не только из овчин, но и из шкур диких зверей: бёрю тон—шуба из волчьей шкуры, айю тон—медвежья шуба и т. д.

Меховую одежду, как правило, изготавливали сами члены семьи. Только нарядные каракулевые шапки делали особые мастера, обычно из дагестанцев.

Женскую обувь и кожаные чулки—месле—шили из овечьих кож, а рабочую мужскую обувь—чабыр—из бычьих. Последние шли также на подошвы к чувякам—чарыкъ. Обработкой бычьих кож занимались мужчины, а овечьих и козьих—женщины.

Делали это так. Из воды, соли и муки приготавливали особый раствор и опускали в него сырую шкуру, снятую с животного. В растворе она мокла в течение недели. Затем ее раскладывали на солнце шерстью вниз. После того, как она подсыхала, счищали лопаткой шерсть, мяли руками или ногами, а потом покрывали навозом или куриным пометом. В дальнейшем, отмыв шкуру от навоза, дубили. Для этого кипятили кору дубовых деревьев и в отвар опускали шкуру. После дубления кожу обрабатывали особым инструментом—джатхан талкъы. Это род деревянного валька, состоя-

¹ О. В. Маргграф. Ук соч., стр. XXXII.

шего из двух частей. В нижней части, имеющей желоб, укладывалась свернутая кожа, а верхней, реберчатой частью ее мяли, время от времени поворачивая.

Распрямление и разглаживание кожи производили на стоячем вальке—ёре талкы. Для этого к горизонтальной доске неподвижно прикрепляли стоячий брусок с реберчатой поверхностью. Кожу брали за два конца и, натягивая, водили по вальку, распрямляя и растягивая ее и счищая остатки мездры.

Высушенную кожу красили,¹ затем смазывали бараньим жиром. Краски приготавливали сами из коры деревьев и минералов. Черную краску делали из коры ольхи и березы, добавляя туда медный купорос (кёрдеуюк). Без медного купороса цвет получался красноватый.

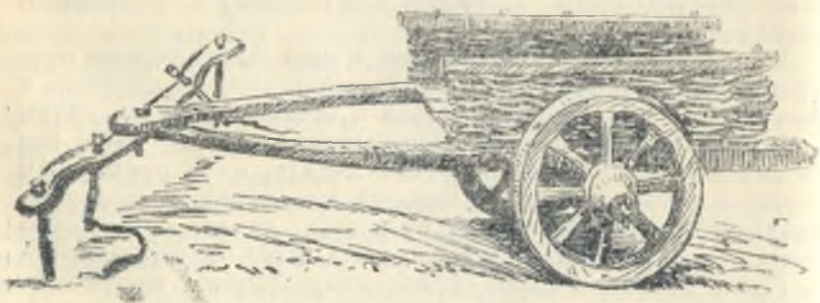
Обувь из кожи шили тоненькими козьими ремешками, нарезанными при помощи особого приспособления—сыбабха.

Сапожным ремеслом у карачаевцев занимались также в основном женщины. Только грубую рабочую обувь—чабыр—шили сами мужчины.

Богатство кавказских гор лесом привело к большому развитию в Карачае деревообделочного ремесла. Из дерева делались дома, мельницы, надворные постройки, повозки (арбы), мебель, орудия сельскохозяйственного труда, домашняя утварь, посуда и многое другое.

Деревянные изделия обычно изготовлялись мужчинами в каждой семье для собственного потребления. Только некоторые виды изделий, как, например, арбы, ярма для быков—боюнсха, челноки для ткацкого станка и т. д. требовали большого ремесла и делались специалистами.

Сырьем для арбяного производства служила древесина карагача, дуба, бука, ясеня или вербы. В старину арбы делались без единого гвоздя, лишь в XIX в. стали применяться металлические части.

Карачаевская арба.

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Учкулан.

Для сохи—каладжюк—наиболее пригодной считалась древесина клена или березы, а для домашней утвари—липы и березы. Лучшими чашками являлись такие, которые выдалбливались в наплыве дерева, так как они не раскалывались. Техника приготовления утвари и посуды была очень примитивной. Каждая вещь делалась из целого куска дерева путем выдалбливания вручную. Так делались кадушки—джыккыр, корыта для теста—тегене, ступки, кадки для тузлука, деревянные ведра для доения—агач челек, различные чашки—табакъ, гоппан аяк, ложки и т. д.

Вещи крупного размера выдалбливались особым поперечным топориком—аталгы, который состоял из треугольного лезвия, прикрепленного к рукоятке под прямым углом. Для выделки мелких изделий (ложек, чашечек) употреблялся более тонкий инструмент—юньюч, который походил на изогнутый обоюдоострый нож.

Резьба на мебели: кроватях с тремя спинками, украшенных шариками, детских люльках, маленьких трехногих столиках-подносах—тепси и подносах с бортиком и углублением для тузлука—ашлау делалась простым ножом.

Обычным орнаментом, который применялся при резьбе по дереву, был растительный геометрический орнамент. Кроме того, в качестве украшения применялись изображения бараньих рогов и рыбы. В частности, ручки ложек украшали путем изображения рыбьего хвоста или вытачивали тонкую деревянную цепочку.

Деревянные изделия иногда отделывали рогом—одевали роговые наконечники на деревянные вилы, роговую ручку на нож и т. д.

Прутья использовались в ремесле для плетения корзин, намордников для рабочего скота, плетеных амбаров и сапеток для пчел (хотя сапетки чаще вырубались из дерева).

В небольших размерах для домашних нужд производились и такие предметы, как гончарная посуда, самодельное мыло и т. д. Мыло варили из пережженных стеблей лебеды с говяжьим жиром. Позже вместо лебеды пережигали картофельную ботву.

В период Кавказской войны, в связи с запрещением продавать горцам свинец и порох,¹ широко было распространено производство пороха. В народной песне о Хасауке даже описан сам процесс его изготовления.² В день битвы карачаевец Эбеккуев отправился на поиски сырья для пороха. Горный оползень затянул жилу породы, которая применялась для пороха. Только одну пригоршню нашел Эбеккуев (очевидно, речь идет о селитре) и бросился на поиски

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 46, о. 104.

² Рукописный фонд КЧНИИ.

Ведро для боды-
агыач челек

Вадка для айрыя-
абыран джыгыр

Кадка для сливок-
сютбашы джыгыр

Пастыяка для масла-
ажаз урган джыгыр

Литровая чашка-
аякь

Двухлитровая-
гоблан аякь

Чага

Четверть литровая-
чешюч

Ложка для снятия сливок-
сютбашы кышыаь

Деревянная посуда.

других веществ. Он нашел азалию, растер ее, добавил серы. Полученный порошок рассыпал по меркам. Можно было продолжать бой „...без промедления полетели свинцовые пули“, — поется в песне.

Из всего сказанного о ремесле видно, что оно не отделилось еще от сельского хозяйства. Каждая семья изготовляла для собственного потребления все: одежду, обувь, орудия труда, домашнюю утварь. Профессиональная специализация также была незначительной. Только кузнеч-

ное и частично деревообделочное ремесла выделились как особые профессии.

Тем не менее карачаевцы, особенно женщины, достигли большого мастерства в изготовлении ремесленных изделий. Особенно славилась они приготовлением бурок, бурочников, шляп, войлков и горского сукна, которое шло на шитье мужской одежды и башлыков.

Карачаевский войлок.

Мужскими ремеслами считались кузнечное и деревообделочное.

Несмотря на натуральный характер хозяйства, часть ремесленных изделий шла на обмен и продажу.

2. ТОРГОВЛЯ

Несмотря на натуральный характер хозяйства, обмен у карачаевцев получил довольно большое развитие. Обилие скота и продуктов скотоводства, а также ремесленных изделий давало возможность выменивать их на недостающие продукты земледелия, ткани, соль. Уже в XVIII веке карачаевцы имели довольно широкие торговые связи с соседними народами: черкесами, ногайцами, сванами, грузинами, кабардинцами, а с конца века и с русскими.

Автор конца XVIII века Гильденштедт рассказывает о торговых связях карачаевцев и балкарцев с Грузией. Несмотря на трудности горного пути, они пересекали Главный Кавказский хребет и доставляли свои товары в селение

Они в Имеретии и участвовали там в ярмарках. Толстые сукна и войлоки они выменивали на бумажные материи и другие товары.¹

Из Кабарды карачаевцы и балкарцы привозили соль, бумажные ткани, холст и сафьян, выменивая это на шерсть, сукна, войлоки и меха.

Платон Зубов, автор начала XIX века, также пишет о торговых связях карачаевцев с грузинами, о поездках в местечко Они. „Карачаевцы, балкары и чегемы отвозят туда свои домашние и грубые изделия: толстые сукна, войлоки, бурки, чекмени, равномерно пушной товар, приобретая взамен оных соль, бумажные изделия и мелочные вещи, необходимые для домашнего употребления“.²

Торговля с грузинами не ограничивалась участием карачаевцев в грузинских ярмарках. Грузинские торговцы сами приезжали в карачаевские аулы и выменивали свои товары на скот и продукты скотоводства.

Кроме грузин, мелкой розничной торговлей в аулах занимались горские евреи и армяне. „Карачаевцы готовят хорошие сукна, бурки, полсти из овечьей шерсти и меняют их на красный товар евреям, приезжающим к ним для торговли“ — говорится в Военно-статистическом обозрении Ставропольской губернии.³

Торговля со сванами велась также главным образом скотом. Штабс-капитан князь Шаховской, проехавший по поручению командования Отдельного Кавказского корпуса из Мингрелии через Сванетию в Кабарду и обратно, писал в 1834 году, что сваны получают скот у карачаевцев.⁴ В обмен сваны привозили сушеные яблоки, груши и другие товары.

Особенно славились на Кавказе карачаевские бараны, поэтому они имели и наибольший сбыт. Даже довольно далекие от Карачая кумыки специально приезжали за карачаевскими баранами.

Соседние с карачаевцами абазины выменивали карачаевских баранов на мед.⁵

„В скоте заключается вся их промышленность и торговля“, — говорится о карачаевцах в Военно-статистическом обозрении. — „Лошадей они в продажу сбывают весьма мало, но зато бараны и овцы у них продаются всем окружающим

¹ И. А. Гильденштедт. Ук. соч., стр. 149.

² Платон Зубов. Ук. соч., стр. 136.

³ Военно-статистическое обозрение, стр. 133.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1—33. Записка о действиях и обозрениях, произведенных генерального штаба капитаном князем Шаховским во время проезда его по поручению командира Отдельного Кавказского корпуса из Мингрелии через Сванетию в Кабарду и обратно в 1834 году.

⁵ Военно-статистическое обозрение, стр. 132.

народам: закубанцам на Кисловодской линии и грузинам в Рачинский участок, куда также отправляют крупный рогатый скот".¹

Торговые связи карачаевцев с другими народами были использованы феодалами для собственного обогащения, так как все торговые пошлины шли в их пользу.

По сложившемуся обычаю каждый торговец, приехавший в Карачай „из Кумыка, Грузин, Ахалцыха и других мест“, должен был заплатить биям один рубль, а при работорговле—одного быка за каждого проданного в Карачае холопа.²

После поселения хоперских казаков на правобережье Кубани карачаевцы завязали и с ними торговые связи. Они снабжали казаков скотом, продуктами скотоводства и ремесленными изделиями, а в обмен получали хлеб, соль, ткани и металлические изделия.

Для урегулирования торговых связей, а главное—для использования торговли в своих военно-колонизаторских целях, русское правительство открывало при укреплениях меновые дворы и карантинные заставы.

Несмотря на ограниченность меновой торговли, на подчинение ее политическим и стратегическим целям, открытие меновых дворов способствовало установлению более регулярных торговых связей народов Северного Кавказа с русским населением.

Торговля на меновых дворах в первые годы была безденежной. Горские товары менялись непосредственно на соль, которая оценивалась выше ее действительной стоимости.

Кавказская администрация, стремясь использовать торговые связи с горцами в интересах своей колониальной политики, открывала меновые дворы в целях поощрения местных жителей, а когда хотела наказать горцев,—закрывала меновые дворы.

В 1828 году в прошении на имя генерала Емануэля карачаевцы, принимая русское подданство, просили учредить для торговли меновой двор „на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары“.³

Существовавшие в 20-е годы XIX в. меновые дворы были удалены от карачаевских аулов, поэтому они просили открыть новый меновой двор ближе к ним, в укреплении Хахандуковском. Командование обещало выполнить просьбу, но слово не сдержало.

Только в 40-е годы были открыты меновые дворы для

¹ Военно-статистическое обозрение, стр. 132.

² ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 43.

³ АКАК, том VII, стр. 881.

торговли с карачаевцами в станицах Боргустанской и Баталпашинской,¹ где до 1846 года была лишь карантинная застава.

Боргустанский меновой двор посещался почти исключительно карачаевцами, а Баталпашинский— карачаевцами, ногайцами, черкесами и абазинами.²

Оборот этих дворов был довольно велик, что свидетельствовало о росте торговых связей. В течение 1847 года карачаевцы привезли на Боргустанский меновой двор товаров на 26 993 рубля, а приобрели на 22 715 рублей; в 1848 году привезли на 30 710 рублей 75 коп., а купили— на 31 312 рублей 83 копейки.³

Примерно таким же был оборот Баталпашинского двора: привезено товаров на 30 260 рублей, куплено— на 26 916 рублей.⁴

Эти суммы покажутся еще более внушительными, если вспомнить цены тех лет. Овчины, например, продавались по 25 копеек штука, бурки— по 1 рублю, черкески— по 2—3 рубля, полсти— по 50 копеек, горское сукно— по 10 копеек аршин, мед— по 3 рубля пуд, масло— по 4—5 рублей пуд, сало— по 2 рубля пуд. Корова стоила 15—20 рублей, а лошадь— 30—35 рублей.⁵

Среди товаров, привозимых горцами на Баталпашинскую карантинную заставу, а затем на меновой двор, главное место занимали изделия горского ремесла: овчины (в 1846 году было привезено 196 штук,⁶ а в 1853 году 4155 штук), бурки (140 штук в 1846 году и 501 штука в 1853 году),⁷ полсти, воловьей кожи, сукна. Наряду с ремесленными изделиями привозилось много сельскохозяйственных продуктов: коровьего масла, сала и т. д. и пригонялся скот: лошади, крупный рогатый скот.⁸

На вырученные от продажи товаров деньги горцы покупали хлеб, мануфактуру (главным образом хлопчатобумажные ткани), медную посуду, чугунные котлы и т. д.⁹

Торговые связи карачаевцев с русским населением еще более возросли после того, как им было разрешено посещать ярмарки в русских городах и станицах. Крупные ярмарки были в Георгиевске, Пятигорске, Ставрополе и в ст. Баталпашинской.

В 1847 году ярмарки в Пятигорске и Георгиевске посе-

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 1, л. 21.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 330.

³ Военно-статистическое обозрение, стр. 226.

⁴ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 441—474.

⁵ ГАСК, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2—22.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, ед. хр. 267, л. 103.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, ед. хр. 159, л. 96.

⁸ Там же.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, ед. хр. 977, л. 88.

тило 4445 человек, которые привезли на 40 тысяч рублей товаров. В ст. Баталпашинскую съезжались на ярмарку до полутора тысяч человек с сотнями бурок, войлоков, тысячами овчин.

Несмотря на множество ограничений и рогаток, которые устраивало царское правительство, чтобы поставить торговлю с горцами под свой контроль, торговые связи продолжали расти. Особенно охотно посещали карачаевцы ярмарки, так как торговля на них была менее регламентирована, чем на меновых дворах.

„Из Эльборусского округа ежегодно выходило значительное количество шерсти, бурок, полстей, кож, овчин и других предметов, получаемых от скотоводства. Все это продается на деньги или меняется на хлеб в станицах и красный товар торгующих в Карачае армян и евреев“, ¹ — писал начальник Эльборусского округа в 1867 году.

Хлеб, получаемый в соседних казачьих станицах, был одним из основных предметов ввоза в Карачай.

Поездка в станицы разрешалась по особым билетам, которые давали возможность приблизительно учитывать количество купленного хлеба. Так, в течение 1867 года на поездку за хлебом было выдано билетов: едущим на арбах — 247, с вьюками — 2483. Но, как отмечал начальник Эльборусского округа, „поскольку каждый получивший билет едет редко только тогда, когда получает билет, а почти всегда несколько раз“, ² то общее количество привезенного хлеба было значительно больше указанного в билетах.

Хлеб в станицах покупали на деньги, а также выменивали на масло, ремни, чашки, корыта ³ и другие изделия.

В 1867 году карачаевцами было продано скота и различных изделий на 74 602 рубля, в том числе:

лошадей	942	гол. в среднем	по 30 р.	на сумму	28 260 р.
рог. скота	843	"	по 15 р.	"	12 645 р.
овец	10 212	"	по 2 р. 50 к.	"	25 530 р.
кож	170	"	по 1 р. 50 к.	"	255 р.
овчин	3759	"	по 60 к.	"	2255 р. 40 к.
шерсти	10 933	руна	по 10 к.	"	1093 р. 30 к.
шуб	433	"	по 5 р.	"	2165 р.
бурок	1021	"	по 2 р.	"	2042 р.
полстей	153	"	по 1 р.	"	153 р.
сукна	1924	локтя	по 10 к.	"	192 р. 40 к.
башлыков	12	"	по 1 р.	"	12 р. ⁴

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 25.

² Там же, л. 17.

³ Там же, л. 26.

⁴ ГАКК, ф. 452 оп. 1, ед. хр. 605, л. 26.

Важным предметом вывоза в XIX в. становится лес. Дело в том, что казачьи станицы и укрепления были расположены на правой, безлесной стороне Кубани, и лес для построек казаки должны были покупать у горцев, особенно у карачаевцев, земля которых была богата прекрасным строевым лесом.

Продажа леса была затруднена отсутствием дорог в Карачае. Поэтому карачаевцы предпочитали продавать лес на корню, чтобы казаки сами сплавляли его. Перевозка обходилась значительно дороже самой древесины. На корню лес продавали за бесценок. Большая сосна, например, стоила 30 копеек, с доставкой же брус обходился в 7—9 рублей.¹ В течение 1847 года карачаевцы продали леса на 22 тысячи рублей.²

Расширение торговых связей отражалось на экономике карачаевского аула. С одной стороны, оно стимулировало развитие товарного производства, так как многие изделия карачаевского ремесла и, прежде всего, бурки производились специально для продажи. Но процесс имел и другую сторону. Привоз более дешевых фабричных изделий вытеснял с рынка местную продукцию. Так, карачаевцам выгоднее стало продавать свою шерсть, цены на которую поднимались, русским фабрикантам, а самим покупать готовые фабричные сукна. „С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов“, — писал В. И. Ленин.³ „Падало старинное производство оружия конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия“.⁴

Процесс этот, который В. И. Ленин назвал „экономическим завоеванием Кавказа“, происходил в основном в пореформенную эпоху, поэтому подробному рассмотрению в данной работе не подлежит.

Следовательно, возникновение торговых связей карачаевцев с другими народами Кавказа обуславливалось необходимостью в покупке хлеба, металлах, тканях и соли. Главными предметами обмена со стороны карачаевцев были скот, лес и ремесленные изделия, особенно бурки, сукна и войлоки.

¹ Военно-статистическое обозрение. Ук. соч., стр. 133.

² АКАК, т. X, стр. 864.

³ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 521.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 521.

Начиная с XIX в., все большую роль в обмене товаров стали играть русские. Для упорядочения торговых связей на Кавказской линии открывались меновые дворы и карантинные заставы. Ближайшие к карачаевским аулам меновые дворы располагались в станицах Боргустанской и Баталпашинской.

Расширение торговых связей с русскими и другими народами, с одной стороны, стимулировало развитие товарного производства, с другой—дешевые фабричные изделия начали вытеснять с рынка местную кустарную продукцию.

Глава III

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Одним из важнейших вопросов социально-экономического развития Карачая является проблема землевладения и землепользования. Без рассмотрения земельных отношений нельзя установить и характера общественного строя Карачая.

Были ли к началу XIX в. земли в Карачае в собственности родовых или соседских общин, или принадлежали феодальным владельцам, узурпировавшим общинные земли? От решения этого вопроса зависит определение социально-экономической формации Карачая. Таким образом, нужно выяснить: оставалось ли карачаевское общество родовым или стало уже феодальным.

Решение этого вопроса осложняется тем, что, с одной стороны, складывающаяся в Карачае феодальная собственность на землю была завуалирована общинными пережитками, а с другой стороны, рядом с частной собственностью продолжала сохраняться и общинная.

Большинство буржуазных авторов не могло правильно решить вопроса о формах земельной собственности у карачаевцев, а потому и характеристика, которую они давали общественному строю Карачая, была ошибочной.¹

Только марксистско-ленинская теория об общественных формациях и, в частности, работы основоположников марксизма об общине, генезисе феодального способа производства и его дальнейшем развитии дают возможность понять особенности развития земельных отношений в Карачае, следовательно — и социальный строй карачаевского общества.

¹ Подробнее см. во введении.

Феодализм в Карачае развивался непосредственно из первобытно-общинного строя,¹ минуя рабовладельческую формацию. Поэтому вопрос об общине и ее роли в развитии карачаевского общества представляет особенный интерес.

Уровень развития производительных сил и специфика хозяйства обуславливали прочность общинных связей в Карачае. Полукочевое скотоводство с далекими перегонами скота, необходимость охранять стада и пастбища, совместная работа по заготовке сена—все это требовало тесных связей населения.

С другой стороны, даже то небольшое земледельческое хозяйство, которое существовало в Карачае, было возможно только при помощи искусственного орошения. А орошение было возможно только в масштабе всего селения или значительной части его, что также требовало тесного сплочения жителей аула.

Тесную связь и большую дружбу с соседями отражают и карачаевские пословицы: „Прежде чем купить дом, узнай соседа“.² Некоторые пословицы отражали прямую связь общинных отношений с ирригационным хозяйством: „Когда хочешь купить лошадь, советуйся с семьей, когда хочешь копать илипин, то советуйся с селом“.³

К. Маркс, рассматривая три исторические формы общины: родовую, семейную и сельскую, дает четкую характеристику сельской или соседской общины, которая пришла на смену родовой.

Он писал о широкой распространенности сельской общины, которая была к началу XIX в. основой карачаевского общества: „Сельская община“ встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собой самый новый тип общины, и так сказать последнее слово архаической общественной формации“.⁴

Отличительной особенностью соседской или сельской общины от родовой было прежде всего то, что сельская или, как ее называет Маркс, „земледельческая община“ была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами. Дом и двор находились в частном владении члена общины, пахотная земля, считаясь об-

¹ Точная дата возникновения феодальных отношений в Карачае пока не установлена. Однако и сейчас можно сказать, что на рубеже XIII—XIV вв. эти отношения уже зарождались, так как у предков карачаевцев (кипчаков и алан) наблюдались элементы феодальных отношений.

² Юй алгынычы хоншуньу таны. Фольклорно-лингвистическая экспедиция КЧНИИ, 1959. Рукописный фонд КЧНИИ.

³ Ат аллыкь болсань, юйюнъ бла кенъеш, илипин кьазарыкь болсань, элинь бла кенъеш. Из собрания пословиц С. Ч. Алиева.

⁴ К. Маркс. Черновые наброски письма Маркса В. И. Засулич. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 694.

щинной, фактически была в частном владении, так как разделена между общинниками и обрабатывалась индивидуальным трудом, а лес, пастбища и пустоши были общинными.

Следовательно, в сельской общине, наряду с частно-собственным началом, сосуществовало первобытно-общинное начало. Такая двойственность сельской общины, с одной стороны, была источником ее большой жизненной силы, с другой — „с течением времени такой же дуализм может стать зародышем разложения“, — писал К. Маркс.¹

Эта характеристика К. Маркса дает нам возможность понять земельные отношения и общественный строй Карачая, которым было присуще именно сочетание более древней общинной собственности с нарождающейся феодальной собственностью.

Сочетание в общественных отношениях карачаевцев родовых и феодальных отношений объяснялось тем, что сама сельская община была переходной формой: „период земельной общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной“.²

Рассмотрим конкретно, какие же формы земельной собственности имелись в карачаевском обществе к началу XIX в.

1. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

ТРУДОВАЯ ЗАЙМКА

Первой формой собственности на землю в Карачае была общинная собственность.

„В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии“,³ — писал Ф. Энгельс.

К началу XIX в. общинное землепользование претерпело в Карачае большие изменения, но и в более поздних формах землевладения видны следы родовой собственности.

Родовая собственность на землю, как и родовой строй, были несовместимы с имущественным неравенством, с накоплением движимого имущества и, в первую очередь, скота. Таким образом, развитие в карачаевском обществе скотоводства, превращение стад в частную собственность разрушало родовую общину.

Процесс распада родовых общин, затянувшийся в Карачае на несколько веков, не был завершен и в XVIII в., а

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 695.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 681.

³ Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, том II, М. 1948, стр. 45—46.

отдельные пережитки родового строя сохранились и в XIX веке.

Упоминания о родовых землях и их разделе (о переходе от общинного к семейному владению) содержатся в „Списке лицам свободных сословий бий, чанка и узден в кара-чаевском обществе Баталпашинского уезда“, составленном в 70-х годах XIX века.

Так, говоря о равенстве верхних (хурзукских) и нижних (карт-джуртских) Боташевых, автор списка доказывает это тем, что „родовые земли поделены поровну между верхними и нижними Боташевыми“.¹

Там же упоминается о выделении участка земли Чотчаевым из будияновских земель,² а из чотчаевских земель Болуровым, так как их фамилия отделилась от Чотчаевых. Таким образом, при отделении атаула от тукума новая фамилия получала часть родовой земли.³

Право на родовые земли имели не только кровные родственники, но и усыновленные члены рода. В этом же Списке рассказывается, как „лет 200 тому назад (то есть во второй половине XVII века) во время эпидемии чумы род Бостановых очень пострадал от болезни, поэтому охотно принял в число своих членов женщину Аппачи с сыном“. Принятие в род сопровождалось наделением землей: „дали сыну небольшой клочок пахотной земли лишь в одном месте, а в других местах земля не была дана“. Потомки усыновленного мальчика, хотя и приняты были в род Бостановых, носили фамилию Аппачаевых.⁴

Те же пришельцы в Карачай, которые не были приняты в какой-либо род, землей не наделялись. „Там, где собственность существует только как общинная собственность, член как таковой бывает только владельцем, наследственным или ненаследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, то есть как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее“,⁵—писал К. Маркс.

Поэтому в Карачае был целый ряд фамилий, которые или совсем не имели земли, или приобретали ее позже покупкой и другими способами. К таким безземельным узденям относились Гатчиевы, жившие на земле Сасроковых,⁶ и другие фамилии, переселившиеся в Карачай после того,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

² Там же.

³ Об отделении атаулов см. ниже.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

⁵ К. Маркс. Формы, предшествовавшие капиталистическому производству. ОГИЗ, 1940, стр. 11.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

как все пригодные для земледелия участки были захвачены старинными родами.

При распадении родовой общины на семейные именно эти пахотные и сенокосные земли, расположенные на территории аула, прежде всего перешли в частную собственность (атаджер). „Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была приусадебная земля“,¹ — указывал Ф. Энгельс. В Карачае к приусадебным землям можно отнести и пахотные участки — сабаны и сенокосы — биченлики, даже если они не были расположены в непосредственной близости к дому.

Неширокие речные долины, в которых были расположены аулы, не давали возможности карачаевцам иметь большие усадьбы, а тем более большие пашни. Поэтому под сабаны и биченлики использовали каждый клочок земли, который можно было отвоевать у суровой природы Карачая.

Поколение за поколением трудилось на каменистых сухих склонах, очищая терраски от камней и проводя к ним оросительные канавки. Таким образом, семейно-индивидуальная собственность на землю возникла в результате трудовой заимки и индивидуального труда семьи по ежегодной очистке участков.

К началу XIX века сабаны и поливные биченлики находились в безусловной собственности семьи. Их можно было продать, отдать в калым, за кровь, заложить, подарить и т. д.

Но и в то время существовал целый ряд ограничений, указывавший на то, что первоначально эти земли были в общей собственности всего рода.

Сабаны и биченлики обычно были расположены внутри родового квартала — тийре, и при продаже их преимущественное право покупки имели родственники.

После уборки урожая в оградах, которые устраивались вокруг сабанов и биченликов, делали проходы и таким образом они превращались в общее пастбище всего тийре, а позже — и аула. Такой проход мог быть сделан даже без разрешения хозяина.

При разложении родовых отношений место родовой общины заняла соседская, к которой перешли многие функции прежней общины, в том числе и верховная собственность на землю селения (эль).

Сельская община распорядилась не только теми землями, которые в этот период были еще в общинной собственности (лес, пустоши, пастбища), но отчасти сабанами и биченликами.

Так, при продаже земельного участка преимущественное

¹ Ф. Энгельс. Марка, 1933, стр. 6—7.

право покупки его имел уже не только родственник, но и сосед.

Этнограф Петров писал об этом: „Владелец, желающий продать землю, должен об этом прежде всего объявить своим ближайшим родственникам, а если в числе их не окажется охотников, то вызываются желающие из смежных владельцев и только, когда и в числе этих последних не найдется покупателей, владелец имеет право продать землю кому заблагорассудится“.¹

М. В. Орлов, специально изучавший земельные отношения, сообщает, что если несколько родственников или соседей захотят купить продаваемую землю, они делят ее между собой так, чтобы каждому досталось по половине, трети или четверти участка, смотря по тому, сколько соседей.² Если же сделка была совершена без согласия родичей и соседей, они могли опротестовать ее и даже принудительно выкупить землю у покупателя. Также и право пасти скот на полях после уборки урожая распространялось с жителей тийре на всех членов соседской общины.

В случае, если какая-либо семья покидала Карачай, земли этой семьи переходили в общинную собственность. Однако до XIX в. подобные случаи, очевидно, были редким явлением и обычай этот был почти забыт. К тому же он не соответствовал все более укреплявшейся частной собственности на землю.

Поэтому, когда в 1869 году Эльборусский окружной народный суд должен был решить вопрос о принадлежности земли тех карачаевцев, которые переселились из Карачая в Кабарду, он оказался в затруднительном положении. С одной стороны, суд ссылался на старый обычай, по которому „земли выселившихся из Карачая поступали в общественную собственность“;³ с другой — тут же оговаривал, что даже „в прежнее время постановления эти не всегда исполнялись“.⁴

В результате длительного разбирательства решено было оставить земли собственностью владельца даже в случае его переселения за пределы Карачая. Но при этом была сделана оговорка, что несмотря на признание этих земель частной собственностью, продажа их была ограничена. „При этом суд находит необходимым установить, чтобы переселенцы из Карачая дарили или огчуждали другим каким-либо об-

¹ Г. Петров. Ук. соч., стр. 138.

² М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 187.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 122—129.

⁴ Там же.

разом принадлежащие им земли только карачаевцам, живущим в Карачае".¹

В списке владельцев этих спорных земель перечислены уже не фамилии, а отдельные лица: Тоху Коджаков, Зеке-рья Гогуев, Атуко Гогуев, Хаджимет Байрамуков, Исмаил Алиев² и т. д. Следовательно, земли находились в индивидуальной, а не фамильной собственности.

Владельцами земель были, как правило, члены соседской общины—бин и уздени, но иногда ими владели и кулы. Бин и уздени владели и наследственными (ата джер) и благоприобретенными (мюльк джер) землями, а кулы—только приобретенными путем покупки, дарения или иным способом.

При освобождении кулов от крепостной зависимости в 1868 году земля крестьян, как и все другое имущество, подлежала разделу между крестьянином и владельцем. Если освобождаемый имел свой сабан или биченлик, то одна половина его оставалась у освобожденного, другая—переходила к его бывшему владельцу.³ Сабаны и биченлики после смерти их владельца переходили по наследству к сыновьям или другим ближайшим родственникам по мужской линии. Дочери по адату земли не наследовали. С введением шариатского права женщина также получила возможность наследовать землю, но в половинном размере по сравнению с мужчиной. Доля сестры равнялась половине доли брата.

Если братья продолжали жить вместе, то земли оставались в их совместном владении, если же делились—разделу подлежали и сабаны и биченлики.

Бесконечное дробление участков привело к тому, что размеры их были очень невелики. Редким исключением был сабан или биченлик в целую десятину. Обычно участок земли состоял из нескольких десятков, в лучшем случае—из нескольких сотен квадратных сажен.

Биченлики измерялись по количеству снятого с них сена. Средний биченлик давал 2—3 копны сена.

Огромный труд нескольких поколений, вложенный в земли, и острая земельная нужда делали эти участки очень дорогими. Сабаны и биченлики на орошаемых землях продавались из расчета 400—500 рублей за десятину.⁴ Для середины XIX века, когда у большинства народов Северо-Западного Кавказа земля вообще не имела цены и не продавалась, такая дороговизна была исключением.

В 60-е годы XIX в. приставам различных округов Кубанской области было поручено собрать сведения о землепользовании и ценах на землю. Приставы доносили, что земля у

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10.

² Там же, л. 126.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 8.

горцев Кубанской области не является предметом продажи и цен на нее не существует, „исключая Карачай, где усадебные места как в местности весьма тесной и гористой, на незначительных площадях, удобных для застройки, продаются среднюю ценою до 400 р. за десятину, для посевов же внутри Карачая, при искусственных орошениях, до 500 р. за десятину“¹.

Как же малы должны были быть участки земли, оцениваемые в 40, 50 и даже 20 рублей! (Земля Зекерьи Гогуюева была оценена в 40 руб., Атуко Гогуюева—в 50 руб., Башчи Гогуюева—в 20 руб.)².

Наряду с малоземельными, в Карачае было много и совсем безземельных крестьян. В Записке о распределении между карачаевцами земель, составленной в 60-х годах XIX в., перечислены все карачаевские семьи, имеющие и неимеющие землю. По этому списку собственными землями в значительном количестве владели 54 фамилии, небольшими участками пахотных земель—74 фамилии и совсем безземельными было 96 фамилий. В список вошли только свободные и вольноотпущенники. Как сказано в примечании к Записке, „в числе крестьян не помещены унауты, которые до настоящего времени семей не имеют, но с освобождением составят не менее 150 дворов“³.

По сведениям М. В. Орлова, относящимся, правда, к концу XIX века, в трех старых аулах Карачая: Карт-Джурте, Учкулане и Хурзуке было 450 семейств, не имевших сабанов и усадебных участков⁴.

Абрамовская комиссия также констатировала, что в старом Карачае образовался „громадный контингент малоземельных и безземельных, в смысле неимения последними усадебных, пахотных и покосных земель“⁵.

Обезземеливание крестьянства усиливалось по мере классового расслоения карачаевского общества и, в частности, распада узденского сословия. При этом выделялась верхушка, которая вместе с биями образовала господствующий класс феодалов, а основная масса попадала в разряд феодально-зависимых крестьян.

Ценность земли делала ее самым надежным залогом, самой дорогой платой за кровь и самым желанным капиталом. Но так как карачаевцы неохотно расставались со своими землями и предпочитали расплачиваться скотом и другим имуществом, то землю отдавали только в крайних

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 8.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 126.

³ ГАКК, ф. 574, ед. хр. 507, л. 22—37.

⁴ М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 188.

⁵ Труды Абрамовской комиссии, стр. 71.

случаях: если ссора двух семей принимала угрожающие размеры или очень желанной была невестка и т. д.

Случаи отдачи земли за убийство упоминаются в списке лиц свободного сословия: „Болуровы отделились от Чотчаевых, с которыми поделили и родовую землю, но землю эту впоследствии за убийство одним из Болуровых одного из Чотчаевых отдали Чотчаевым в уплату крови. Земля эта лежит по берегу реки Хурзук“.¹ Харапов убил одного из Карабашевых. Вся семья их переселилась после этого в Карт-Джурт на земли Крымшамхаловых, „а их землю завладели в уплату за кровь Карабашевы“.² „Кёчерук убил своего брата Доттая, после чего ушел в Учкулан, а Доттаевы в уплату за кровь забрали его землю“.³

Отдача земли в калым упоминается в адатах только в одном случае, когда речь идет о калыме за девушку бийского происхождения. Жених должен был дать отцу девушки 5 крепостных крестьян, 5 железных предметов и „сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, двух быков и двух лошадей“.⁴ Интересно здесь и другое—мерой для оценки земли служили не деньги, а определенное количество голов скота. Это еще раз подтверждает тот факт, что собственность на скот возникла значительно раньше, чем на землю.

По сообщениям литературных источников⁵ и рассказам стариков, иногда отдавали землю за калым и уздени.

Бывали и такие случаи, когда уплата калыма задерживалась по каким-либо причинам на год или два. Тогда семья жениха отдавала часть своей земли семье невесты во временное пользование. Те пользовались снятым урожаем или скошенным сеном, но права собственности на эту землю не получали. После уплаты калыма земля возвращалась в семью жениха.⁶

Все остальные земли, кроме сабанов и биченликов, к началу XIX века юридически считались общинными. „Пашотные, покосные земли и хуторные участки составляли частную собственность, лес же и пастбищные земли находились в общественном владении всех карачаевцев“,⁷—сказано в Пояснительной записке о личных правах горского населения Кубанской области.

Общине принадлежало право распоряжаться этими землями, отдавать участки земли отдельным лицам. Н. Ива-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, стр. 274—275.

⁵ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 42.

⁶ Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

⁷ ПАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 44.

ненков приводит рассказ стариков из фамилии Биджиевых о том, что „кышлык Каншаубиева дан предку его единогласно всеми карачаевцами за то, что он за все общество заплатил „дугжам“, т. е. выкупил деньгами кровную месть у кабардинцев за убийство карачаевцами кого-то из кабардинцев“.¹

Формально считалось, что каждый карачаевец мог пасти на общинных землях свой скот и косить сено. Право свободной заимки земли осталось в виде сохранившихся обычаев: если скотовод-карачаевец находил подходящее свободное место для коша, то достаточно было оставить на этом месте бурку, чтобы закрепить его за собой.

Но все дело в том, что свободных-то мест в Карачае уже не было. Все сенокосы, кышлыки и даже часть летних пастбищ—джайлыков были фактически захвачены феодальной знатью.

В конце XIX века Орлов и другие члены Общества любителей изучения Кубанской области совершили специальную поездку по аулам Карачая, чтобы выяснить вопросы землевладения и землепользования. Путем опроса населения им удалось выяснить, „что в прежнее время каждый пользовался покосной и пастбищной землей по количеству скота настолько, насколько это было ему нужно,—земля же была общая всего племени“.²

Сам принцип распределения общинных земель по количеству скота способствовал захвату ее сильными и богатыми фамилиями, владевшими огромными стадами скота.

Орлов выяснил у карачаевцев, „что богатые люди, пользуясь своей силой, влиянием и темнотой большинства, брали себе всегда больше земли и в лучших местах, которую с незадавна, относя к сороковым годам истекшего столетия, держат и поныне, как родовую“.³

Крестьянство протестовало против таких захватов, не признавало их законными.⁴ Были даже случаи, когда общинники активно отстаивали общинную собственность на пастбищные земли. Урусов Магомет из аула Уччулан рассказывает, что когда некий Джанкёзов хотел огородить себе участок на летних пастбищах, карачаевцы поломали ограду, разбросали все камни, из которых она была сложена, и потоптали участок скотом.⁵

Однако и такие меры не могли остановить роста крупного землевладения и захвата общинных земель. В данном случае речь идет о летнем пастбище—джайлыке, которое

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 36.

² М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 181.

³ Там же.

⁴ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 36—37.

⁵ Полевой материал 1958 г. Аул Уччулан.

зачастую действительно оставалось в начале XIX века в общинном владении. Наиболее же ценные пастбища—кышлыки и сенокосы фактически уже были в частном владении.

Только высокогорные пастбища у границ ледников да на крутых склонах гор оставались незахваченными. Н. Иваненков пишет, что действительно общественный покос, которым мог пользоваться весь аул, у жителей аула Уччулан был только в одном месте, при слиянии рек Гондарая и Махара,¹ у самых снежных гор. Место это называлось айрымканда—острова.

В течение всей первой половины XIX в. шел процесс захвата общинных земель и превращения их в феодальную собственность, о которой будет сказано ниже.

Таким образом, в Карачае происходил тот процесс уменьшения роли общинной собственности на землю и превращения ее в общинный придаток частной собственности, о котором писал К. Маркс в своем письме к В. И. Засулич: „Оставляя в стороне все влияние враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко,—все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собою превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными *придатками* (курсив К. Маркса) частной собственности“.²

2. РОСТ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Наряду с индивидуальной собственностью, основанной на личном труде, в карачаевском обществе складывалась феодальная собственность на землю, основанная на насилии, на захвате общинных земель.

„Общинное владение землями на тех основаниях, на которых оно существует у кавказских горцев, обеспечивает в настоящее время народ поземельным пользованием, но оно способствует князьям мало-помалу присваивать себе всю землю“,³—говорится в „Записке относительно земельных владений горцев“, составленной в 60-х годах XIX в.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 35.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 681.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6696, XI, л. 534.

Как уже указывалось, сам принцип распределения общинных земель по количеству имеющегося скота открывал путь к узурпации общинных земель. Родовая аристократия, владевшая сотнями, а иногда и тысячами голов скота, захватывала все лучшие земли под сенокосы и пастбища для своего скота и постепенно превращала эти земли в частную собственность.

В отличие от земледельческих обществ, где в феодальную собственность прежде всего переходили пахотные земли, а пастбища еще долго оставались в общем владении, у карачаевцев-скотоводов раньше всего феодальной собственностью стали именно сенокосы и пастбища.

Владение пастбищами, которые, были одним из основных средств производства скотоводческого хозяйства, давало возможность складывающемуся классу феодалов эксплуатировать общинников, которые, нуждаясь в пастбищах для своего скота, вынуждены были вступать в поземельную зависимость от владельцев земли.

Лишение крестьянства общинных сенокосов и пастбищ тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве и вело к еще большей имущественной и социальной дифференциации внутри карачаевского общества.

Образование феодальной собственности на землю путем узурпации общинных земель было общепризнанным фактом, который признавали не только русские чиновники и исследователи, изучавшие земельные отношения в Карачае, но и сами карачаевские феодалы.

В „Трудах Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области“ так сказано о феодальных владениях: „Владения эти, как установлено исследованиями, образовались путем захватов сильных фамилий. Захваты производились в то время, когда карачаевское племя управлялось старшинами и узденями, которые, пользуясь своим влиянием, стояли во главе народа, распоряжались земельными имуществами, захватывали лучшие земли, беспретственно пользовались ими и присваивали их впоследствии себе, как собственность; народ же, находясь в полной зависимости от этих лиц, подчинялся этим земельным порядкам“.¹

Даже сами феодалы в своем прошении Комиссии не отрицали, что „более сильные фамилии и отдельные лица, именующие себя высшим сословием“, действительно „захватывали лучшие земли, а впоследствии присвоили их на праве собственности“.²

¹ Труды Абрамовской комиссии, стр. 36.

² Письменные заявления карачаевского народа и объяснение комиссии. Екатеринодар, 1911, стр. 16.

Процесс образования крупной земельной собственности в Карачае и ее юридическое оформление тормозились наличием довольно сильной сельской общины. Владельцы вынуждены были, с одной стороны, считаться с общиной и ее противодействием к монополизации земли, а с другой — сами использовали старинные общинные обычаи и институты для маскировки своих захватов. Поэтому феодальная собственность на землю даже в первой половине XIX века не получила юридического оформления, и формально все пастбища и сенокосы считались общинными.

В 1864 году в Карачае работала временная посредническая комиссия „О поземельных правах туземцев“. Она опрашивала жителей Карачая о формах землевладения и землепользования, и все представители сословия биев и узденей заявили, что, за исключением сабанов и биченликов, все земли в Карачае общинные. Ни один владельец кышлыка в то время не выставил требования на юридическое признание его собственности.

Лишь позже, когда в Карачае вошло в силу русское законодательство о земле, владельцы сочли более выгодным для себя не прикрываться общинными формами землепользования, а добиваться закрепления за ними этих земель на правах частной собственности.¹

При этом феодалы прибегали к любым хитростям и ухищрениям, чтобы доказать свои исконные права на землю. Так как Абрамовская комиссия сочла возможным признать собственными землями только трудовые участки, т. е. земли, для приведения которых в культурное состояние потребовался большой труд нескольких поколений, владельцы стали доказывать, что истинно трудовыми участками являются не сабаны и биченлики, а именно кышлыки, так как на них происходит вся трудовая жизнь карачаевцев.²

Другим доказательством своих прав на землю владельцы выставляли давность владения этими землями: „Они наша собственность вследствие того, что мы владели ими, в виде собственности, нескольких земских давностей“.³

Адаты балкарцев и карачаевцев никаких указаний на права феодалов на землю не содержат, сослаться на обычаи владельцы не могли, поэтому они и прибегали к таким маловеским доказательствам, как давность владения и якобы „трудовой“ характер их собственности.

Народ же „издревле считает все занимаемые ими земли народным достоянием и никакой частной поземельной собственности не признает“,⁴ — писал врач Г. М. Гречишкин.

¹ Письменные заявления карачаевского народа, стр. 4.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Г. М. Гречишкин. Ук. соч., стр. 110.

В прошении народа в ту же Абрамовскую комиссию сказано, что „земельные участки (кышлыки) захвачены их владельцами по праву сильного“ и что „Все земли Старого Карачая есть достояние всего карачаевского народа“. ¹

Между феодалами и общинами возникали постоянные споры из-за земельных владений. Такие споры были у карачаевцев не только со своими, но и с абазинскими князьями. Так, урочище Таллык было спорным участком, на который претендовали и карачаевцы и абазинские князья Лоовы. Карачаевцы издавна пользовались землей в этом урочище и поэтому считали ее своею, тем более, что она находилась в пределах тех земель, которые карачаевцы должны были охранять, так как они несли кордонную службу по охране правого берега Кубани—от своих аулов до реки Мары.

Князья Лоовы утверждали, что земля эта является их собственностью, хотя последние годы они действительно не использовали ее, так как „имели в земле избыток в других местах“. ²

Для разбора этого спора начальник Правого крыла Кавказской линии предписал выделить посредников как со стороны князей Лоовых, так и со стороны карачаевцев. ³ Но посредники не могли ни о чем договориться, „ибо ни одна из спорящих сторон не склоняется к уступке земли“. ⁴

Дело было улажено тем, что спорный участок земли на урочище Таллык был взят в казну и предоставлен карачаевцам в пользование, а князья Лоовы были вознаграждены таким же количеством земли в других местах.

Таким образом, захват земель феодалами и образование феодальной собственности на землю не получили признания со стороны народных масс, которые продолжали считать пастбища и выгоны общенародным достоянием. Это противоречие между фактическим состоянием землевладения и землепользования в Карачае и юридическими нормами старых адатных отношений смазывало наличие феодальной собственности на землю, которая большинством авторов не признавалась.

Феодализм в Карачае вызревал и развивался под завесой общинных отношений. Но и сами феодальные отношения были опутаны массой общинных пережитков. Так, феодальная собственность на землю складывалась не как индивидуальная, а как фамильная собственность. Захваченные крупными бийскими и узденскими фамилиями кышлыки не

¹ Письменные заявления карачаевского народа, стр. 18.

² ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 448, л. 11.

³ Там же, л. 5.

⁴ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 448, л. 11.

делились между семьями, по примеру сабанов и биченликов, а оставались в нераздельном пользовании всей фамилии.

В этом отношении большой интерес представляют сведения, собранные Абрамовской комиссией и приложенные к Трудам комиссии как статистическая ведомость. Хотя комиссия работала в начале XX века, а процесс расхищения общинных земель происходил значительно раньше, частная собственность на пастбища и выгоны по-прежнему выступала в виде фамильной собственности.

В ведомости перечислено 126 участков¹ частных владельцев, из которых в индивидуальном владении было только 12, причем самых небольших—по 4—10, 15—25 десятин. Остальные 114 участков принадлежали фамилиям в целом (некоторые сразу двум-трем фамилиям).

Такое фамильное владение тем или иным урочищем отнюдь не означало равного права всех членов фамилии на землю. Внутри фамилий сильно было имущественное расслоение и неравенство, при котором одни семьи владели сотнями голов скота и фактически захватили все фамильные земли, а другие, бедные родственники, не имевшие скота, потеряли на деле и право на земли.

Е. Н. Студенецкая приводит интересные сведения о том, что при сдаче кышлыков в аренду полученный доход делился не поровну между семьями, а по паям, причем пай богатых семей был значительно выше, чем бедных.² Совместное владение нескольких фамилий кышлыками Е. Н. Студенецкая объясняет тем, что две фамилии происходили от общего корня и считались ветвями одного более древнего рода или тем, что владельцы их находились в вассальных отношениях.³

Несмотря на то, что фактически землей владели отдельные семьи, формально ею распоряжалась вся фамилия. Это чрезвычайно затрудняло отчуждение земли, так как на продажу того или иного участка нужно было согласие всей фамилии. Поэтому продажа, дарение, отдача в калым или за кровь кышлыков встречались чрезвычайно редко. Это также тормозило процесс концентрации земельной собственности в руках крупных феодалов.

Тем не менее к середине XIX века лучшие земли Карачая были сконцентрированы в руках бийских и крупных узденских фамилий. Начальником Эльборусского округа Н. Петрусевичем был сделан в 60-х годах XIX в. подсчет земель Карачая (кто и в каком количестве владел ими).

¹ Труды Абрамовской комиссии. Статистическая ведомость.

² Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. «Советская этнография», 1937, № 2 — 3, стр. 49.

³ Там же.

Оказалось, что 54 наиболее богатых фамилии владели 26 тысячами десятин „самой лучшей земли“; 73 фамилии средних слоев имели 3300 десятин земли; 294 двора имели в селениях при усадьбах „лишь незначительные участки“; 451 семейство и до 150 несемейных совсем не имели земли и жили на чужих усадьбах.¹

Особенно крупные захваты были совершены бийскими фамилиями. По данным того же Н. Петрусевича, Крымшамхаловы владели 2800 десятинами лучшей земли, Дудовы—1420 дес.²

Среди владений Крымшамхаловых были и покосы, и выгоны, и леса. Например, в урочище Суулу-Кол Крымшамхаловы имели: покосов—39 дес., выгона—207 дес., леса—118 дес.; в урочище Кюзлюк-Орунла: покосов—55 дес., выгона—637 дес.; в урочище Чиккаланы - Кышлык—394 дес. покоса³ и т. д. Некоторыми урочищами Крымшамхаловы владели совместно с другими фамилиями—Узденовыми, Магометовыми, Салпагаровыми и др.

Дудовым принадлежали: в урочище Джалан-Кол—174 дес. покосов, 573 дес. выгона и 16 дес. леса; в урочище Ташлы-Кол—85 дес. покосов, 348 дес. выгона и 110 дес. леса и т. д.⁴

Рост феодального землевладения сопровождался также усилением политической и административной власти бийских фамилий. Так, Крымшамхаловы занимали господствующее положение в ауле Карт-Джурт, Дудовы—в Хурзуке.

Административную и политическую власть, которая в условиях сильной сельской общины часто выступала опять-таки в завуалированном виде, как покровительство жителям аула, феодалы использовали для дальнейшего наступления на права общинников. Они присваивали себе право распоряжаться не только теми землями, которые юридически считались общинными, а фактически принадлежали феодалам, но даже теми, которые находились в личном владении крестьян.

Умар Алиев в своей работе „Кара-халк“ приводит выдержки из сборника адатов карачаевцев и балкарцев 1864 года, обнаруженного им в архиве г. Орджоникидзе. Из статей адатов следует, что крестьяне, желавшие продать свою землю, должны были в первую очередь предложить ее своему бию, и только если тот откажется, можно было продавать ее другим лицам.⁵ Это предпочтительное право

¹ М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 179.

² Там же, стр. 180.

³ Труды Абрамовской комиссии. Статистическая ведомость.

⁴ Там же.

⁵ Цитирую по книге Умара Алиева «Кара-халк». Ростов-на-Дону, 1927, стр. 47.

покупки земли бием противоречило исконным атам карачаевцев, по которым преимущества отдавались родственникам и соседям.

* * *

Складывающаяся в Карачае земельная собственность имела черты феодальной собственности, хотя часто она выступала в завуалированном виде. Прежде всего земельная собственность носила условный характер. Только бии были полными владельцами земли и раздавали ее своим подвластным узденям. За это уздени должны были нести определенные обязанности, т. е. становились вассалами феодалов.

Таковыми феодальными владельцами Карачая были три бийские фамилии: Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы. Начальник Эльборусского округа Н. Петрусевиц писал о них в 1870 году: „Фамилии эти завладели большими землями как внутри самого Карачая, так и по окраинам его, и потом значительную часть из этих земель поотдавали в разное время тем из узденей, которые наиболее заслужили этого своею приверженностью к ним или же тем, от которых сами получили немало подарков“.¹

Пожалованный надел не становился собственностью узденя, а давался ему на время и мог быть обратно отобран феодалом. Лишение узденя земли, которой он пользовался, означало разрыв вассальных отношений, а так как феодалы были заинтересованы в прочности этих отношений, то данную землю никогда не отбирали.

Обладание наделом накладывало на узденя целый ряд обязанностей. „Земля была дана в вознаграждение услуг в бессрочное пользование, взамен чего уздень, получивший землю, должен был исполнять разные поручения давшего ему землю и помогать ему имуществом или деньгами (делать подарки)“.² Таким образом, данные узденям земли имели все черты лена—наследственного земельного владения, связанного с несением определенной службы своему владельцу.

По смерти узденя земля переходила к его наследникам. Вместе с землей переходили к наследникам и вассальные обязанности за нее. Если сыновей было несколько, участок мог быть поделен между ними. Такое дробление не ущемляло интересов феодала, так как вассальные обязанности несли все мужчины, получившие землю.

Передача лена по женской линии запрещалась, так как

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512 л. 9.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 10.

тогда некому было бы нести эти обязанности. Поэтому, — пишет Н. Петрусевиц, — „иногда бывали случаи, что за неимением наследников мужского пола дареные земли возвращались обратно подарившим“.¹ Следовательно, феодал сохранял верховное право на узденские земли, в том числе и право на получение выморочного имущества. Продажа земель не допускалась на том же основании — купивший ее не нес бы вассальной службы.²

Феодал, давший узденю землю, тем самым брал его под свое покровительство, оказывал ему защиту и заступничество. В условиях беззакония и произвола феодального общества такое заступничество было очень важно. „Каждый уздень в прежнее время получить не мог никакого удовлетворения, если не действовал через кого-нибудь из Крым-шамхаловых, Дудовых или Карабашевых, а потому подарки, делаемые им, делались преимущественно с целью иметь для себя защитника“,³ — писал Петрусевиц.

Обычай не устанавливал размера повинностей и приношений, которые нес уздень в пользу своего бия, и они выступали под видом добровольных приношений: „всякий что хотел, то и давал“.⁴ Но так как земля была очень дорога в Карачае, то и ответный подарок узденя бию за землю был не маленьким. Он делался обычно „скотом или лошадьми на значительную сумму“.⁵

Говоря о награждении узденей землей, Н. Петрусевиц употребляет карачаевский термин „узденлик“ (ёзденлик), который он переводит „за узденство“.⁶ Термин этот сохранился в карачаевском языке до сих пор, но уже совершенно в другом значении. Сейчас ёзденлик означает приличие, благовоспитанное поведение.

Выражение „ёзденлик мал“ (подарок скотом), которое первоначально обозначало именно ответный подарок узденю бию скотом, теперь употребляется по отношению ко всякому подарку.

Еще более прочными были вассальные отношения, скрепленные молочным родством — аталычеством. Уздени, бравшие на воспитание бийских детей, получали участки земли в наследственное пользование, которые назывались емчеклик-джер — земля за кормление грудью, молочное братство.

Так, Аджиев Солагай, переселившийся в Дуут из Учкулана, взял на воспитание двухмесячного сына Ансуа Крым-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 10.

² Там же.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 10.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 11—12.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ Там же.

шамхалова—Мурзакула и воспитывал его до 10 лет. За это Апсуа Крымшамхалов дал Солагаю три земельных участка: Тейри-кол, Кол-тюбю и Шиякы-сырты. Часть этих земель была пригодна для кышлыков, часть—для джайлыков, а остальная находилась под лесом. Эти и подобные им участки старики и сейчас называют емчек-джер.¹

Развитие ленных отношений не получило в Карачае большого развития, так как процесс этот был прерван присоединением Карачая к России.

Царское правительство, заигрывая с горской знатью, помогало ей эксплуатировать и порабощать свой народ. Но вместе с этим вхождение в централизованное государство в какой-то степени ограничивало политическую и административную власть биев. Покровительство биев, а вместе с ним и вассальные отношения, теряли свое значение. Земли, данные когда-то биями узденям, фактически были давно оплачены богатыми подарками и многолетней службой биям со стороны вассальных узденей.

По словам Н. Петрусевича, раздача земель узденям прекратилась примерно с конца 20-х, начала 30-х годов XIX века, а принесение подарков за эти земли—с 50-х годов.²

В 60-е годы XIX в. земли, данные узденям, стали предметом спора между биями и узденями. Первые требовали возврата этих земель, как их собственности, а вторые доказывали, что они службой и подарками уплатили за земли „гораздо больше, чем они стоят“.³

Царское правительство до 60-х годов XIX в. не вмешивалось в земельные отношения карачаевцев и „признало права владения частных лиц землею законными“,⁴ что фактически означало санкционирование земельных захватов знатью.

Распоряжением командующего войсками Кубанской области ген.-адъютанта Евдокимова от 19 января 1863 года вассальные отношения узденей к своим бывшим владельцам считались упраздненными.⁵ Рассмотрение вопроса о землевладении и землепользовании карачаевского народа растянулось еще на ряд лет.

Дальнейшее утверждение частнособственнических отношений и юридическое оформление поземельной собственности произошло во второй половине XIX в. Решающую роль в этом сыграло влияние русского права.

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 11.

³ Там же.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 14.

Рост крупного землевладения в Карачае вел к обезземеливанию народных масс. Наряду с прямыми захватами общинных земель, лишавшими крестьян сенокосов и пастбищ для скота, крупные землевладельцы не гнушались и мелкими крестьянскими участками, чтобы увеличить свои владения.

Одним из средств, при помощи которого можно было завладеть крестьянской землей, была бегенда. Бегенда, или бессрочный залог земли, имела в Карачае довольно значительное распространение в первой половине XIX века. Во второй половине века она была постепенно вытеснена новыми формами земельных и денежных отношений: арендой земли на определенный срок, ростовщическими процентами и т. д.

Как уже говорилось, земля в Карачае была самым ценным залогом. Поэтому деньги, скот или другое имущество охотнее всего давали в долг под залог земли. Обедневшие крестьяне нуждались в средствах для поправки своего хозяйства, для покупки скота или хлеба, для аренды земли и других нужд, поэтому они вынуждены были обращаться к более богатым узденям или биям с просьбой о ссужении им некоторой суммы. В залог крестьянин отдавал свой участок земли, часто последний. Вместо процентов на данную в долг сумму кредитор получал право пользоваться урожаем или сеном с заложенного участка. Такой залог земли назывался по-карачаевски джерин джюкге салгъан, а сама заложенная земля — джюк джер.

Кредитор пользовался доходами с земли до тех пор, пока заимодавец не возвращал долг, и имел право, если долг не возвращался вовремя, совсем оставить себе заложенную землю. Если кредитор был честным человеком и стремился помочь обедневшему должнику, он мог разрешить ему продать заложенную землю и из полученной суммы уплатить долг. В таком случае часть суммы от продажи земли все же оставалась должнику, так как землю закладывали обычно значительно ниже ее действительной стоимости.¹

Но были и такие кредиторы, которые стремились использовать бегенду для захвата чужой земли. Обычай давал им право разрешать или не разрешать продажу заложенной земли. В последнем случае земля оставалась им в компенсацию за невозвращенный долг.

Бывали и такие случаи, когда кредиторы обманывали должников, не торопили их с возвратом долга, а потом объяв-

¹ Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

ляли землю своею, ссылаясь на истечение срока договора, и отказывались принять долг.

Н. Иваненков приводит примеры бегендных сделок и во второй половине XIX в. „Керты Биджиев имеет три участка покоса за отданные кому-то 200 руб.; Локман Коркмазов заложил один сабан Джумаруку Хубиеву; Хаджи Хусейн Семенов заложил на осень за 70 рублей один сабан, мерою в одну меру“.¹

В Списке лицам свободных сословий бий, чанка и узденъ в карачаевском обществе Баталпашинского уезда слово бегенда употребляется в другом смысле,—как одна из форм аренды земли. В Списке указано, что родоначальник Эбзеевых Саванлан был дан владельцем Сванетии в приданое своей дочери, вышедшей замуж за Крымшамхалова. Новый владелец дал ему землю, как своему крестьянину. Когда наследник Крымшамхалова освободил его от крепостной зависимости, то земля, которой владели Эбзеевы, „осталась по-прежнему у Эбзеевых, но не на праве собственности, а на праве бесплатного пользования (бегенды)“.² Очевидно, термин бегенда употреблен здесь в более широком смысле, как бессрочное и, в отличие от аренды, бесплатное пользование землей без права собственности на нее.

Земля в руках биев и узденской верхушки служила средством эксплуатации народных масс. Формы этой эксплуатации были различны—от прямого принуждения зависимых крестьян до использования труда обедневших родичей и общинников при помощи старинных общинных институтов: маммата, аталычества и т. д.

Часть земель крупных владельцев использовалась ими непосредственно для ведения своего хозяйства и, прежде всего, для выпаса на этих землях своего скота и заготовки сена.

Трудились на этих землях, ухаживали за скотом, работали на сенокосах и т. д. крепостные крестьяне, находившиеся в различных степенях зависимости от владельца. А в горячую пору, путем помочей—маммата—привлекались и юридически свободные крестьяне—уздени. Другую часть земли владельцы отдавали своим крепостным, которые вели на ней свое хозяйство. За это, в виде натуральной ренты, они отдавали владельцу часть продуктов.

Кроме того, владение землей давало возможность эксплуатировать и свободных узденей, среди которых в Карачае было много малоземельных и совсем безземельных. Одной из форм такой эксплуатации было половничество.

Нуждающиеся в земле крестьяне брали у богатых землевладельцев участки под пахоту или покос, а за пользо-

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 44.

² ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23.

вание земель или обрабатывали на владельца, или отдавали ему часть урожая. С пахотных земель обычно отдавалась половина урожая, с сенокосных— $\frac{2}{3}$ скошенного сена, иногда половина.¹ Исполщик, взяв землю, должен был вспахать ее своими орудиями и своим скотом, засеять своими семенами и все лето ухаживать за посевом, а получал жалкие крохи.

Аренда пастбищ производилась на других условиях; там расплата производилась не по количеству земли, а по количеству выпасываемого на ней скота.² Но и в этом случае все выгоды аренды доставались землевладельцу.

Сложность поземельных и, в частности, арендных отношений в Карачае заключалась в том, что малоземелье вынуждало карачаевцев арендовать земли не только внутри Карачая, но и за его пределами: у соседних народов, а позже—и у жителей казачьих станиц.

Самые богатые пастбища были у кабардинцев. У кабардинских феодалов карачаевцы арендовали главным образом пастбища под зимние кочевки. Летом кабардинцы сами пасли скот на этих склонах, а на зиму, перегнав его в долины, сдавали пастбища карачаевцам.

Тяжелой ценой расплачивались карачаевцы за свою поземельную зависимость от кабардинских феодалов. Большое количество скота переходило в руки кабардинских князей в виде дани скотом (мал джасакъ), которую платили карачаевцы за пользование пастбищами. Кроме скота, у карачаевцев забирали изделия их ремесла и даже хлеб, которого им самим не хватало.

Не ограничиваясь поземельной зависимостью и уплатой дани, кабардинские феодалы старались закабалить карачаевский народ и политически, полностью подчинить его своей власти.

От произвола кабардинских князей, которые приезжали и хозяйничали в карачаевских аулах, страдали больше всего простые люди. Это на их невест и жен заглядывались сластолюбивые князья, это их скот угоняли в Кабарду.

Карачаевские бии чаще всего помогали князьям грабить свой народ, так как сами мало страдали от гнета. Но иногда и они возмущались чрезмерными претензиями кабардинских феодалов. Сохранилось прошение карачаевских владельцев, живущих в верховьях реки Кубани, генералу Текели от 1788 года. Владельцы просят русское командование «приказать кабардинским владельцам, чтобы поступали они с нами по обычаям наших предков»,³ т. е. взимали дань в

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 58.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 71, л. 4.

³ ЦГВНА, ф. 52, оп. 1/194, св. 120, ед. хр. 481.

прежних размерах, не увеличивая ее. В противном случае карачаевцы грозили перекочевать дальше, за горы.¹

Народ отвечал на угнетение кабардинских феодалов более решительно, организуя открытые выступления и даже убийства отдельных князей. Особенное негодование народа вызывали попытки феодалов унизить достоинство карачаевских женщин. Многие карачаевские женщины погибли из-за разврата князей, предпочитая утопиться, чем жить опозоренными.

В народном творчестве карачаевцев сохранилась песня о мужественном юноше Кара-Муссе („Къара-Мусса“), который вступился за честь своей невестки. Кабардинский феодал Касай Атажукин приехал в Карачай с большой свитой и, случайно увидев понравившуюся ему невестку Кичеруковых, приказал постелить ему у нее постель.

Муж приглянувшейся Касаю женщины долго уговаривал князя отступить от своего намерения, предлагал ему скот, угрожал мстью, но князь был непреклонным. Когда муж ушел, с теми же просьбами обратился к князю брат мужа — Кара-Мусса. Но и его не послушал князь. Тогда юноша вынул свой нож и обагрил кровью парчовые одежды князя.

После этого Кара-Муссе пришлось много лет скрываться в абреках, но ни один кабардинский князь не рискнул больше посягнуть на честь карачаевской женщины.²

Народ возмущался не только кабардинскими феодалами, но и своими биями, которые продавали князьям честь Карачая.³

Только после 1828 года, когда Карачай был окончательно присоединен к России, притязаниям кабардинских феодалов был положен предел. Князья не хотели мириться с утратой своей власти, пытались путем переговоров с Кавказским командованием и просто явочным порядком восстановить даннические отношения. Даже в 60-е годы XIX века были случаи угона кабардинскими феодалами карачаевского скота. Начальник Эльборусского округа так характеризовал один из таких случаев: „настоящая проделка, за которую платятся карачаевцы, не есть единственная со стороны кабардинских князей, привыкших смотреть на них, как на своих данников“.⁴

Одним из самых главных вопросов, по которому в течение многих лет продолжались столкновения между карачаевцами и кабардинскими князьями, были поземельные споры. Лишившись власти над карачаевцами, кабардинские

¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, св. 120, ед. хр. 481, л. 44.

² Рукописный фонд КЧНИИ.

³ Там же, стр. 57.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 495, л. 3.

феодалы старались по крайней мере удержать в своих руках пограничные земли.

„С давнего времени между карачаевцами и кабардинцами происходили постоянные споры за принадлежность некоторых пограничных между ними земель“,¹ — доносил в 1859 году командующий Кавказской армией военному министру.

Для разбора этих споров была назначена комиссия, на основании заключения которой проведена граница между Карачаем и Кабардой. Граница проходила от Эльбруса по водораздельному хребту между притоками Кубани и Терека до реки Эшкакон и затем по этой реке.

Такое разграничение лишало карачаевцев части пастбищ, которые они снова, теперь уже на иных основаниях, должны были арендовать у кабардинцев.

* * *

Рассмотрев вопросы землевладения и землепользования в Карачае, мы можем прийти к следующим выводам.

Первой формой собственности на землю была в Карачае родовая собственность на пашни и сенокосы. К началу XIX века она не сохранилась, но следы ее можно обнаружить в более поздних формах землевладения. Пастбищные земли находились в собственности сельской общины, в которую входило все свободное население Карачая: бии и уздени.

Первыми земельными участками, перешедшими в частную собственность, были сабаны и биченлики, добытые тяжелым трудом по их очистке и орошению.

По адатам, все остальные земли, кроме сабанов и биченликов, считались общинными, но фактически к началу XIX в. и в течение первой половины века многие из них были захвачены феодалами—биями.

В феодальную собственность раньше всего были превращены сенокосы и пастбища, как важнейшие средства производства скотоводческого хозяйства. Леса и летние пастбища дольше оставались в общинном владении.

Рост крупного землевладения вел к обезземеливанию народных масс. Одним из средств захвата крестьянской земли была бегенда—бессрочный залог земли.

Феодальная собственность на землю не получила в Карачае юридического оформления и процесс ее становления тормозился наличием сильной соседской общины.

Феодальная собственность на землю выступала не в виде индивидуальной собственности, а как фамильная, что затрудняло ее отчуждение и смазывало ее частнособственнический характер.

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 868, ед. хр. 24, л. 1—4.

Часть своей земли бии отдавали в качестве лена вассальным узденям, за что те несли определенные повинности и натуральные приношения (ёзденлик мал.)

Кроме угнетения собственными феодалами, карачаевское крестьянство до 1828 года находилось в поземельной зависимости от кабардинских князей, которые накладывали на них тяжелую дань и стремились полностью подчинить себе.

Карачаевский народ протестовал против наступления феодалов на их земли и права общинников, но эти протесты носили разрозненный и неорганизованный характер.

Глава IV

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАРАЧАЕВСКОГО ОБЩЕСТВА

Незавершенность процесса феодализации и стойкость общинных отношений в Карачае наложили свой отпечаток на социальную структуру карачаевского общества. Мы не найдем в нем четкой феодальной лестницы, которая присуща обществам с развитыми феодальными отношениями. Социальные деления переплетались с родовыми, что смазывало порой их классовую сущность.

При том небольшом количестве источников, которыми мы располагаем, еще сложнее проследить процесс возникновения тех или иных социальных групп. Большинство авторов вообще не касалось этого вопроса, а те, которые касались, не всегда могли правильно разрешить его.

При изучении проблемы разложения родового строя и становления феодальных отношений в Карачае надо учесть то, что процессы эти возникли до того, как карачаевцы сформировались в народность, — еще у их предков кипчаков и алан.

В одном из древнейших памятников кипчакского языка — кодексе 1303 года (Кодекс куманикус) упоминаются рабыни — карауаш, уздени и бии. Этот же термин — карауаш — встречается в исторических песнях карачаевцев „Гошиях“ и „Орусбийлары“.

В первых же русских документах о карачаевцах упоминаются князья. В статейном списке посольства Елчина и Захарьева в 1639 году говорится, что Елчин дал карачаевским князьям, двум братьям Ельбуздуку и Галистану, 4 аршина красного английского сукна.¹

¹ Х. - О. Л а и п а н о в. К истории карачаевцев и балкарцев. 1957, стр. 26.

Однако развитие феодальных отношений в Карачае тормозилось наличием сильной общины. Феодальная собственность на землю, как указывалось, долгое время юридически продолжала считаться общинной. Феодальные владельцы — бии — доказывали свои права на землю и власть над народом своими родовыми преимуществами. Феодальная рента взималась под видом добровольных приношений и помочей.

Но, тем не менее, под покровом этих родовых отношений все четче выступали классовые, феодальные отношения.

Источники по-разному рисуют классовый состав карачаевского общества в первой половине XIX в., насчитывая в нем то 2,¹ то 5² и даже 7 социальных групп.³ Но все вторы, даже те из них, которые считали карачаевское общество родовым, не могли не отметить в нем двух противоположных полюсов: владельцев и крестьян.

Первые — бии — владели тысячами десятин земли, многими сотнями голов скота и эксплуатировали труд зависимых крестьян.

Вторые — крестьяне — не представляли собой однородной массы, а распадались на ряд категорий: узденей, юльгюлюков, башсызкулов.

Уздени составляли основную массу населения Карачая.⁴ Близкое к ним положение занимали азаты — вольноотпущенники. Это были бывшие крепостные или рабы, которые получили свободу за выкуп или за заслуги перед владельцем. Юридически они считались свободными, но фактически продолжали нести некоторые повинности в пользу своих бывших владельцев.

Юльгюлюкулы были крепостные крестьяне в полном смысле этого слова. Они имели свое небольшое хозяйство и платили ренту владельцам. Башсызкулы — патриархальные

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1—33. Записка о действиях и observations, произведенных генерального штаба штабс-капитаном кн. Шаховским во время проезда его по поручению командира Отдельного Кавказского корпуса из Мингрелии через Сванетию в Кабарду и обратно в 1834 году. Шаховской разделял карачаевцев на два сословия: старшин и черный народ.

² Ф. И. Леонтович (Адаты кавказских горцев, стр. 273 — 274) насчитывал в карачаевском обществе пять сословий: старшины, каракиши, кулы, казаки и караваш.

³ В рапорте начальника Эльборусского округа от 1867 года (ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1—3) перечислены семь социальных групп:

1) бии (ак сюек — белая кость);

2) чанка — полужизья;

3) каракиши — черный народ;

4) муллы — духовенство;

5) азаты — вольноотпущенники;

6) правные крестьяне — джоллукулы;

7) бесправные крестьяне — джолсызкулы или башсызкулы.

⁴ Подробно об узденях см. ниже.

рабы—были лишены орудий и средств производства и трудились в хозяйствах владельцев.

Взаимоотношения карачаевских сословий многими буржуазными авторами рисовались в извращенном виде. Идеализируя старину, они смазывали острое социальное противоречие карачаевского общества. Так, Г. Петров писал: „В крепостном праве у карачаевцев нельзя не отметить одной особенности, которой у других горских племен вовсе не существовало—это отсутствие высокомерия других сословий к сословию рабов. Крестьяне не подвергались презрению и унижению“.¹ Далее он описывал совместную работу и дружбу „господ с рабами, совместные трапезы и усыновление биями сирот—кулов“, любовь кулов к своим господам, в случае смерти которых они „обрезали себе носы, уши, царапали лицо, кусали руки и проч.“.²

А. Н. Дьячков-Тарасов („Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь“),³ описывая с умилением патриархальные отношения между владельцами и кулами, берет под защиту биев, пытаясь доказать, что карачаевский бий—это не феодал, а „главный старшина“; что мы „не должны придавать ему традиционного значения князя, феодального владельца“,⁴ и что „народные предания относятся к общине Крымшамхаловых положительно“.⁵

Рассмотрев взаимоотношения владельцев с крестьянами, он приходит к выводу о „культурной близости“ сторон. „Это не русские помещики и крепостные крестьяне, это не немецкие бароны и их вассалы,—это горные скотоводы, имевшие когда-то первобытную клановую формацию, объединявшую и родоначальника, и членов рода, и усыновленных родов, и потомство батраков для упорной борьбы с тяжелыми географическими условиями страны, а участие в общей борьбе сближает всех ее участников, несмотря на их расслоение. И в прошлом мы находили нередкие факты браков караузденей с дочерью кула, а также обратное“.⁶

В этой противоречивой характеристике, с одной стороны, признается расслоение, а с другой—оно сводится на нет общей борьбой с природой. При этом автор делает вывод, что, если в Карачае и было угнетение, то только „бытовое“. Трудно сказать, откуда почерпнули Г. Петров и А. Н. Дьяч-

¹ Г. Петров. Верховья Кубани—Карачай. Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Изд. Куб. обл. статистич. комитета. Екатеринодар, 1880, стр. 133.

² Там же.

³ Записка Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, том I, Ростов-на-Дону, 1928.

⁴ Там же, стр. 141.

⁵ Там же.

⁶ Записки Северо-Кавказского научно-исследовательского института, том I, стр. 146.

ков-Тарасов такие сведения. Их не мог дать ни этнографический, ни фольклорный, ни тем более архивный материал.

Пословицы карачаевского народа говорят именно об угнетенном положении кулов: „Пусть не будет у тебя свойственником раб, пусть не будет удачи у того, кто в свойственники возьмет раба“; о тяжелом положении кула: „Пища раба в золе“,¹ «Кто убьет кула, тому нет мести». ² Жизнь раба была так тяжела, что трудно было выжить: „Раб, который не умрет, будет пить воду из золотой чаши“.³

Пословицы отражали вражду сословий: „Если чешется спина, иди к бийским дверям“⁴ и т. д.

В песнях карачаевского народа также показаны угнетение крестьянства и резкая сословная рознь. Песни: „Барак“, „Кубанов Эльмурза“, „Джагаев Маил“⁵ показывают тяжелую долю бедняков, вынужденных наниматься в батраки, обман их биями и богачами и борьбу против этого таких смельчаков, как Барак Салпагаров и др.

Не только между биями и кулами—двумя полюсами карачаевского общества,—но и между узденями и кулами стояло много сословных перегородок. Браки между ними были редким исключением и жестоко преследовались родственниками.

Песня „Акбиче и Рамазан“ рассказывает о горестной доле девушки-узденки, осмелившейся полюбить кула. Зная, что родители никогда не согласятся на такой брак, Акбиче бежала, но родственники догнали ее. Девушку безжалостно избили конской плеткой и вернули к родным. „От плетей побагровело мое тело и горит, как в огне. Мне говорят, что я опозорила род, бесстыжая, и бьют плетьюми“,⁶ — плачет Акбиче.

Архивные материалы сухо и бесстрастно повествуют о нищенском положении кулов (см. списки бедных владельцев и крестьян,⁷ из которых видно, что основная масса кулов вообще не имела ни скота, ни земли), о презрительных кличках, которыми называли кулов, о случаях убийства кулов владельцами,⁸ о побегах тех из них, кто не мог вынести дольше тяжелого гнета.⁹

¹ Къул джуугъунъ болмасын, къулну джуукъ этген эньмасын. Къулну ашы къолде.

² Къулну ёлтюргеннье къан джокъ. Фольклорно-лингвистическая экспедиция КЧНИИ, 1959 г. Рукописный фонд КЧНИИ.

³ Ёлмеген къул алтын аякъ бла суу ичер.

⁴ Сырты кичиген бий эшигине.

⁵ Рукописный фонд КЧНИИ.

⁶ Там же.

⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 53—85.

⁸ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 430, л. 12.

⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 391.

Таким же конкретным материалом о резком имущественном неравенстве среди узденей¹ доказывається расслоение этого сословия, выделение верхушки, которая отличалась не только в экономическом, но и в политическом отношении от остальной массы и вместе с биями решала важнейшие дела карачаевского общества (например, участие в переговорах с ген. Емануэлем в 1828 году.²

Все эти источники подтверждают наличие в карачаевском обществе первой половины XIX века классового расслоения и антагонизма сословий. Но было бы ошибочным считать процесс классообразования и феодализации завершенным; не было завершено и вытеснение общинной собственности частной.

В процессе классообразования и феодализации карачаевского общества узденство переживало процесс распада, выделения, с одной стороны, феодализирующейся верхушки, с другой—трудового узденства, которое постепенно становилось зависимым сословием.³

Таким образом, юридическое и фактическое положение узденства к XIX веку уже значительно отличалось.

Сословия отличались друг от друга не только экономическим, но и правовым положением, что характерно для сословий феодального или феодализирующегося общества. За ними были закреплены определенные права и обязанности, зафиксированные, за неимением писаных законов, в адатах.

Сословия были замкнутыми, что очень затрудняло проникновение узденской верхушки в класс феодалов. Как бы ни разбогател узден, он оставался по своему правовому положению узденем и не мог претендовать на бийское достоинство, так же как разорившийся бий оставался бием или чанка (разновидность сословия биев). „Бедный может стать богатым, а кул узденем никогда“ (Джарлы бай болур, къул ёзден болмаз) гласит карачаевская пословица.

Сословная принадлежность передавалась только родом или браком. Причем браки заключались также преимущественно между лицами одного сословия.

Бии, как высшее сословие, занимали привилегированное положение, считались белой костью—акъ сюек—в отличие от черного народа—къара-халкъ.

Эти черты сословного строя, так же как и завуалированные формы эксплуатации, часто затемняли сущность классовых отношений в Карачае. Крестьянство—кулы и трудовое узденство—оказывалось разобщенным сословными

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129.

² ЦГВИА, Гр. ССР, ф. ВУА, ед. хр. 6231, л. 126.

³ Это расслоение узденства было совершенно правильно подмечено Е. Н. Студенецкой в ее работе: «К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в.» Советская этнография, 1937 г. № 2 — 3, стр. 53.

перегородками, а владельцы тысячных стад скота и сотен десятин земли, на которых трудились крепостные крестьяне, юридически не считались феодалами, если не принадлежали к сословию биев.

Картина социального строя Карачая осложнялась еще наличием в нем рабовладельческих отношений. В процессе возникновения и становления классового общества в нем возникла и рабовладельческая форма эксплуатации, при которой „раб вместе со своей рабочей силой раз и навсегда продан своему господину».¹

Однако развитие элементов рабовладения происходило в Карачае в тот период, когда уровень развития производительных сил был выше, чем возможный при рабском труде, а кроме того, слишком сильны были общинные связи и традиции, что также препятствовало широкому развитию рабовладельческих отношений. Поэтому рабский труд в Карачае не стал господствующим, а играл подсобную роль в хозяйстве владельцев.

Развитие карачаевского общества пошло в основном по пути феодализации, а не рабовладения. Рабство же, носившее патриархальный или домашний характер, осталось одним из укладов феодализирующегося карачаевского общества.

Незавершенность процесса феодализации выражалась и в том, что и к середине XIX в. различные категории крестьянства (юльгюлюкулы, патриархальные рабы башсызкулы и трудовое узденство), попадавшие все в большую зависимость от владельцев, еще не слились в единую массу, не превратились в единый класс крепостных крестьян.

После 1828 года развитие феодальных отношений в карачаевском обществе происходило уже под непосредственным воздействием русского государства, поддерживающего местную знать. Это ускоряло процесс феодализации и придавало своеобразный характер всем социальным отношениям.

К 1867 году социальный состав карачаевского общества характеризовался следующими цифрами:

Князей и старшин	— 284 чел.	} 3,7%
Чанка	255 чел.	
Азатов	1801 чел.	} 80,6%
Узденей	9978 чел.	
Юльгюлюкулов	1825 чел.	12,4%
Башсызкулов	582 чел.	3,3%
Всего населения	14,725 чел.	100% ²

Эта таблица подтверждает, что основную массу населения Карачая составляли уздени. Патриархальные рабы—баш-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 57.

² ГАКК, ф. 774, оп. I, ед. хр. 650, л. 5—6.

сызкулы составляли только 3,3% , т. е. меньшую часть населения и не могли поэтому быть основными производителями.

Остановимся подробно на экономическом и социальном положении сословий.

1. УЗДЕНИ

Термин „уздени“ имеет у карачаевцев иное значение, чем у соседних адыгских народов. Там узденями называли дворян в отличие от крестьян—тльфокотлей. У карачаевцев же узденское сословие включало в себя и основную массу трудового населения—юридически свободных, но фактически все более закрепощаемых крестьян-общинников и разбогатевшую верхушку этого сословия, которая по своему экономическому положению приближалась к феодалам.

Карачаевское узденство по своему экономическому и политическому положению стояло ближе всего к балкарским каракиши или караузденям, к черкесским тльфокотлям и абазинским анхаю, а верхушка узденства—к уоркам и агмиста.

Но именно благодаря тому, что сословие узденей включало в себя и трудовое население и разбогатевшую неродовитую верхушку, социальное положение этого сословия было особенно противоречивым, а разница между юридическим и фактическим положением членов сословия особенно значительной.

Юридически узденство считалось и в XIX в. сословием свободных крестьян, никому не подвластных и ни от кого не зависимых. Фактически же это было не так.

Большую или меньшую независимость удалось сохранить только незначительной части наиболее богатых и влиятельных узденских фамилий, которые сами обладали тысячами голов скота, а главное—сотнями десятин земли. Трудовое же узденство все больше и больше попадало в зависимое положение.

Эта зависимость еще не носила формы ярко выраженного крепостного права, как при развитом феодализме. Но В. И. Ленин в своем классическом труде „Развитие капитализма в России“, говоря о личной зависимости крестьян от помещиков, о внеэкономическом принуждении, характерном для барщинного хозяйства, поясняет: „Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина». ¹

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 459.

Сословная неполноправность караузденей проявлялась во многих сторонах жизни карачаевского общества: и в том, что сословие узденей считалось низшим, черным, по сравнению с благородными биями—белой костью—акъ сюек; и в том, что уздени были фактически устранены от рассмотрения политических и других важнейших вопросов жизни общества, которые решались биями да членами отдельных, наиболее значительных, узденских фамилий. Так, все послания русскому командованию писались от имени карачаевских старшин, они же вели все переговоры с русским правительством. В переговорах с генералом Емануэлем в 1828 году участвовали: Ислам Крымшамхалов, Аслан-Мурза Дудов, Наны Дудов, Темирчок Карабашев и другие бии и только один уздень—Аджи Ибрагим Боташев.¹

Выражением сословной неполноправности был разный размер платы за кровь, увечье и воровство у биев и узденей, разный калым за дочерей. 600—800 рублей деньгами или скотом на эту сумму платили за бийскую девушку и вдвое меньше—300 рублей—за дочь узденя.

Уздени обязаны были оказывать биям различные знаки внимания: стоять в их присутствии, сопровождать в поездках, подсаживать на лошадь и т. д.

Вот почему даже такие авторы, как Г. Петров, идеализировавшие взаимоотношения карачаевских сословий, вынуждены были признать, что карауздени „хотя пользовались личной свободой, но должны были всюду следовать за своими старшинами, исполнять беспрекословно их волю и оказывать материальную поддержку“.

Материальная поддержка была выражением определенной феодальной ренты, которую несли карауздени в пользу феодалов, как владельцев земли и представителей административной власти, о чем подробнее будет сказано ниже.

Противоречивость положения узденского сословия выражалась также в том, что юридически оно составляло одно сословие, члены которого обладали одинаковыми правами. Разбогатевшая узденская верхушка еще не успела выделиться в особое сословие. Это подтверждается и тем, что она не имела даже четкого названия. По одним источникам, верхушку узденей называли уллу ёзден—большие уздени, по другим—сырма ёзден—безусловные уздени или сыйлы ёзден—почетные уздени в отличие от основной массы—сыйсыз ёзден—непочетных узденей или къара ёзден—черных узденей.

Выделение узденской верхушки не нашло отражения

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6231 л. 126.

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 274.

³ Г. Петров. Верховья Кубани—Карачай. Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880, стр. 132.

в адатах карачаевцев и балкарцев, записанных в 40-х годах XIX в. под руководством начальника центра Кавказской линии генерал-майора Голицына. В этой записи адатов сословию старшин противопоставлен „подвластный народ“, делившийся на «4 класса»: узденей, кулов, казак и караваш.¹

Фактически же к началу XIX в. узденство было расколото на две неравные группы, отличающиеся одна от другой не только своим экономическим, но и политическим положением.

Расслоение узденства сопровождалось обезземеливанием и обнищанием трудового узденства, его политическим закабалением. Экономическое положение узденства к началу и особенно к середине XIX в. представляло собой картину далеко зашедшего имущественного неравенства. Причем это неравенство наблюдалось не только между отдельными узденскими фамилиями, но и внутри этих семейств—между разбогатевшими и разорившимися семьями. Так, к 1867 году Абдурахман Боташев имел 160 голов крупного рогатого скота и 700 овец, Ахмат Боташев—500 овец, Тавгуз Боташев—700 овец.² Два других Боташева: Магомет и Юсуп были владельцами небольших конских заводов (по несколько десятков лошадей).³ А семья Шемахо Боташева не имела ни одной головы скота.

Еще больше скота было к середине XIX в. у Байчоровых. Вдова Кучука Байчорова—Апак имела 40 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и 2000 овец; Чубур Байчоров—60 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и 1000 овец; Машумат Байчоров — 500 овец.⁴ Большими табунами лошадей владели Ожай Байчоров (200 голов), Бацай Байчоров (100 голов), Джембулат Байчоров (80 голов).⁵ Также богаты были Салпагаровы. Например, Джанибек Салпагаров имел 120 голов крупного рогатого скота и 1200 овец.

В хозяйстве всех этих лиц использовался труд крепостных крестьян. На Аслана Чотчаева, владельца 200 голов крупного рогатого скота и 1300 овец, работали четыре семьи крепостных крестьян, насчитывавших 20 человек.⁶

Другие узденские семьи владели одной-двумя семьями крепостных, а иногда и всего одной женщиной-рабыней—караваш. Всего в Эльборусском округе к середине XIX века крепостными крестьянами владели 634 семьи, в распоряжении которых находилось около полутора тысяч крепостных

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 274.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 81.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 81.

и кулов (меньше трех человек на семью). Следовательно, преобладали мелкие владельцы. Лишь отдельные семьи имели более 10 человек крепостных. Например, Солтан Акбаев владел двумя семьями, состоявшими из 18 человек; Аслан Чотчаев — тремя семьями из 16 человек,¹ и т. д. Лица этих же фамилий, как указывалось во второй главе, владели наибольшими земельными наделами, захваченными из общественного фонда.

Так, Чотчаевы владели 600 десятинами земли, лежащими по притокам Хурзука и Худеса и при слиянии рек Учкулана и Хурзука; Узденовы—800 десятинами—по притокам Худеса: Кысырлар-Сюрген, Аргы-Дорбун, Чунгурлар и Койла-Ельтурген и т. д.; Алиевы—1800 десятинами—по притокам Худеса: Уллу-Эки-Ара, Элия-Урган, по притоку Джалан-Кол Ачысы и по Кубани ниже слияния ее истоков Учкулана и Хурзука.

Хубиевым принадлежала вся долина реки Ташлы-Кол, впадающая в Кубань, а также земля по притокам Дуута—Артык-Кол, Мысты-Кол, Мырдылар-Кол и др., всего 1900 десятин; Боташевым—900 десятин по притоку Худеса Аман-Кол и по Кубани; Акбаевым—700 десятин по притокам Гиляча и Дуута и при слиянии рек Учкулана и Хурзука.²

Таким образом, верхушка узденей по своему экономическому положению действительно скорее напоминала дворянство типа уорков и агмиста черкесского и абазинского народов, чем рядовых крестьян—тльфокотлей и анхаю.

Выделение узденской верхушки заключалось не только в экономическом превосходстве, но и в больших политических правах. Вместе с биями они заседали в суде и народном собрании, участвовали в решении важнейших дел. Так, Аджи Ибрагим Боташев вместе с представителями бийских фамилий вел переговоры с генералом Емануэлем в 1828 году.³

Но и разбогатевшие узденские фамилии оставались в вассальных отношениях к биям и несли, как вассалы, целый ряд соответствующих обязанностей. Они сопровождали биев во всех их поездках и особенно набегах, участвовали в советах, выезжали для них лошадей, воспитывали их детей. Последнее—аталычество—делало вассальные связи особенно прочными, так как семья бия и воспитавшего его детей узденя скреплялась молочным родством.

Вассальные уздени должны были защищать своих биев в любых спорных делах. В 60-е годы Эльборусский окружной суд разбирает дело об увозе девушки Кипкеевой Гиджай

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 663—667.

² ГАКК, ф. 574, ед. хр. 507, л. 22—37.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6231, л. 126.

братьями Халкечевыми.¹ В возникшей свалке один из Халкечевых был убит. В убийстве обвинили его брата Гину и сына Каншаубия Крымшамхалова—Тембота, так как стреляли оба.

Однако подвластные Крымшамхаловым уздени не остановились перед прямым подлогом, чтобы только выгородить бийского сына, и всю вину за убийство свалили на Гину Халкечева. Тембот продолжал гулять на свободе, а Гину бросили в тюрьму.

В своих показаниях и докладной записке на имя начальника Верхне-Кубанского округа полковника Калиновича Г. Халкечев указывал, что „Каншаубий Крымшамхалов, влияя на подвластных ему узденей и узденей ближайших его родственников, заставил их сделаться обвинителями моими».² Среди „подвластных“ Крымшамхаловым узденей Халкечев называет Наны Хубиева и эфенди Хубиева, Юсупа и Хаджи Боташевых, Ислама Алиева, Джашерьека Байрамкулова и др. Именно эти лица отвергли просьбу свидетелей разобраться в том, кто является истинным виновником убийства, и посадили в тюрьму Халкечева, чтобы выгородить Тембота Крымшамхалова.

Интересны слова вольноотпущенника Халкечева о солидарности узденской верхушки с биями и противопоставлении их народу: „Все поименованные лица как теперь, так и прежде всегда были единомышленниками и составляли одно целое, как, например, в 1855 году они же были главными возмутителями народа против правительства, силой и влиянием своим заставляя всех участвовать в измене и с этой целью ими вызван был в Карачай Магомет Амин с партией».³

Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная в 60-х годах XIX века, отнесла уллу узденей, как биев, к привилегированным сословиям Карачая. „Кроме сословия бий, существовало еще благородное сословие уллу-уздень, но оно не имело существенных сословных преимуществ перед простым народом, за исключением участия в народном суде (мех-кеме)“, — говорится в Записке канцелярии главноначальствующего гражданской части о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях.

Этот вывод комиссии еще раз подтверждает противоречие между юридическим и фактическим положением лиц, принадлежащих к узденской верхушке, которая по своему богатству приближалась к господствующему классу, вместе с ним эксплуатировала трудовое население Карачая—кара-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195, л. 7.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195, л. 8.

узденей и кулов, а по своим сословным правам и обязанностям продолжала считаться узденями.

Такой же противоречивой и относительной была и юридическая независимость узденского сословия.

К моменту отмены крепостного права в Карачае в 1868 году уздени или каракиши юридически считались свободным сословием, хотя, как показывают адаты и другие документы, эта свобода была только номинальной.

Адаты, собранные в 40-е годы XIX в. Голицыным, и еще более адаты, записанные в 60-х годах, содержат целый ряд статей, характеризующих узденей или каракиши, как зависимое население.

Не говоря уже о сословной неполноправности кара-узденей, о приношениях, которые делались под видом добровольного дара, и о работе на феодалов, которая выступала как добровольная помощь, существовали обязательные виды ренты, уже узаконенной адатами. Так, статья четвертая адатов гласит: „Для произведения хлебопашества и сенокоса в пользу старшин, эти (т. е. уздени и кулы) должны дать землю и быков на время».¹

Статьи 11, 15 и 16 определяли обязанности каракиши по отношению к своим владельцам в случаях женитьбы, смерти старшин и выдачи замуж дочерей. „Женившийся старшина имеет право жену свою отправить и оставить ее в доме каракиши, если захочет этого, в продолжение одного года».² Весь этот год семья каракиши должна была кормить княжескую невестку и ухаживать за ней.

В случае смерти бия, каждый каракиши должен был доставить на поминки одного барана зарезанным и трех живыми и по одному терсуку бузы.³

При выдаче замуж дочери, каракиши должен был часть калыма также отдать владельцу: „при выдаче дочерей, каракиши дают из калыма своему старшине две скотины (подарок этот называется емчеклик, т. е. аталыкский подарок) и другому старшине, которому он не принадлежит, пару быков, также в виде аталыкского подарка».⁴

Еще конкретнее перечислены все повинности кара-узденей своим биям в адатах, записанных 1864 году. В них приведены не только те обязанности, которые несли уздени по различным экстраординарным событиям (смерть, женитьба и т. д.), но и определено повседневное участие их в сельскохозяйственных работах.

Повинности узденей выражались как в натуральной, так

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 275.

² Там же, стр. 276.

³ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 276.

⁴ Там же, стр. 277.

и в отработочной ренте. В период покоса каракиши, имеющий не менее 60 баранов, давал одного барана для питания косарей бия.¹ Зимой каждый узденский двор обязан был кормить одну скотину бия, отвечая за ее жизнь. Если скотина падала от плохого питания или ухода, уздень обязан был возместить убыток. Когда к бию приезжали гости, состоятельные каракиши обязаны были кормить их лошадей (по одной лошади на двор). Если у бия не было служанки, уздени помогали ему купить ее, давая с каждого двора по одной голове скота.

Когда крестьяне резали откормленный скот, то лучшую часть мяса (грудинку) посылали бию; если варили бузу, то посылали кувшин ее бию.

Еще многочисленнее были виды отработочной ренты. Во время сенокоса каждый узденский двор давал бию одного косаря на один день. Кроме того, давался один человек для сбора сена и поставки копен и один человек с парой быков для его перевозки.

В период пахоты каждая узденская семья выделяла одного человека с парой быков и орудиями труда для работы в течение одного дня по удобрению полей, в течение одного дня на пахоте и в период уборки—на жатве. Перевозка хлеба также производилась при помощи узденей, выделенных для этого по одному человеку из каждой семьи.

Если бий строил дом, каждый двор каракиши давал работника с парой быков для перевозки заготовленного леса. Каракиши же доставляли биям сосновые лучины для освещения.²

Но и эти перечисленные обязанности не исчерпывали всего того, что делали каракиши для биев. По обычаю уздени не смели отказать бию ни в какой его просьбе, безропотно должны были выполнять любую работу, если бий устраивал маммат, дарить ему любую вещь, если она приглянулась ему.

В случае несчастья в бийской семье, все уздени, а не только подвластные ему, оказывали помощь. Так, когда был украден мальчик из семьи Крымшамхаловых, то все уздени дали по одной овчине, чтобы выкупить его из плена.

Перечисленные статьи адатов неоспоримо доказывают зависимое положение узденей, несущих натуральную и отработочную ренту. Об этом же говорят и пословицы карачаевского народа. „Ўздень—второй кул бия“,³—сказано в одной из них.

¹ Цитирую по книге Умара Алиева «Кара-халк». Ростов-на-Дону, 1927, стр. 45.

² Умар Алиев. Кара-Халк, стр. 45—49.

³ Езден — бийни экинчи кьулуду.

Однако главная выгода, которую получали бии от своего привилегированного положения, заключалась не в труде узденей и не в оброке под видом даров. Скотоводческое хозяйство не требовало особо большого количества рабочих рук, и все работы по хозяйству делали в основном кулы. Главная выгода была в том, что бии имели преимущественные права на захват земли. А это в условиях острого малоземелья Карачая было особенно важно.

Захватив большие массивы общинных земель, карачаевские феодалы не только использовали их для пастьбы своих тысячных стад, но и при помощи этих земель эксплуатировали безземельное крестьянство.

Как говорилось выше, наступление феодалов на узденство задерживалось наличием крепкой соседской общины. Она помогла узденям отстоять хотя бы формальную свободу вплоть до середины XIX в. Бии вынуждены были все же считаться с общинными порядками и сдерживать свой натиск на крестьян.

Обычай накладывал и на биев некоторые обязанности по отношению к покровительствуемым узденям, которые они должны были выполнять, чтобы не потерять уважения народа. Так, получая от узденей часть платы за кровь, бии в свою очередь отдавали узденям часть того, что получали сами за кровь родственника. Если бий платил пеню за убийство, уздени помогали ему собрать требуемую сумму, но и он сам должен был помогать в таких же случаях узденям не меньшей суммой.

Получив от узденя часть калыма или иной подарок, бий брал тем самым его под свое покровительство, как сеньёр вассала. „Получающий его старшина должен всегда помогать каракиши в делах его. Во всяком случае, он остается тому каракиши настоящим помощником, и никто не в праве устранить старшину от дел, касающихся до взятого им под покровительство“.¹ Бий выступал ходатаем за узденя, если у того возникало какое-либо спорное дело.

Обычай защищал каракиши от посягательства биев на его жизнь или честь. „Если старшина ударит каракиши или нанесет ему рану, то обиженному за честь должен отдать одну лошадь и сварить пива“,² — говорится в адатах. Но этот же обычай значительно больше защищал жизнь и имущество биев и давал им право карать узденей за неповиновение. Если штраф за ранение каракиши равнялся стоимости лошади (20—30 руб.), то „за драки, удары и раны обиженный старшина за честь получает одну душу крестьян, росту 6 четвертей“ (цена крестьянина доходила до 300 рублей).

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 277.

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 285.

Глава XI адатов—„Мера наказаний за неповиновение старшинам“—давала биям право штрафовать узденей за посягательство не только на их жизнь, но и на имущество: „Каракиши, по сомнению в воровстве позволивший себе посмотреть в доме или в кошу у старшины, штрафуется парюу бьков, за что осмелился учинить такой обидный поступок“.¹

Для взимания штрафа бий посылал своих слуг, которые имели право принудительно штрафовать узденей. За сопротивление посланникам бия каракиши подвергались дополнительному штрафу.

Эти статьи показывают, что феодалы обладали уже значительной административной властью над узденским населением.

Как было сказано в главе второй, карачаевский народ эксплуатировался до 1828 года не только своими, но и кабардинскими князьями. Полковник Буцковский писал в 1812 году, что карачаевцы „имеют свое дворянство и князей“ и в то же время находятся „в зависимости Большой Кабарды князей, коим платят дань с каждого двора по одному барану в год“.² О поземельной и административной зависимости карачаевского народа и о борьбе против этого гнета говорилось уже выше.

Кроме типично-феодалных форм эксплуатации в виде натуральной и отработочной ренты, в карачаевском обществе уже в первой половине XIX в. получило довольно большое развитие применение наемного труда. Однако это были не обычные формы найма, а специфические для скотоводческого хозяйства карачаевцев.

Наем производился обычно на какую-нибудь определенную работу. От вида работы зависел и срок найма. Косарей нанимали на период покоса, обычно на два месяца, работников для ухода за скотом на летних пастбищах—на полгода, овечьих пастухов—на пять лет.

Плата за труд в начале XIX в. производилась главным образом натурой—скотом. К середине века все большее распространение получили денежные расчеты.

Нанимателями были бии и богатые уздени. „С открытия весны каждый из зажиточных людей, нуждаясь в лишнем работнике, прискивает себе по возможности полугодовых работников, назначая конечным сроком обыкновенно окончание покоса в конце октября месяца“,³—писал в своем рапорте начальнику области капитан Петрусевич.

В наем шли самые бедные крестьяне за нищенскую

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 284.

² ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 77.

³ ГАКК. ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 849 — 853.

плату. Начальник Эльборусского округа писал о мизерной плате карачаевским батракам. В то время, как в казачьей станице в страдную пору наемный работник мог заработать до 2 руб. 50 коп. в день, в Карачае он получал не больше 3 рублей в месяц.¹

Еще меньше была фактическая плата при натуральном расчете. Кой-джалчи—овечий пастух за пять лет бессменной работы, без единого свободного дня мог заработать до 40 баранов. При найме хозяин выделял ему 30, иногда 40 баранов, которых пастух метил своей меткой. Через пять лет помеченный скот и приплод от него (примерно 80—100 голов), а также шерсть и шкуры убитых животных делились пополам между хозяином и пастухом. Убыток шел только за счет пастуха.²

Таким образом, пять лет работы оценивались в 40 баранов, что по ценам тех времен составляло 120 рублей, т. е. 24 рубля в год или 2 рубля в месяц. Иногда условия найма кой-джалчи были иными—пополам делился весь приплод.

На поденную работу нанимались и женщины и даже дети. „Почти каждый член семьи зарабатывает что-либо и, где работает, там и кормится“,³—писал о карачаевцах в 60-х годах капитан Петрусевич. Дети пасли скот вблизи аула, следили за поливкой сабанов и биченликов, прочищали канавки, женщины жали хлеб, обрабатывали огороды, пряли, валяли бурки и т. д.

При расчете хозяева очень часто обманывали батраков, не отдавали им условленной платы, а были случаи, когда убивали их самих.

Тяжелая доля работников нашла отражение в песнях и сказках народа. В работники ушел сын Дебоша Салпагарова—Барак, нанявшись табунщиком. А когда пришел срок расплаты, Абуковы выгнали его, ничего не заплатив („Барак“).⁴ Не получил вознаграждения за свою работу и Эльмурза Кубанов, убивший за это хозяина. („Къобанланы Эльмурза“).⁵ Батраку Хасану хозяин заплатил обещанное, а потом пожалел об этом и, чтобы вернуть отданный скот, убил его („Хасанны Джыры“).⁶

2. КУЛЫ

Вотличие от других горских народов Кубанской области, имевших три формы зависимости несвободного населения,⁷

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 849 — 853.

² Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 849 — 853.

⁴ Рукописный фонд ИЧНИИ.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ М. В. Покровский. Адыгейские племена в конце XVIII—первой половине XIX в. Кавказский этнографический сборник, II, Москва, 1958, стр. 133.

у карачаевцев их было две: крепостная зависимость юльгюлюкулов и рабская—башсызукулов. Юльгюлюкулы (юлгюлюкьул) или джоллукулы (джоллу кьул) в русских источниках названы „правными“ или „обрядными холопами“, патриархальные рабы—башсызукулы или джолсызукулы, — безобрядными или бесправными.

Первые были аналогичны балкарским чагарам и черкесским пшитлям, вторые—балкарским казакам и караваш или черкесским унаутам.

Прослойки феодально зависимых крестьян типа ясакчи у балкарцев и огов—у черкесов в Карачае не было.

Выделение в особое сословие женщин-рабынь—караваш, как это сделано в адатах, собранных кн. Голицыным, неправомерно, так как положение и мужчин и женщин этого сословия было одинаково бесправным. Ни те, ни другие „не имеют ни личных, ни имущественных прав“.¹ В других источниках они рассматриваются как одно сословие. Термин „юльгюлюкулы“ означает—примерные, имеющие определенное происхождение, семью, свое хозяйство; „джоллукулы“—дословно—имеющие путь. Это были крепостные крестьяне, жившие семьей и имевшие свое хозяйство. Их называли правными крестьянами, так как они, „оставаясь в личной зависимости от владельца, несут последним службу в известных, обычаем установленных, размерах; за лицами этого сословия признаются права, как личные, так и имущественные и семейные“,²—говорится в Записке начальника Кавказского горского управления о зависимых сословиях. Однако это юридическое признание прав крестьян совсем не обеспечивало им этих прав на деле.

Личные права юльгюлюкулов заключались в том, что при передаче их от одного владельца к другому заключался словесный договор в присутствии свидетелей, который определял их права и повинности. Юльгюлюкулы считались в какой-то степени юридически правомочными и в случае нарушения договора могли обращаться за помощью к свидетелям, при которых совершался обряд отчуждения.

„Эти свидетели делались впоследствии блюстителями адата (обычая), установленного при покупке, и которым владельцы и крестьяне руководствовались во взаимных отношениях“,³—говорится в Записке о зависимых сословиях в горском населении Кубанской области.

В отличие от этого, имущество, права и сама жизнь башсызукулов, или безобрядных крестьян, ничем не защищалась. Но фактически и юльгюлюкулы были полной и неотъемле-

¹ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 94.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 287, л. 2.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 85, л. 119.

мой собственностью феодалов, и никакие посторонние лица в их взаимоотношения не вмешивались.

Адат разрешал юльгюлюкулам иметь семью. Они сами выбирали себе невест и, если были в состоянии, то сами вносили калым за них. Чаще всего уплата калыма производилась скотом (баранами, коровами и бычками), медной посудой, иногда оружием.¹

Вырастив дочь, крестьянин выдавал ее замуж и получал калым, но три головы скота из калыма он должен был отдать владельцу.²

Неимущим юльгюлюкулам в уплате калыма помогали владельцы. Но в таком случае в пользу владельца шел и калым, получаемый при выдаче замуж дочерей крестьянина. Отцу из этого калыма выделялось обычно не более 50 рублей.³

При продаже юльгюлюкулов владелец не имел права разбивать семью и должен был продавать всех вместе.

Имущественные права юльгюлюкулов были ограничены еще больше. Считалось, что основным источником приобретения имущества было наделение их скотом и орудиями труда со стороны владельца. Поэтому собственником всего имущества крепостных крестьян, как действительно полученного от владельца, так и унаследованного от родителей и приобретенного своим трудом, считался феодал. Крестьянин мог только пользоваться этим имуществом.

В случае смерти бездетного крестьянина наследником выморочного имущества считался владелец. При продаже крестьянина другому владельцу имущество его оставалось у прежнего хозяина или же должно было быть „выкуплено у него за особую плату“.⁴

Даже заработанное самим крестьянином имущество „считалось (у карачаевцев) неотъемлемой собственностью владельца“, в то время как у черкесов и абазин такое имущество делилось пополам между крестьянином и владельцем. Так же претендовали карачаевские феодалы и на личную собственность крепостных крестьянок, на их свадебные подарки.

„В Карачае, как сказано было выше, владельцы не признают за крестьянами права собственности на имущество, каким бы способом оно приобретено не было, но крестьяне утверждают, что имущество, доставшееся по наяху,⁵ составляет их неотъемлемую собственность“.⁶

¹ В. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 175.

² Там же, стр. 277.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 120.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 121.

⁵ Наках — брачный договор.

⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 124.

В основе эксплуатации юльгюлюкулов лежала как поземельная, так и личная зависимость—внеэкономическое принуждение.

„Кулы и казаки за получаемую от старшины землю должны обрабатывать поля, косить и свозить в дом старшины на своих ишаках“,¹—говорится в адатах. Но если крестьянин имел и свои земли, это не освобождало его от феодальной зависимости. В Карачае, в отличие от других районов Закубанья, были случаи, когда крепостные владели небольшими участками собственной земли. При освобождении крестьян эти участки делились пополам между крестьянином и владельцем.²

Обязанности крепостных крестьян по отношению к своим владельцам выражались как в отработочной, так и в натуральной ренте. Отработочная рента заключалась в обработке земли феодала, в уходе за его скотом, в постройке домов и кошей, заготовке дров и т. д. Таким образом, все основные работы в хозяйстве биев выполнялись руками крепостных крестьян. Весной крестьянин пахал сабан владельца и засеивал его полученными от хозяина семенами. Летом ухаживал за посевами, а затем убирал созревший хлеб.

Свою землю крестьянин мог обрабатывать только после того, как покончит с пахотой земли владельца. Продолжительность пахоты на феодала в Карачае не ограничивалась определенным количеством дней,³ так как больших полей не было даже у биев. В жатве владельческого хлеба в Карачае участвовали только женщины, так как мужчины в это время были заняты другой работой.

Из убранный хлеба юльгюлюкулы не получали никакой доли, в отличие от черкесских пшитлей и абазинских лыгов, получавших около половины урожая. Это объяснялось спецификой скотоводческого хозяйства карачаевцев, при котором земледелие играло подсобную роль и расплата за все виды работ велась скотом, а не хлебом.

Юльгюлюкулы следили за исправностью имеющихся оросительных канав и рыли новые канавы. Но главной их работой был уход за скотом и обеспечение его кормами. Весь период сенокоса крепостные почти непрерывно работали на владельца. „В Карачае во время покоса крестьянин обязан 6 дней в неделю косить для владельца, а седьмой лишь может косить для себя лично“,⁴—сказано в записке „О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области“. А в адатах, опубликованных Ф. И. Леонтовичем,

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 277.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 126.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 130.

работа кулов на сенокосе вообще не регламентирована. „Кулы по очереди привозят дрова на старшинских ишаках и косят сено, сколько старшине угодно“. ¹

Владелец обязан был только позаботиться о питании коз, давая коров для подоя, „барана с барашком на зарез и не меньше двух мер хлеба“. ² Но зато в Карачае „из накопленного сена ничего не выделяется для косцов“. ³ Сено для своего скота юльгюлюкулы должны были запасать как-то сами, несмотря на то, что почти круглые сутки работали на владельца.

На крепостных же лежал уход за скотом владельца: „Старшина имеет право для себя назначить табунщика и баранщика из кулов“, ⁴—говорится в адатах.

Кроме того, юльгюлюкулы должны были строить для владельцев дома и хозяйственные постройки, коши и загоны для скота, обеспечивать владельца дровами, ухаживать за его пчелами и делать многое другое.

Жены юльгюлюкулов должны были „доить коров, готовить масло, носить воду (по два раза в день)“, обмывать сакли владельца, стирать два раза в год к праздникам белье „и в случае надобности помогать жене владельца в приготовлении из шерсти разных изделий“. ⁵ Если жена бия ехала в гости к своим родным, ее сопровождала жена юльгюлюкула.

Отработочная рента была основной в Карачае, и юльгюлюкулы были главной рабочей силой в хозяйстве биев. Свое хозяйство у них было небольшое, поэтому и натуральную ренту они несли незначительную: к свадьбе бия давали по одной голове скота, а когда сам кул женился, то должен был отдать владельцу три головы скота из калыма, полученного за жену; от каждой зарезанной скотины лучшую часть—грудинку полагалось относить владельцу. Если кул варил бузу, то один кувшин также шел в пользу господина. ⁶

Еще меньше была распространена в Карачае денежная рента. Только во второй четверти XIX в., после того как карачаевцы ближе познакомились с меновой торговлей и в аулы больше стали проникать товарно-денежные отношения, появилась новая форма эксплуатации крепостных крестьян—отдача их в работники. При этом все, что крестьянин зарабатывал на стороне, он должен был отдать владельцу. ⁷

Если же крестьянин сам уходил в работники на то вре-

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 277.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. I, ед. хр. 86, л. 130.

³ Там же.

⁴ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 275.

⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. I, ед. хр. 86, л. 131 -- 132.

⁶ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 277.

⁷ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. I, ед. хр. 86, л. 136.

мя, когда он не нужен в хозяйстве владельца, то он отдавал своему феодалу 2/3 заработанных денег, а себе оставлял 1/3. „Ушедший же в пахотное время, которое продолжается в Карачае 15 дней, должен принести своему господину 2 рубля или двух баранов“.¹

Крестьянин, ушедший во время покоса, должен был или „выставить своему господину такого работника, как сам, или же заплатить цену, по которой в Карачае на это время нанимаются работники, а именно: корову, трехгодовалую тедку и барана с барашком, что оценивается обыкновенно в 20 рублей“.² Ясно, что заплатить такую цену мог только богатый юльгюлюкул, бедные же отработывали сами.

К середине XIX в. среди крепостных крестьян заметно было довольно значительное имущественное расслоение. Разбогатевшие крестьяне имели не только свой скот и землю, но даже своих крепостных, которые назывались кульские кулы—кьюлну кьюлу.

Проникновение в карачаевские аулы товарно-денежных отношений способствовало еще большему расслоению крестьянства.

* * *

Самой низшей, бедной и бесправной частью населения Карачая были патриархальные рабы. Источники именовали их по-разному, чаще всего башсызкулы³ (башсыз кьюл)—люди без головы или джолсузкулы⁴ (джолсуз кьюл)—бездорожные, реже—джулдузсуз кулы (джулдузсуз кьюл)—беззвездные, т. е. не знающие семьи, или юлгюсюз⁵ кулы (юлгюсюз кьюл)—не примерные и джалсыз кулы⁶ (джалсыз кьюл)—без заработка.

Несмотря на разнообразие названий, смысл у всех один—люди без пути, без семьи, без хозяйства, лишенные всяких человеческих прав. В адатах Ф. И. Леонтовича патриархальные рабы разделены на две группы—казак и караваш. На деле же это было одно сословие, так как казак означает просто одинокий, а караваш (карауаш)—название женщин-рабынь.

Положение их было аналогичным черкесским унаутам. В Записке начальника Кавказского горского управления о

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 136.

² Там же.

³ или башсызкуллар, где лар—грамматическое окончание множественного числа. ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1—3.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 116.

⁵ Полевой материал 1958 г. Аул Уччекен.

⁶ В источнике джалъ-соз-куль-лар. ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1—3.

зависимых сословиях так сказано об этой категории: за кулами „не признается никаких семейных и имущественных прав, это суть в полном смысле слова рабы. По коренному обычаю они сами признаются как имущество своего господина, живут в доме владельца, который располагает неограниченно трудами их, за убийство и нанесение обид этим лицам получают вознаграждение владельцы, как за вред, нанесенный их имуществу“.¹

Адаты ни в какой степени не защищали ни личных, ни имущественных, ни семейных прав башсызкулов. Да у них и не было ни имущества, ни законной семьи. „Старшины могут продавать и дарить кулов, кому заблагорассудится“,² — гласит адат. „За кровь кулов или казаков должно уплачивать по оценке, чего стоил убитый“;³ „Караваш же есть совершенный раб во всем своего господина“,⁴ — говорится в других статьях.

Башсызкулы не имели своего хозяйства и жили при доме владельца. В списках, составленных накануне отмены крепостного права, ни у одного из 314 перечисленных лиц этого сословия не было ни одной головы скота, ни одного клочка земли и ни одной сапетки пчел.⁵

Все их время и весь их труд принадлежали владельцу, который мог располагать ими по своему усмотрению. Он мог подарить или продать своего раба, а рабыню, кроме того, отдать в пользование постороннему мужчине.

Женщины-караваш, которые преобладали в этом сословии (184 из 314 человек, перечисленных в списке), были служанками в доме владельца, исполняя все домашние работы: приготовление пищи, мытье полов и т. д. „Господину никто не мешает продавать такую служанку, кому он захочет; она служит безотлучно в доме при госпожах, получает одежду от господ; законного мужа не имеет“,⁶ — сказано в адатах.

Если владелец и разрешал караваш жить с женщиной, это не считалось законной семьей. Дети, рожденные от таких браков, не считались законными, а рассматривались как приплод, которым владелец распоряжался по своему усмотрению. Он мог разлучить детей с матерью, продать их вместе и порознь на территории Карачая и вне его.

В списке бесправных крестьян, которые в документе названы черкесским термином унауты, в основном перечис-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 287, л. 1.

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 277.

³ Там же, стр. 284.

⁴ Там же, стр. 277.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80—85.

⁶ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 278.

лены одинокие женщины с малолетними детьми, реже—одинокие мужчины или целые семьи.¹

Некоторые кулы были лишены даже человеческого имени. Их звали кличками или по этническому признаку, например: Урусхан—русская, Черкезкыз—черкешенка, Кизылбек—кизылбековец или по роду деятельности: Сабанчи—пахарь, Туварчи—скотник или просто Казак—одиноким, Хаиркыз, Хаирхан—полезная девушка² и т. д.

Источниками приобретения башызулов были набеги, совершаемые карачаевскими феодалами на соседские народы с последующим порабощением пленных, покупка рабов и закрепощение разорившихся соплеменников.

„Каждый, попавший в плен, кто бы он ни был, закрепощался и составлял один из главных предметов меновой торговли“,³—писал историк М. В. Орлов на основании распроса карачаевских стариков в начале XX века. Захваченный в плен мог сделаться снова свободным, если родные внесут за него назначенный выкуп. Если в плен был захвачен человек бийского сословия, то выкуп платил весь народ, как указывалось в случае с сыном Крымшамхалова.

В том случае, если выкуп не был внесен или родные не знали о судьбе пропавшего, пленный превращался в раба, который „ценился не более, как вещь, подвергаемая мене и уничтожению по произволу хозяина“.⁴

Кроме того, число кулов пополнялось за счет естественного прироста, так как дети кулов, разумеется, попадали в это же сословие.

Не только приобретенные покупкой или захватом, но и выросшие в Карачае рабы считались чужеродными членами общества. Они не входили в состав соседских, а тем более семейных общин. Это лишало кулов той защиты, которую оказывала община своим членам из узденского сословия, и делало их еще более незащитными перед лицом феодалов.

Покупка рабов производилась как за пределами Карачая (в Абхазии, Цебельде и других областях), так и в самом Карачае, куда привозили их купцы-работорговцы.

Торговля людьми была одной из доходных статей карачаевских феодалов, так как купец, продавший в Карачае привезенных рабов, должен был уплачивать в пользу биев пошлину по одному быку за каждого проданного кула.⁵

Среди захваченных и проданных в Карачай кулов были черкесы, кабардинцы, абазины, сваны, цебельдинцы, дагестанцы и другие народности.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80—85.

² Там же.

³ М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 182.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 44.

Закрепощение русских после 1828 года было запрещено, но запрет этот нередко нарушался. В 1866 году в ст. Ессентукскую явился кул Салпагарова Бахты по имени Огурлы, назвавшийся русским, и рассказал свою историю. По происхождению он был сыном казака Зассовской станицы Дмитрия Бабенко и звали его Семеном. В детстве он был захвачен горцами и увезен в Абхазию. Там его купил карачаевец Бахты Салпагаров, у которого он прожил 14 лет. За это время он несколько раз намеревался бежать, но случая не представлялось.

Бахты Салпагаров использовал его для пастьбы скота, отдавал в работники к своему родственнику Магомету Салпагарову, а в 1866 году послал на работы по прокладке дороги в Большой Карачай. С этих-то работ и удалось Семёну Бабенко бежать к русским.

Русская администрация пыталась привлечь Бахты Салпагарова к ответственности за порабощение русского, но тот сумел доказать, что и не знал о русском происхождении своего кула, так как купил его как чебельдинца.¹

Цены на крепостных и рабов в Карачае были выше, чем у соседних черкесских народов. Если у черкесов стоимость „правного крестьянина“ была 150 руб., а раба—200 руб., то у карачаевцев юльгюлюкулы ценились в 200—300 рублей,² а башсызкулы—300—400 рублей.³

Побег Семёна Бабенко не был единственным случаем бегства кула от своего владельца. Побег рабов были одной из форм протеста кулов против угнетения и бесчеловечного обращения с ними.

Кулы убегали к соседним народам: черкесам, абазинам, кабардинцам так же, как кулы этих народов—в Карачай или на линию к русским. Командующий Баталпашинским участком доносил в 1834 году о случаях побегов горцев от их владельцев в укрепление Хумаринское.⁴

Бегство кулов не освобождало их от крепостной зависимости. Срок сыска не был ограничен. Владелец, найдя своего крестьянина и через 10 лет, мог принудительно вернуть его, да еще потребовать уплаты своих убытков.

В 1864 году Таусултан Крымшамхалов обнаружил в Кабарде у узденя Умара Шовгенова своего бывшего кула, который бежал от него 9 лет назад,—Милухо Безрюкова. Крымшамхалов подал прошение начальнику Кабардинского округа „О взыскании понесенных им через отсутствие холопа убытков с лиц, которые скрывали его“.⁵

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 229.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 140.

³ Там же, л. 118.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, ед. хр. 214, л. 1.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 391, л. 2.

Кавказская администрация, защищая в первую очередь интересы феодалов, помогала им вернуть крестьян, бежавших к соседним народам.

В то же время, из демагогических соображений, крестьян, являвшихся в русские укрепления, не возвращала их владельцам и тем как бы брала под свое покровительство.

Целый ряд мероприятий русского правительства во второй четверти XIX в. ограничивал произвол и жестокость владельцев. Запрещена была продажа горских девушек и юношей в Турцию. Убийство раба приравнивалось к уголовному преступлению, за которое владелец нес ответственность.

Феодалы были лишены права суда над своими рабами.

Ограничена была работорговля. Запрещена была продажа людей на ярмарках и базарах, продажа за границу и в чужое племя. Но в виде исключения торговля людьми все же разрешалась, на что давались даже специальные билеты.¹

Несколько позже была запрещена продажа кулов из одной области в другую: „В видах ограничения холопов и рабов от произвола их владельцев, я признал справедливым воспретить продажу, дар и отчуждение их всяким иным способом из пределов одной области в другую“. — писал главнокомандующий Кавказской армией в начале 60-х годов.²

Кроме побегов, борьба карачаевских кулов против их владельцев проявлялась в отдельных столкновениях между крестьянами и владельцами. Дело часто доходило до кровавых стычек. Крестьянин владельца Кюргёко Кипкеева — Тохтар, не выдержав издевательств хозяина, поднял на него руку, за что был безжалостно зарезан Кипкеевым.³ До введения в Карачае русской администрации такое убийство проходило для владельца безнаказанно. С установлением приставств, владельцы несли ответственность за дурное обращение с кулами. Кипкеев был приговорен к уплате трехсот рублей штрафа в пользу брата убитого.⁴

Одной из форм протеста против социальной несправедливости был уход в абреки, широко распространенный и у других горских народов.

Первоначально абреками считались изгнанники из рода.

¹ В. Ш а м р а й. Краткий очерк меновых (торговых) сношений на Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год. Кубанский сборник, т. 8, Екатеринодар. 1902, стр. 498.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 250.

⁴ Там же, л. 16.

В период же обострения социальной борьбы в карачаевских аулах в абреки стали уходить все недовольные. Селясь в недоступных горных теснинах, они вели отважную одиночную борьбу с феодалами, а во время наступления царизма на горцев — и с царской администрацией.

Образ абрека запечатлен во многих народных песнях карачаевцев. В абреки ушли герои песен „Кара-Мусса“, „Канамат“ и другие.

Более активный характер борьба горского крестьянства и, в частности, кулов против феодалов стала принимать в 60-е годы. Это было связано, в первую очередь, с революционной ситуацией в России. Борьба русского крестьянства против крепостного гнета активизировала и народные массы окраин Российской империи.

После 1861 года, узнав об отмене крепостного права в центральных губерниях, горские крестьяне также требовали освобождения. Они отказывались работать на своих владельцев, не хотели отдавать им часть своего заработка и т. д.

Волнения в соседних с Карачаем областях: Кабарде, Закавказье, Абхазии еще более активизировали крестьянские массы. Начальник Эльборусского округа, куда входил и Карачай, неоднократно доносил в своих рапортах начальнику области о жалобах владельцев на неповиновение крестьян.

Более подробное рассмотрение классовой борьбы карачаевских крестьян в пореформенную эпоху в данную тему не входит, так как это связано с земельной реформой и отменой крепостного права в Карачае.

3. БИИ

К привилегированным, нетрудовым сословиям у карачаевцев относились бии и верхушка мусульманского духовенства.

Бии, по характеристике литературных источников, „были полные господа и от них зависели все внутренние порядки общины“.² В отличие от черного народа (къара киши) они считались людьми белой кости³ (акъ сюек).

Сословная комиссия, которая рассматривала права горских сословий, приравнивала сословие биев по своему значению к кабардинским князьям пши или ногайским мурзам.⁴ В Балкарии они назывались таубии — горские князья.

В официальных источниках XIX в. карачаевских биев

¹ ГА ААО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 359, л. 2.

² В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 95.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 43.

часто называли старшинами „по примеру других горцев, с которыми у них много общего“.¹ Однако это отождествление неправомерно, т. к. старшинами принято называть феодализирующуюся верхушку так называемых „демократических племен“, новые феодалы которых не успели получить юридического признания. Карачаевские же бии были бесспорными феодальными владельцами, права и преимущества которых были узаконены адатом.²

Жизнь и имущество биев охранялись повышенной платой за кровь и штрафом. Калым за девушек бийского сословия в несколько раз превышал калым за дочь узденя: „По древнему обряду калым заключался в 15 предметах: 5 крестьянах, 5 штуках железными вещами и на 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, 2-х быков и 2-х лошадей“.³

Эта статья адатов еще раз подчеркивает феодальную основу власти биев, которые владели основными средствами производства — землей и скотом, а также крепостными крестьянами, которых могли продавать, дарить, отдавать в калым.

К бийским фамилиям в Карачае относились Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы. К моменту работы сословной комиссии (60-е, 70-е годы XIX в.) насчитывалось 35 бийских семей, в которых было 93 мужчины.⁴

Одной из разновидностей биев были чанка. Первоначально к чанка относились дети от неравных браков биев с женщинами низших сословий. Позже чанка называли всех обедневших и разорившихся биев, которые потеряли свое значение.

К сословию чанка были отнесены Магометовы, Коджаковы, Темирбулатовы. В некоторых источниках сюда же отнесены Шахановы и Минкоевы.⁵

Начальник Эльборусского округа Петрусевич в своем рапорте о сословном строе Карачая сравнивал биев с потомственным дворянством, а чанка — с личным. О последних он писал: „В народе живут предания о их происхождении и прежнем влиянии; сами они женятся на дочерях простых узденей и выдают за них своих дочерей“.⁶

В 70-е годы в сословии чанка было 26 семей, мужчин в них — 40.⁷

Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской

¹ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1.

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 274—279.

³ Там же, стр. 274.

⁴ Записка... стр. 84.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, ед. хр. 23, стр. 50—86

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1—3.

⁷ Записка... стр. 84.

и Терской областей сочла возможным „утвердить в потомственном дворянском сословии“... „карачаевского племени: бии с видом его чанка“,¹ рассматривая чанка не как отдельное сословие, а как разновидность бийского сословия.

Бии, как говорилось, были феодальными владельцами, обладавшими как экономическим могуществом, так и политическими и административными правами. Основой их экономического могущества были тысячи десятин земли, захваченные ими у общин. Причем бии владели лучшими землями: сенокосами и кышлыками. Так, Крымшамхаловы имели урочища: Сулу-Кол—365 дес., Джазлык—237 дес., Кюзлюк-Орунла—691 дес., Чикга улуну-Кышлыгы—394 дес., Ак-Джартюбю—864 дес. и др.² Дудовы владели урочищами Джалан-Кол—763 дес., Ташлы-Кол—543 дес., Борсуклу—683 дес.³ и т. д.

На этих фамильных землях паслись тысячные стада скота, находившегося в индивидуальной собственности бийских семей. Каншаубий Крымшамхалов, например, к 1864 году имел 400 лошадей, а к 1867 году—340 лошадей, 75 голов крупного рогатого скота и 2500 овец;⁴ Асланбек и Хаджи-Мурза Крымшамхаловы имели 200 лошадей, 80 голов рогатого скота и 2400 овец.⁵

Эти же лица были главными крепостниками, владевшими как крепостными крестьянами—юльгюлюкулами, так и патриархальными рабами—башсызкулами. На Асланбека Крымшамхалова работало 10 семей (более 70 человек),⁶ из них 3 семьи (18 человек)—башсызкулов.⁷ Каншаубий Крымшамхалов владел двумя семьями юльгюлюкулов (15 человек)⁸ и двумя семьями башсызкулов,⁹ Давлет Гирей Крымшамхалов—двумя семьями (6 человек) юльгюлюкулов и четырьмя семьями башсызкулов¹⁰ и т. д.

Кроме крепостных крестьян и патриархальных рабов, бии использовали в своем хозяйстве и труд подвластных узденей, которые, как указывалось, несли определенную, хотя и небольшую, отработочную ренту, а кроме того, помогали биям при всяких экстренных случаях. Завуалированными видами эксплуатации были различные старинные обычаи: мамат, аталычество, гостеприимство и т. д.

¹ Записка... стр. 120.

² Груды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области, стр. 42.

³ Там же, стр. 44.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 663 — 682.

⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

⁸ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 676.

⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

¹⁰ Там же.

Под видом покровительства жителям своих аулов бии захватили в свои руки административную и политическую власть. „Управление внутренними и внешними делами находилось в руках сословия бий“,—говорится в Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области. И дальше перечисляются те дела, которые были в их руках.

Биям принадлежали суд и расправа. Не только при суде по адату, но даже и в шариатском суде „с неизменным участием народного эфенди, первое место в суде всегда принадлежало сословию бий“.¹

В пользу биев шли штрафы и торговые пошлины. „Бии пользовались правами взимания торговых пошлин с приходящих в Карачай из Кумыка, Грузии, Ахалцыха и других мест торговцев по 1 руб. и за продажу холопей, продаваемых в Карачае, брали с продавцов одного быка; кроме того, с карачаевцев, оказавшихся виновными в краже, драке, обнажении оружия и т. п. проступках и преступлениях, бии взыскивали в свою пользу по 50 рублей“,²—говорится в Пояснительной записке.

Таким образом, судебная и административная власть была одним из источников обогащения биев.

Строгий этикет определил отношение других сословий к биям. Куда бы ни пришел бий, ему везде принадлежало первое место. Когда он шел, уздени сопровождали его почтительной толпой, не смея подойти к нему с правой стороны. Когда бий садился на лошадь, уздени поддерживали стремя, когда слезал—держали лошадь за уздечку и помогали сойти.

Во время трапезы, сколько бы она ни длилась, уздени стояли по сторонам, прислонившись к стене. Уздени не садились в присутствии бия, а в дом его заходили только по приглашению, да и то лишь до середины комнаты.³

Если так принижены были по отношению к биям уздени, то о кулах и говорить не приходится. Кул вообще не мог войти в дом бия, а если его зачем-либо звали, он жался у порога.

Бии строго следили за чистотой своего сословия, запрещая своим сыновьям жениться на женщинах низших сословий. Браки заключались между лицами своего сословия или аналогичных сословий соседних народов. Нередки были браки карачаевских биев с женщинами из семей ногайских мурз, абазинских и абхазских князей, владельческих фамилий Сванетии и черкесских племен. Карачаевские княжны в свою очередь выходили замуж за знать других народов.

¹ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 44.

² Там же.

³ Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

Принцип равенства по крови считался настолько важным, что ради него нарушали иногда строжайшую экзогамию карачаевских родов. В фамилии Крымшамхаловых даже были случаи браков между родственниками, лишь бы не унизить себя браком с лицом иного сословия.¹ Правда, это было редким исключением.

Если же неравный брак все же совершался, дети не могли считаться чистокровными биями, а назывались чанка.

Как показывают все источники и подтверждает фактический архивный материал, наиболее значительной из бийских фамилий в Карачае была фамилия Крымшамхаловых. Они обладали самым большим количеством земли, скота и крепостных крестьян, у них же была и самая большая политическая власть.

Между Крымшамхаловыми и другой княжеской фамилией—Дудовыми—происходили частые распри, типичные для каждого феодального общества.

С началом XIX в. феодальные распри еще более усилились, что в значительной степени объяснялось общим обострением политической обстановки на Кавказе. И русское правительство и турецкая агентура на Кавказе стремились прежде всего привлечь на свою сторону феодальную знать кавказских народов.²

В 1826 году в Анапу прибыл новый турецкий паша—Гасан-паша, наделенный чрезвычайными полномочиями. Влияние турок в Закубанье в это время значительно усилилось. В течение 1826 года многие горские народы, до этого державшиеся русской ориентации, согласились принести присягу Турции и выдать аманатов.

Присягнувшие народы обязывались принять духовных судей (кадиев) и платить подати в размере десятой части урожая.

Гасан-паша опирался на феодальную знать, значительно увеличив ее права. По словам черкесского этнографа Хан-Гирея, Гасан-паша „наименовал старших князей валиями и поручил им верховную власть“.³

Опорой Гасан-паши в Карачае были Крымшамхаловы. Они и получили титул вали, который сохранялся за ними в течение многих лет и после того, как турецким проискам на Кавказе был положен предел, и сами Крымшамхаловы переменяли свою политическую ориентацию.

¹ Полевой материал 1958 г. Г. Карачаевск.

² Вопрос о политической обстановке на Северо-Западном Кавказе и тактике русского командования исчерпывающе рассмотрен М. В. Покровским в его докторской диссертации «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII—первой половине XIX вв.

³ Князь Пшьской Аходягоко. Из сочинения под загл. «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов» покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея. СМОМГК, вып. 17, Тифлис, 1893, стр. 21.

Присяга на верность турецкому султану, которую принесли Крымшамхаловы, совсем не выражала мнения всего карачаевского народа. Феодалы, боясь потерять свою власть, предпочитали сговариваться за спиной народа, который не согласился бы продать свою свободу.

„Причина столь крупных с первого взгляда успехов Гасан-паши заключалась в том, что он сумел привлечь на свою сторону значительную часть адыгейской военной аристократии, которая и оформила присягу своих племен туркам, не считаясь с настроениями широких масс горцев“, ¹—пишет об аналогичных событиях у адыгов М. В. Покровский.

После 1828 года, убедившись в силе русских, Крымшамхаловы очень быстро переменяли свою политическую ориентацию и стали столь же горячими приверженцами русского правительства, как до этого—турецкого.

Царизм щедро отблагодарил их за это. Крымшамхаловым были пожалованы титулы и земли. Их дети получили право бесплатного обучения в учебных заведениях Кавказа ² и столицы, а их вдовам назначались большие пенсии. ³

Мало того, в течение всей первой половины XIX в. за Крымшамхаловыми была сохранена в какой-то степени административная власть над народом. А в 60-е годы XIX в., когда царизм вынужден был ограничить эту власть, в компенсацию за это Крымшамхаловым были даны новые земельные пожалования „во внимание к утрате исключительного положения их, которым они пользовались прежде в среде горского населения“. ⁴

Такую же реакционную роль в жизни карачаевского народа играло и мусульманское духовенство. Оно грабило народ постоянными поборами, угнетало его духовно и сбивало на ошибочный политический путь.

„Из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна аульному эфенди, другая всем муллам, а третья нищим“, ⁵—сказано в адатах. Кроме этого, „с каждого дома отдается зимой аульному эфенди по барану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух выюков на лошадь), дров по одному выюку на ишаке и летом по барану“. ⁶ Причем от дани в пользу духовенства не освобождались даже кулы.

В пользу муллов шла и часть духовного завещания после смерти карачаевца—„от 10 до 300 руб. серебром, судя

¹ М. В. Покровский. Ук. соч., том II, стр. 289.

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, ед. хр. 2604, л. 5.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 43, л. 49.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 3230, л. 13.

⁵ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 279.

⁶ Там же.

по богатству его".¹ За чтение корана над покойником мулла дополнительно получал лошадь с седлом и прибором, а также платье умершего.² Такой же доход мулла получал от обрезания, во время похорон, свадебного и других религиозных обрядов.

Вместе с биями духовенство ведало судом. По мере распространения ислама, суд по адату все более вытеснялся шариатским судом, в котором главную роль играли кадии — духовные судьи. Они выступали против коренных карачаевских обычаев — адатов, стремясь навязать народу мусульманское право.

Еще активнее боролось мусульманское духовенство против введения русскими в Карачае выборных судов. „Высшие сословия и муллы, не желая расставаться со своими исключительными правами на судебную власть в обществах, представляли народу в невыгодном свете учреждение судов из выборных от всех свободных сословий и тем замедлили ход выборов“,³ — сказано в отчете о военно-народном управлении Кубанской области с 1 января 1863 по 1 января 1869 года.

Мусульманское духовенство, связанное с султанской Турцией, а часто бывшее и прямым ставленником турок, в течение всей первой и отчасти второй половины XIX в. было проводником турецкого влияния в Карачае и Черкесии.

Эфенди Мухаммет Хубиев в 1855 году поднял в Карачае мятеж против русского правительства, за что был осужден самим же карачаевским народом. Простой неграмотный карачаевец Гина Халкечев выступил на суде с гневной речью против духовенства и знати: „В 1855 году они же были главными возмутителями народа против правительства, силой и влиянием своим заставляя всех участвовать в измене, и с этой целью ими вызван был в Карачай Магомет Амин с партией. Это стоило правительству потери людей, а народу слишком памятно это событие потому, что за несколько злоумышленников народ заплатил 20 000 рублей.“⁴ Причем Халкечев подчеркивал, что это делалось не в интересах народа, а „ради личных выгод“.⁵

Из этих слов видно, что к середине XIX в. у народных масс Карачая появились элементы классового сознания, так как они противопоставляли народ феодальной верхушке и духовенству.

* * *

Из всего сказанного о социальных категориях карачаевского народа можно сделать следующие выводы.

¹ Ф. И. Леонтович. стр. 280.

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 280—281.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 66.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195, л. 8.

⁵ Там же.

В карачаевском обществе к началу XIX в. налицо было классовое расслоение и антагонизм, но процесс классовобразования не был завершен.

Основная масса крестьян—кара-уздени—юридически еще не была закрепощена, хотя фактически уже находилась в зависимости от феодалов. Уздени являлись основными производителями карачаевского общества, крепостные же крестьяне—юльгюлюкулы—и патриархальные рабы—башсызкулы—играли второстепенную роль.

Узденство не представляло собой однородной массы. Далеко идущее имущественное расслоение привело к выделению узденской верхушки—уллу узденей или сыйлы узденей, владевшей крупной земельной собственностью, большими стадами скота и эксплуатировавшей крепостных крестьян. Основная масса узденей несла целый ряд повинностей в пользу феодальных владельцев, заключавшихся как в отработочной, так и натуральной ренте. Часто феодальная рента выступала в завуалированном виде, как добровольные приношения или помощь.

Уже в первой половине XIX в. в Карачае большое распространение получило применение наемного труда с очень тяжелыми условиями найма и преимущественно натуральной расплатой.

Крепостные крестьяне—юльгюлюкулы имели свое небольшое хозяйство, собственником которого считался их владелец, так как он наделял крестьян землей и скотом. Юльгюлюкулы несли за это различные повинности.

Преобладающим видом ренты была отработочная. С начала XIX века, наряду с отработочной и натуральной, появилась денежная рента.

Патриархальные рабы—башсызкулы, жившие при дворе владельцев, лишены были всяких имущественных, семейных и человеческих прав. Кулы не входили в состав сельских общин, что определяло их полное бесправие. Недовольство кулов своим тяжелым положением выражалось в побеггах от владельцев, в открытых столкновениях между кулами и владельцами.

Бии были феодальными владельцами, обладавшими как экономическим могуществом, так и политической и административной властью. В своей политической ориентации они руководствовались не интересами народа, а своими корыстными соображениями, заключая сделки за спиной народа.

Первым помощником биев в угнетении народа было мусульманское духовенство, которое являлось в то же время проводником самых реакционных туркофильских идей.

Глава V

ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как видно из изложенного выше материала, карачаевское общество к началу XIX в. было феодально-патриархальным.

Феодальные владельцы захватили в свои руки значительную часть земельного фонда карачаевского народа. Обладая тысячами десятин земли, на которой содержались огромные стада скота, бии эксплуатировали труд как крепостных крестьян—юльгюлюкулов и патриархальных рабов башсызкулов, так отчасти и юридически свободных крестьян—кара-узденей.

Формы внеэкономической зависимости крестьян от феодалов были различными—от полного закрепощения юльгюлюкулов и башсызкулов до сословной неполноправности кара-узденей. Наряду с этим общественный строй Карачая был опутан массой дофеодальных пережитков. Налицо были пережитки общинно-родовых отношений. Родовая организация карачаевцев в XIX в. уже не существовала в чистом виде, так как основной единицей общества была уже не родовая, а соседская, территориальная община. Но внутри соседской общины продолжали существовать родовые деления и связи.

Наличие общинно-родового строя у горцев Северного Кавказа было подмечено русскими исследователями уже в середине XIX в. Всем приезжающим в Карачай бросались в глаза такие пережитки родового быта, как поселение родовыми кварталами (тийре), наличие родовых кладбищ, взаимопомощь членов рода, строгая экзогамия и др.

Тот факт, что родовые черты были выражены у карачаевцев ярче, чем у некоторых соседних народов, в част-

ности у кабардинцев,¹ приводил авторов к ошибочному выводу о наличии в Карачае родового строя и в XIX в. Даже Борис Миллер, написавший лучшую работу об общине у карачаевцев,² принижал уровень общественного развития Карачая. Он последовательно разобрал две формы общины у карачаевцев: родовую и семейную, а основной формы общественных отношений — соседской общины — не заметил.

Для родовой общины характерны были коллективный труд, общественная собственность на средства производства и уравнительное распределение.³ Ни одной из этих черт мы не найдем в карачаевском обществе XIX в. Коллективный труд давно уже заменен индивидуальным трудом отдельных малых семей. Лишь как пережиток далекого прошлого сохранился совместный покос — джыйин, который объединял в XIX в. не родственников, а посторонних людей — членов соседской общины.

Общественная собственность на средства производства также почти перестала существовать. Скот находился в безусловной частной собственности малых семей. В земельных отношениях все большую роль играла крупная собственность, носившая феодальный характер, и лишь часть пастбищ и лесов оставалась еще в общем владении.

С переходом от коллективного труда к индивидуальному исчезло и уравнительное распределение.

Родовой тукум к началу XIX в. давно уже утратил свои первоначальные черты, свое былое единство. Внутри тукумов наблюдалось резкое имущественное неравенство.

К сожалению, у нас нет цифровых данных об имущественном положении отдельных семей ранее 60-х годов XIX в., но и из имеющихся материалов можно сделать определенные выводы о разложении родовой организации в Карачае. К 60-м годам XIX в. не только в незначительных, но и в богатых узденских тукумах, таких как Боташевы, Хубиевы, Байрамкуловы, Чотчаевы и др., наблюдалось резкое имущественное неравенство.

Шемахо Боташев с семьей из 6 человек не имел ни одной головы скота,⁴ а у его родственника Абдурахмана Боташева насчитывалось 700 овец и 160 голов крупного

¹ А. И. Першиц (фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX в. «Советская этнография», 1951, № 1), процитировав Леонтовича, пишет: «Других, более определенных данных о родовом делении кабардинцев нет ни в литературе, ни в воспоминаниях старейших из наших информаторов», стр. 177.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. Этнографическое обозрение. М., 1902, № 1.

³ Политическая экономия. Учебник. М., 1954, стр. 23.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 87.

рогатого скота;¹ у Канали Чотчаева с женой и детьми не было ни одной головы скота,² а у Аслана Чотчаева—1300 овец и 200 голов рогатого скота;³ у Сокура Хубиева не имелось ни одной головы скота,⁴ а у Сосрана Хубиева было 9 лошадей, 40 голов рогатого скота, 400 овец⁵ и т. д.

Пастбища, считавшиеся собственностью всего тукума, фактически были захвачены разбогатевшими членами рода, которые строили на них постоянные коши и из года в год занимали своими стадами. Бедняку же, даже если он имел немного скота, приходилось чуть не ежедневно менять место выпаса, так как постоянного коша он не имел и пользоваться оставшимися ему худшими землями.

Выше были приведены материалы Е. Н. Студенецкой о том, что даже при сдаче фамильной земли в аренду доход распределялся не равномерно по семьям, а по паям, причем пай богатых семей были значительно больше, чем бедных.

Бедные родственники были первыми батраками своих разбогатевших родичей, которые под видом участия и помощи безжалостно эксплуатировали их. Крупные скотоводы отдавали родственникам часть своего скота в ортак на самых кабальных условиях или нанимали их в качестве пастухов для пастьбы овец—кьойджалчы. Об этом писал и В. М. Сысоев: „в пастухи нанимают большей частью своих же бедных родственников“.⁶

Имущественное неравенство подорвало основы родового строя; на смену родовой общине пришла соседская, которую К. Маркс назвал „первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами“.⁷

Переходу от родовых связей к территориальным Карл Маркс придавал большое значение: „Разрывая эту сильную, но узкую связь, земледельческая община оказывается более способной приспособляться, расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими“.⁸

Для карачаевского общества, в которое постоянно вливались инородные элементы из соседних областей (Черкесии, Сванетии, Абхазии, Кабарды и др.), эта сторона была особенно важна. Пришельцы уже не принимались в род путем усыновления, как в родовом обществе, а образовывали самостоятельные фамилии. Их не принимали в состав

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 80.

² Там же, л. 88.

³ Там же, л. 84.

⁴ Там же, л. 87.

⁵ Там же, л. 81.

⁶ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 83.

⁷ К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., том XXVII, стр. 694.

⁸ Там же, стр. 680.

основных групп—къаум—карачаевского общества (наурузовцы, трамовцы, адурхаевцы и будияновцы). Однако родовые традиции были еще так сильны, что и новые тукумы стремились объединиться в группы, якобы имевшие общего предка.

„Изучение адатов кавказских горцев показывает, что у них до сих пор не исчезли старые родовые формы и вместе с тем более или менее прочно утвердились и развились все типические явления быта оседлой территориальной общины („джамаата“), резко отличающейся от их родового союза („тохума“),“¹—сказано в одном из архивных документов конца XIX в.

Для карачаевской сельской общины (эль) было типичным сочетание архаических черт (сохранение части земли в общинном пользовании) с новыми чертами—индивидуальным трудом и индивидуальным потреблением.

О земельных отношениях в карачаевской общине было подробно рассказано в главе второй. Здесь мы только повторим, что и в Карачае „земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности“.²

Переход от общинного строя к феодальному в Карачае растянулся на длительный срок, так как уровень развития производительных сил обуславливал необходимость поддержания в какой-то мере хозяйственного единства.

Методы ведения хозяйства в высокогорной местности (полукочевое скотоводство, земледелие, основанное на искусственном орошении) требовали тесного сплочения жителей гор. Ф. Энгельс подчеркивал, что наиболее прочными общинные связи были именно в горных местностях и только там сохранились следы общины „до настоящего времени“³, т. е. до середины XIX века.

Вот почему в общественном строе Карачая в первой половине XIX в. так причудливо переплетались черты феодализма с сохранением соседской, а в пережиточных формах—и родовой общины.

Наряду с делением общества на антагонистические классы—феодалов и крестьян—, внеэкономическим принуждением и другими чертами феодального общества, в Карачае сохранились и такие пережитки, как деление общества по родовому признаку на тукумы, атаулы и более крупные

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. Аз. ч., д. 11, л. 6—9.

² К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., том XXVII, стр. 695.

³ Ф. Энгельс. Марка. Приложение к книге «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 118.

группы — кѡаум, которые в русской историографии обычно переводят как клан (Дьячков-Тарасов)¹ или поколение, а Ислам Тамбиев предлагает назвать фратрией.² Лица, входившие в один кѡаум, считали себя происходящими от общего предка — одного из сподвижников Карчи. По имени товарищей Карчи — Науруза, Будияна, Адурхая и Трама члены групп назывались: наурузовцы, будияновцы, адурхаевцы и трамовцы.

В эти поколения входили только старинные карачаевские фамилии, предки которых, согласно традиции, впервые пришли во главе с Карчею в долину Кубани.

К будияновцам относились Акбаевы, Байрамуковы, Боташевы, Батчаевы, Болуровы, Деккушевы, Джанкезовы, Текеевы, Чотчаевы, Элькановы; к адурхаевцам: Байчоровы, Долаевы, Лайпановы, Урусовы, Шидаковы, Эркеновы, Чомаевы; к наурузовцам: Аджиевы, Байрамкуловы, Кочкаровы, Каппушевы, Кубановы, Салпагаровы и др.³

Кроме этих основных поколений были и другие, образовавшиеся позже. Так, Хубиевы, Хасановы, Хачировы и Биджиевы составили поколение Шатбеклеров; Коркмазовы, Джанибековы, Семеновы, Бостановы, Алботовы — поколение Хустосов; Каитовы, Каракетовы, Кипкеевы и Гебеневы — поколение Чишилеры.

Целый ряд фамилий, также образовавшихся позднее из переселенцев из других областей, не объединен в поколения, как, например, Алиевы, Тохчуковы, Тамбиевы и др.

Члены одного кѡаума считали себя родственниками. Они имели одно тавро, которым метили свой скот.

Браки между членами одного поколения были запрещены. По сообщению антрополога И. Щукина в прежние времена за нарушение экзогамии брали штраф, обычно медной посудой, например, большими котлами.⁴

В XIX в. брачные ограничения внутри кѡаума почти отпали. Только наурузовцы придерживались экзогамии. Б. Миллер приводит пример, как старики наурузовского общества боролись за экзогамию. Некий Салпагаров Али женился на Мариам Байрамкуловой, фамилия которой относилась также к наурузовцам. Родичи возмутились и вынесли постановление выселить Салпагарова Али, а Мариам

¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощность, стр. 137.

² Ислам Тамбиев. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. «Революция и горец», 1931, № 12/38.

³ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, ед. хр. 23, л. 50—85. Список лицам свободных сословий бий, чанка и узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда.

⁴ И. Щукин. Краткий географический очерк Карачая. Русский антропологический журнал, № 1—2. М., 1913, стр. 57.

проклясть.¹ Дело было передано в горский суд. До рассмотрения дела Али был посажен в тюрьму, а Мариам привязана к позорному столбу.

Еще ближе было родство внутри фамилии—тукума (тукъум). В течение всего XIX в. в соседской общине сохранилось поселение по родственному признаку, при котором каждая фамилия занимала отдельный квартал, а большие фамилии даже несколько кварталов—тийре.

Однако локализация тукумов в XIX в. была уже не столь строгой, и часто одна и та же фамилия жила в разных аулах (Алиевы, Салпагаровы и др.).

Квартал, насчитывающий иногда до сотни дворов, назывался по фамилии живущих в нем семей. Так, в Карт-Джурте были расположены тийре Боташевых, Хубиевых, Узденовых, Крымшамхаловых, Бердиевых, Алиевых и др. В Учкулане были тийре Аджиевых, Акбаевых, Байрамкуловых, Кормазовых, Байчоровых, Каитовых, Джанибековых, Кочкаровых, Голаевых, Богатыревых, Абаевых, Текеевых, Семеновых и др.; в Верхнем Учкулане—Урусовых, Айбазовых, Биджиевых, Бостановых, Каппушевых, Казанчиковых и др. В Хурзуке жили Алиевы, Дудовы, Хасановы, Джуккаевы, Кубановы, Лайпановы, Борлаковы, Узденовы и др. Большие фамилии занимали несколько тийре: Узденовы—два квартала, Хубиевы—три и т. д.

Каждый тукум имел свое кладбище, на котором хоронили только членов данной фамилии. Кулов, живших в тийре вместе с владельцами, хоронили в другом месте. Членов тукума, умерших вне Карачая, привозили домой, чтобы похоронить на родовом кладбище.

Крупные тийре имели даже своего муллу,² который исполнял религиозные требы, а часто занимался и знахарством.

Тукум был строго экзогамен. Каким бы далеким ни было родство, браки между членами одной фамилии категорически запрещались.

Тукум имел право усыновления. Для этого существовала особая процедура—„прохождение под палкой“. В XIX в. эта процедура почти не применялась и оставалась лишь как пережиток. Антрополог Щукин пишет, что обычай этот иногда встречался до 80-х годов XIX в.³ Человек, желавший быть принятым в род, проходил вместе с членами рода под палкой, которую держали старейшие представители рода. Люди, принятые таким образом в род, назывались „братьями из-под палки“—таяк-къарнаш.

¹ Б. Миллер. Ук. соч., стр. 11.

² Хав. Ук. соч., стр. 83.

³ И. Щукин. Ук. соч., стр. 41.

При разрастании тукума в нем образовывалось несколько групп—атаулов, которые позже могли отпочковаться и дать начало новой фамилии. Но при этом связи со старой фамилией не прерывались. Атаулы получали новое имя по имени основателя тукума или в честь какого-нибудь события. Так, один из шести атаулов Кубановых—Джинли назван по прозвищу одного из сыновей Кубана Магомета Джинли, первым прискакавшим на необузданном жеребце Джинли.

В тукуме Алиевых было 7 атаулов: Хончалары, Мужулары, Чоралары, Умарлары и др. Хончалары прозваны так от прозвища матери одной из семей—Хонча, которая после смерти мужа сама вела хозяйство.

У Биджиевых среди 17 атаулов был атаул Гюрджюлары, что в переводе означает „грузиновы“. Родоначальник этого атаула был таким сильным, что вынес с пашни на руках четырехлетнего быка, за что его прозвали грузинский бык, откуда и весь атаул получил прозвище „грузинский“.

Родственники по атаулу называли друг друга атаул-къарнаш—брат по атаулу, и это считалось более близким родством, чем по тукуму. Члены одного атаула селились обычно рядом и охотнее помогали друг другу, чем члены тукума. Атаул-карнаш готовили калым для того, кто собирался жениться, помогали бедным и одиноким вдовам и сиротам.

В каждом атауле был свой глава—атаул-тамада. Он улаживал все спорные дела, мирил супругов или поссорившиеся семьи, присутствовал при разделе имущества в случае раздела семьи.

В период расцвета родового строя тамадой бывал обычно самый мудрый и авторитетный из стариков. Не то было в XIX веке. Родовая демократия уступила место новым, феодальным отношениям. Авторитет человека стал определяться не умом его, а богатством. Тамадой стал самый богатый человек в атауле. Власть свою он использовал часто в корыстных целях—для дальнейшего обогащения и эксплуатации обедневших сородичей.

Родовые и племенные связи карачаевцев особенно ярко выступали в экстраординарных и торжественных случаях.

Так, при смерти одного из членов тукума близкие родственники приносили шелковые ткани, а более дальние—куски простой белой материи. Все родственники помогали собрать калым для свадьбы и плату за кровь в случае убийства.

При земельных спорах также все родственники должны были защитить члена своего тукума. Во время суда по ада-

ту при спорном деле все члены тукума должны были принести присягу.

Б. Миллер приводит в качестве примера судебное дело из Хумаринского судебного архива от 1879 года. Таусултан Голаев принес жалобу на Чотчаевых, занявших всю землю. Свои права на землю он подтверждал тем, что ею владели его родственники от дедов и прадедов. Чотчаевы же насильно заняли эту землю в 40-х годах XIX в. и вспахали ее. Суд предложил обеим сторонам принести присягу в том, что земля является их собственностью. Чотчаевы отказались от присяги, и земля была присуждена Голаевым.¹

Для решения важных вопросов собирались общие сходки родичей. По словам Б. Миллера, такие сходки иногда бывали и во второй половине XIX в., но решали уже не коренные вопросы жизни карачаевцев, а лишь семейные. Так, летом 1898 года собрались родичи из поколения Шатбеклеров для обсуждения вопроса о брачных связях и подтвердили запрещение браков внутри поколения: „Чтобы не брать и не выдавать друг за друга девушек“.²

Прежде на таких сходках решали дела об убийстве и других преступлениях. Кровная месть в Карачае встречалась очень редко; дело, как правило, улаживали миром, путем платы за кровь. Сумма платы зависела от сословия убитого³ и от того, преднамеренным ли было убийство. Выкуп собирали родственники: вначале наиболее близкие (сын, братья и т. д.), затем дальние.

Внутри одной семьи кровной мести не бывало: сына за убийство отца только лишали наследства.

За увечья выкупа не брали, а только обязывали обидчика лечить пострадавшего за свой счет, а потом устроить пир и щедро одарить его. Если обидчик успевал прикоснуться к груди матери своего противника, то он считался усыновленным, и тем всякая вражда прекращалась.

Одним из методов прекращения вражды между тукумами была также женитьба молодых людей из враждующих семей. Так, например, вражда между Кубановыми и Гочияевыми прекратилась только тогда, когда Гочияевы отдали красивую девушку из своей фамилии за одного из Кубановых.⁴

При прелюбодеянии, которое считалось одним из самых страшных преступлений, долгое время единственным способом избегнуть мести было вступление в тукум потерпев-

¹ Б. Миллер. Ук. соч., стр. 19.

² Б. Миллер. Ук. соч., стр. 12.

³ Ф. И. Леонтович. Ук. соч., стр. 284—285.

⁴ Полевой материал 1958 г.

шей. Позже, с середины XIX в., дело стало улаживаться также путем денежного выкупа.

С введением русской администрацией аульных и словесных горских судов, все уголовные и имущественные споры стали решаться этими судами, и лишь семейные дела продолжали оставаться в ведении духовного суда. Но и в этих судах, созданных по примеру русского судопроизводства, в течение длительного времени сохранялись отдельные черты древнего, родового судопроизводства. Например, одним из основных доказательств карачаевцы считали присягу— ант. Обвиняемый в торжественной обстановке, поклявшись на коране и выслушав речь муллы, клялся в своей невинности. Это считалось достаточно веским доказательством для оправдания его.

Наряду с личной клятвой применялась присяга соприсяжников— атаулов, которых обвиняемый выбирал по своему желанию. До XIX в. атаулами обычно бывали родственники, так как это был институт родового общества. В XIX в. в качестве атаулов выступали и посторонние лица, обычно из наиболее уважаемых в ауле.

После включения Карачая в Эльборусский округ Кубанской области русская администрация запретила такой вид доказательств. Вместо этого все шире стали применяться свидетельские показания. Женщины в свидетели не допускались, а если по ходу дела их показания были необходимы, они должны были подтверждаться родственниками-мужчинами.

При разложении родового строя многие функции рода перешли к соседской общине. Принадлежность к общине давала человеку права на пользование общинными землями: выгоном, выпасом, лесом и т. д. Эта же принадлежность накладывала на него целый ряд обязательств по защите аула, земель и скота.

Обычай взаимопомощи—мамнат, существовавший прежде в родовом обществе, распространялся на все селение. В мамнате участвовали не только родичи, но и соседи.

Коллективный труд членов рода также перестал существовать в чистом виде, зато остался как общинный обычай совместного сенокоса—наиболее важной работы в скотоводческом обществе (джыйын).

Если раньше в джыйине участвовали в основном родичи, то к началу XIX в. джыйин совсем потерял свой родственный характер. В джыйин объединялись любые члены соседской общины.

Как уже говорилось, при продаже земли предпочтительное право на покупку имели не только родичи, но и сосе-

ди. Сосед стал считаться таким же близким человеком, как и родич. „И на том свете соседа спрашивай“,¹ — гласит карачаевская поговорка.

Именно соседская община стала той организацией, которая помогла карачаевскому крестьянству отстаивать свои права и свою свободу от наступления феодальных владельцев.

Общинники возражали против захватов общинных земель представителями знатных фамилий. Даже если знати удавалось захватить участок земли, община не признавала этого захвата, и он считался незаконным. Н. Иваненков пишет, что собственность на мелкие участки внутри поселений (то есть сабаны и биченлики) признавалась народом, а собственность на большие сенокосные и пастбищные участки считалась незаконной, так как земли были общими: „Владения эти не признаются законными целой массой народа“.²

Г. Петров отмечает, что в Карачае и во второй половине XIX в. очень высоко ставились общинные интересы: „Ни в одном из соседних, как из русских, так и горских обществ, интересы общественные не ставятся на такую высокую степень уважения и так ревниво не охраняются, как здесь“.³

Наиболее важные дела, касающиеся всего селения, решались на общих сходках мужчин всех семей, живших в ауле. Чаше собирались только старики — главы фамилий — тукъум-тамада, а из более многочисленных тукумов — по два-три старика. Собрание это называлось джамагъат или эль-джыйылыу, что аналогично русскому „мир“, „сход“.

Причем, чем дальше разлагался родовой строй, тем реже собирались общие собрания, а вся власть переходила к старейшинам — тукъум-тамада, среди которых главную роль играли представители бийских фамилий.

На собраниях решались дела о землепользовании, о поддержании оросительной системы в хорошем состоянии и постройке новых канав, о выборах ауальных пастухов, дела об организации джийинов и т. д.

В делах Краснодарского Государственного архива сохранился целый ряд приговоров аульных обществ от 60-х годов XIX в. Приговоры решали дела о постройке канав и дорог,⁴ об изгнании провинившихся членов общества и о согласии вновь принять их в члены общества,⁵ о розыске краденого

¹ Ахыратда да хоншуну сорадыла. Фольклорно-лингвистическая экспедиция КЧНИИ 1959 г. Рукописный фонд КЧНИИ.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 40.

³ Г. Петров. Ук. соч., стр. 146.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 445.

скота,¹ о постройке в ауле домов по русскому образцу² и т. д.

Если дело касалось не всего аула, а части его, то собирались не все члены общества, а только заинтересованные лица. Так, например, когда встал вопрос о проведении оросительной канавы через скалу Нхыт, находящуюся с левой стороны слияния истоков Кубани, Хурзука и Учкулана, собрались не все жители Карт-Джурта, а только „живущие по левую сторону Кубани“,³ в числе 188 домов и „с общего согласия постановили отвести воду от горы Нхыт для орошения наших пахотных и сенокосных полей“.⁴

К началу XIX в., а тем более к середине века, карачаевская община уже потеряла былую патриархальность и демократичность, свойственную общине в период ее расцвета. Общинные отношения разрушались, и главную роль во всех делах стали играть феодальные владельцы—бии и феодализирующаяся верхушка уздений. Бии имели первый голос на народных собраниях и, несмотря на свою малочисленность, часто определяли решение схода. Биев поддерживали подвластные им уздени, а также мусульманское духовенство, которое было в Карачае верной опорой феодальной верхушки.

В 60-е годы XIX в., с введением русской администрацией в карачаевских аулах нового военно-народного, а позже—гражданского управления, власть биев и мусульманского духовенства была несколько ограничена. Выборы на все должности в аульном правлении стали проводиться путем общенародного голосования.⁵ Наряду с феодальными владельцами туда стали попадать и уважаемые лица из бедных фамилий.

Но так как царизм искал опору прежде всего в феодальной знати, то и в выборных органах главную роль продолжали играть все те же представители бийских фамилий. Так, аульным старшиной Карт-Джурта был избран Абдурзак Крымшамхалов,⁶ который продолжал смотреть на членов аульного общества как на своих подданных. Аульное правление под руководством Абдурзака Крымшамхалова работало настолько плохо и допускало такую массу несправедливостей, что жители аула вынуждены были обратиться с жалобой в суд „на неправильные действия всего аульного правления“. Эльборусский окружной народный суд рассмот-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 531.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 464.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. 144, л. 5.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 5.

⁶ ГАКК, ф. 774 оп. 1, ед. хр. 577.

рел это дело и постановил распустить Карт-Джуртское аульное правление, а Абдурзака Крымшамхалова, „виновного в нерадивом исполнении своей обязанности во всех отношениях“, отстранить от должности, „чтобы впредь никогда ни на какие должности не избирать“, ¹ и провести новые выборы.

Таким образом, русская администрация все же ограничивала произвол феодальных владельцев и способствовала ликвидации ряда пережитков родовых отношений как в общественном управлении, так и в суде.

* * *

Основной хозяйственной единицей карачаевского общества к началу XIX в. была семья—юйдеги.

Многие авторы, в том числе и такой крупный знаток карачаевцев, как Б. Миллер, считали, что карачаевцы к началу и в течение первой половины XIX в. продолжали жить семейными общинами или большими семьями.

Каждая община, по мнению Б. Миллера, насчитывала в среднем 20 — 25 человек, ² которые жили в одном дворе, часто под одной крышей и вели общее хозяйство. Все доходы в такой семье поступали в общую казну, и потребление было общим—общий стол и равные траты на покупки предметов обихода.

Однако, как показывают архивные документы середины XIX в. (более ранних посемейных списков нет), к этому времени господствующей уже стала малая моногамная семья. Среднее число членов семьи было 6—8—10 человек, особенно среди бедных слоев населения. ³

Б. Миллер также отмечает, что большие семьи обычно встречались среди более зажиточных семей. Им легче было в большой усадьбе пристроить новое помещение при женитьбе сына, легче вести совместное хозяйство. Бедняки же, ютящиеся в маленьких хижинах, на крошечных кусочках земли, вынуждены были при женитьбе сына выделить его, так как жить и кормиться вместе было негде и нечем.

Семейные разделы, которые все чаще происходили в XIX в., показывают, что и семейная община находилась в стадии разложения. А к концу XIX в. большие семьи стали редким явлением в карачаевских аулах. „Состав семей вообще не велик“,—писал В. М. Сысоев по материалам 1898 года. „Больше 20 человек в семье я мог отметить у Султана Гочияева (19 мужчин и 15 женщин) и у Султана-Али Го-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 577, л. 62.

² Б. Миллер. Ук. соч., стр. 3.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 87 — 88.

чияева (11 мужчин и 12 женщин) в Карт-Джурте, у Акай Аджиева (9 мужчин и 11 женщин) в Дууте, у Батчаева в Теберде».¹

Б. Миллер самой многочисленной семьей в Карачае считал одну из семей Байчоровых, насчитывавшую 53 человека. „Байчоровы считаются самыми богатыми скотоводами, обладателями двух десятков тысяч овец и табунов в несколько тысяч голов»,² пишет он. Однако фактически эти тысячи голов находились не в коллективной собственности всей большой семьи, а принадлежали отдельным ее членам, совместно ведущим хозяйство.

К середине XIX в. самым богатым и влиятельным среди Байчоровых был Ожай, один из основателей Тебердинского аула. Он имел табун в 200 лошадей, не уступающих бийским.³ 100 лошадей имел Бачай Байчоров, 80 — Джембулат Байчоров и 40 — Мамай Байчоров.⁴

В частично сохранившихся к началу XIX в. больших семьях вся власть принадлежала главе семьи—отцу или старшему брату. Он распоряжался не только всем семейным имуществом, но и судьбою своих родичей. Отец сам женил сыновей и выдавал замуж дочерей, сам наказывал непокорных, вплоть до изгнания из дома. Он же распоряжался всеми сельскохозяйственными работами.

Все наследственное и нажитое семьей имущество считалось принадлежащим главе семьи. Собственностью остальных членов могло быть только подаренное им имущество, которое выражалось обычно в нескольких головах скота.

Отец мог отдать сына в работники и сам получал все заработанное им. Он же распоряжался уплатой калыма или выделением приданного дочери. Патриархальные отношения в семье были настолько развиты, что даже когда отец становился старым, не мог фактически управлять хозяйством и бразды правления переходили к сыновьям, формально главой семьи продолжал считаться отец.

Главе большой патриархальной семьи оказывались всевозможные знаки внимания: когда он входил, все члены семьи вставали, за столом ему всегда принадлежало первое место и т. д.

Однако, когда (после смерти отца) главой семьи становился старший брат, его власть уже была несколько ограничена. Он не мог без согласия братьев распоряжаться общим имуществом, при несогласии обязан был выделить братьям их долю.⁵

¹ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 53.

² Б. Миллер. Ук. соч., стр. 21.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁴ Там же.

⁵ Б. Миллер. Ук. соч., стр. 32.

Домашним хозяйством в большой семье ведала свекровь. Она выдавала невесткам продукты, распределяла одежду и работы по дому и т. д.

Раздел больших семей, который, по мере распада семейных общин, становился все более частым явлением, производился в присутствии близких и даже дальних родственников. Имущество делили поровну между сыновьями. Если раздел происходил по адату, то сестрам не полагалось доли; братья давали им только в виде подарка несколько голов скота. При дележе по шарияту сестре полагалась половинная доля брата.

Старшему сыну давали небольшую добавку—лошадь, ружье или небольшой клочок земли, а младшему—отцовский дом, так как родители оставались на содержании младшего сына.¹

Одним из пережитков родового строя был левиратный брак, встречавшийся изредка и в XIX в. После смерти старшего брата на вдове женился один из младших братьев. Пережитки такой формы брака сохранились даже во второй половине XIX в. Так, 97-летний Тулпаров Крым из аула Карт-Джурт рассказывает, что в молодости он женился на вдове своего старшего брата, имевшей несколько человек детей.²

В недрах семейной общины развилась малая моногамная семья, которая стала в XIX в. основной хозяйственной единицей карачаевского общества. Малая семья обладала индивидуальной собственностью—скотом, сабаном и биченликом, а также правом пользоваться общинными пастбищами. В моногамной семье уже значительно меньше чувствовались патриархальные отношения. Власть главы семьи была не так велика, хотя уважение к старшим сохранялось и там. „Коренной принцип каждой семьи составляет безусловное уважение и подчинение старшим»,³ — писал о карачаевцах Г. Петров. О глубоком уважении к старикам у карачаевцев писали и другие авторы. В очерке В. Я. Тепцова „По истокам Кубани и Терека“ сказано: „Уважение старших—это основной закон карачаевского нравственного кодекса. Обычай этот доведен до крайности, которая посторонним может показаться даже смешною. Если в комнату, например, входит старший брат, то младший обязан встать и не имеет права сесть и говорить до тех пор, пока не получит на это разрешения от старшего... В свою очередь, если в комнату входит отец, то встает и старший брат».⁴

По мере разложения общинных отношений, менялись и

¹ Б. Миллер. Ук. соч., стр. 38 — 39.

² Полевой материал 1958 г. Аул Карт-Джурт.

³ Г. Петров. Ук. соч., стр. 129.

⁴ СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 97.

семейные. Наиболее влиятельными лицами в семье и фамилии становились уже не самые старые и умудренные жизненным опытом, а самые богатые. Имущественные споры все чаще стали вносить разлад в семью.

При господстве патриархальных отношений переход зятя в семью тестя был небывалым случаем, а в XIX в. стал уже практиковаться довольно часто. Так, в списках бедных владельцев Эльборусского округа 60-х годов против некоторых фамилий, как, например, Крыма Байрамкулова, написано: „живет в зятях“, — и прибавлено: „а у тестя много скота“. ¹ Однако и в XIX в. переход в семью жены общественным мнением осуждался. Существует такая присказка. Одного человека спросили: „Кого больше, живых или умерших?“ Он ответил: „Мертвых больше, если считать такими и перешедших к тестю“.

Положение женщин в Карачае было иным, чем у соседних мусульманских народов. Специфика карачаевского хозяйства — полукочевое скотоводство, при котором мужчины почти круглый год проводили на кошах, — делала женщин более самостоятельными и в хозяйственной и в семейной жизни. Женщинам приходилось самим вести домашнее хозяйство, ухаживать за посевами, следить за оросительными каналами, делать множество других работ, которые в иных условиях велись бы мужчинами.

Женщины Карачая отличались исключительным трудолюбием. „Женщины необыкновенно трудолюбивы; они несут на себе решительно всю работу: забота о прокормлении, обшивании всех членов семьи, работа в поле — все это лежит на изнуренных женщинах», ² — писал ветеринар С. В. Ваганов, близко знавший быт карачаевцев.

Однако эта самостоятельность женщин ограничивалась в основном рамками семейного быта. В общественной жизни женщина почти не участвовала, лишена была всяких политических прав.

Она не имела никакого голоса не только на сходках, но и в суде не могла выступить ни истцом, ни свидетелем. Ее показания обязательно должны были подтверждаться родственниками-мужчинами.

При наследовании женщина или ничего не получала (по адату), или получала половинную долю (по шариату). Мусульманская религия, дав женщине кое-какие имущественные права, совершенно унизила ее как личность. До принятия ислама положение женщины в Карачае было значи-

¹ ГАКК, ф 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 53.

² С. В. Ваганов. Значение охранно-караульной линии по границе Кубанской области с Закавказьем в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. ИОЛИКО, вып. 1, Екатеринодар, 1899, стр. 31.

тельно более почетным. „Дети обязаны уважать мать так же, как и отца, а муж дорожит женою, как хозяйкой и работницей»,¹ — писал В. Я. Тепцов, — «тем не менее религия, в разрез с правовыми обычаями, низводит женщину до существа низшего, нечистого».²

Правда, в Карачае мусульманство не пустило таких глубоких корней, как в других странах Востока, поэтому и положение женщины было более почетным и свободным. Женщины не прятались от посторонних, не закрывали лица при выходе из дома. Девушкам разрешалось принимать участие в различных празднествах, танцевать с молодыми людьми различные танцы: плавный „тюз тебсеу“, „абезек“, стремительный „стемей“, петь лирические любовные песни — инар. Замужним женщинам считалось неприличным веселиться вместе с молодежью, и они обычно только наблюдали за весельем с плоских крыш своих домов.

Брак в Карачае был моногамным, многоженство встречалось лишь как редкое исключение. Мать семейства имела право голоса в семейных делах, с ней советовались по разным хозяйственным вопросам, особенно, если это была пожилая женщина.

И тем не менее женщина не была равноправным членом общества; не говоря о ее политическом бесправии, и семейная жизнь женщины ограничивалась целым рядом обычаев, узаконенных адатом. Пока девушка жила в доме отца, она во всем безраздельно подчинялась его власти, даже замуж выходила не по своему выбору, а по воле отца. Выйдя замуж, женщина должна была безропотно подчиняться мужу и его родственникам, угождать им, ни в чем не перечить. Молодая невестка в течение первого года замужней жизни, а иногда и дольше, вообще не разговаривала со старшими родственниками мужа, пока, по обычаю, они не одаривали ее какими-либо подарками, чтобы заставить говорить. Женщина не имела права одна, без сопровождения родственницы или у богатых — служанки — ходить в гости.

Обычай обязывали мужчину скрывать свои чувства к жене и детям, а жена при людях не могла даже назвать мужа по имени.

Эти патриархальные пережитки в быту были очень живучи. Вовлечение карачаевских аулов в общее русло экономического развития России во второй половине XIX в., проникновение в аулы товарно-денежных отношений ломали старинные устои патриархальной семьи. Но отдельные пережитки патриархального быта продолжали существовать до Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 105.

² Там же, стр. 106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ социально-экономического развития Карачая в первой половине XIX в. показывает, что общественные отношения в нем имели ряд специфических особенностей, главной из которых было сочетание феодальных отношений с сильными пережитками общинного строя.

Прочность общинных связей обуславливалась уровнем развития производительных сил и спецификой хозяйства. Главной отраслью хозяйства было полукочевое скотоводство. Длительные перегоны скота с зимних на летние пастбища, необходимость охраны скота и пастбищ, совместная работа по заготовке сена требовали тесного объединения населения и определяли прочность общинных связей. Кроме того, и земледелие в горных ущельях было возможно лишь при условии искусственного орошения, создать и поддерживать которое можно было только при совместном усилии всех жителей селения или значительной его части.

Несмотря на наличие в карачаевском обществе целого ряда пережитков родовых отношений (кровно-родственные объединения—тукумы, атаулы, поселение родовыми кварталами—тийре, взаимопомощь, строгая экзогамия и др.), родовой строй в Карачае к началу XIX в. уже разложился. На смену родовой общине пришла соседская, в которой, наряду с первобытно-общинным, существовало частно-собственническое начало.

Коллективный труд заменился индивидуальным трудом отдельных семей, общественная собственность на средства производства—частной собственностью на скот и значительную часть земель.

Первыми земельными участками, перешедшими в частную собственность, были сабаны и биченлики. Это была трудовая заимка, так как очистка участка и проведение оросительных сооружений требовали колоссального труда.

Пашни и сенокосы юридически продолжали считаться общинными, но фактически к началу XIX в. и в течение первой половины века были захвачены феодальными собственниками—биями и уллу узденями. Только лес и летние пастбища оставались в общинном владении. Однако эта феодальная собственность на землю не получила юридического оформления, и процесс ее становления тормозился наличием сильной соседской общины. Кроме того, феодальная собственность выступала не как индивидуальная, а как семейная собственность, что затрудняло ее отчуждение и смазывало частнособственнический характер. Тем не менее ей были присущи все черты феодальной собственности и прежде всего—иерархическая структура, создававшая вассальные отношения между биями—феодальными собственниками земли и подвластными им узденями.

Образование феодальной собственности на землю путем узурпации общинных земель тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве и вело к еще большей имущественной и социальной дифференциации внутри карачаевского общества.

Рост феодального землевладения сопровождался усилением политической и административной власти бийских фамилий. Кроме угнетения собственными биями, карачаевское крестьянство находилось в зависимости от кабардинских князей, которые накладывали на них тяжелую дань и стремились полностью подчинить себе карачаевский народ.

Однако процесс феодализации карачаевского общества к середине XIX в. не был завершен; основная масса крестьян—уздени—юридически еще не была закреплена, хотя фактически уже находилась в зависимости от феодалов. Зависимое положение кара-узденей проявлялось в их сословной неполноправности, в целом ряде обязанностей, которые они несли по отношению к феодалам часто в форме добровольных приношений и помочей, но фактически как феодальную ренту.

Имущественное расслоение привело к выделению из узденской массы верхушки, владевшей крупной земельной собственностью, скотом и крепостными крестьянами. Наряду с этим основная масса узденей постепенно все больше беднела и попадала в зависимость от феодальных владельцев, неся в их пользу определенную ренту.

Главной рабочей силой в хозяйстве феодалов были крепостные крестьяне—юльгюлюкулы. Они были наделены владельцами определенными орудиями и средствами производства, за что несли феодальную ренту, заключающуюся, главным образом, в отработке (сенокосение, уход за скотом владельца, пахота, уборка хлеба и т. д.) и меньше—в натуральных приношениях. В XIX в., в связи с проникновени-

ем в карачаевские аулы товарно-денежных отношений, стала развиваться и денежная рента.

Наряду с эксплуатацией труда крепостных крестьян в Карачае до середины XIX в. сохранялось и патриархальное рабство, как один из укладов феодально-патриархального строя. Рабы—башсызкулы лишены были всяких имущественных, политических и семейных прав. Весь их труд и все их время принадлежали владельцу.

Недовольство крестьян и рабов своим тяжелым положением выражалось в побегах от владельцев, уходе в абреки, в открытых столкновениях с владельцами. Однако эти выступления были еще разрозненными и неорганизованными.

Таким образом, общественный строй Карачая в первой половине XIX в. выступает как феодальный, но с сильными пережитками патриархальных отношений, настолько сильными, что его можно назвать феодально-патриархальным.

Основными классами карачаевского общества были феодалы и крестьяне, основной формой эксплуатации—феодалная рента, выступавшая иногда в форме добровольных отношений и помощи. Основным видом классовой борьбы была борьба крепостных и закрепощаемых крестьян против феодалов.

Дальнейшее развитие частнособственнических отношений произошло во второй половине XIX в. в значительной степени под влиянием русского права. Большую роль в активизации народных масс Карачая сыграла революционная борьба русского народа против своих помещиков и капиталистов.

Только вместе с русским и другими народами нашей родины, под руководством Коммунистической партии Советского Союза смог карачаевский народ сбросить ярмо социального и национального угнетения и построить новую счастливую жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. К. Маркс. Капитал.
2. К. Маркс. Формы, предшествовавшие капиталистическому производству. ОГИЗ, 1940.
3. К. Маркс. Черновые наброски письма В. И. Засулич. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII.
4. Ф. Энгельс. Марка. 1933.
5. Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948.
6. Ф. Энгельс. Франкский период. Соч., т. XVI, ч. I.
7. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III.
8. И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. 1952.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1866 — 1904.
2. М. Алейников. Карачаевские сказания. I сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. СМОМПК, вып. 3., Тифлис, 1883.
3. У. Д. Алиев. Карачай (карачаевская автономная область). Историко-этнографический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927.
4. У. Д. Алиев. «Кара-халк» (очерк исторического развития горцев Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1927.
5. А. А. Атманских. Молочное хозяйство в Карачае и его нужды. 1909, Баталпащинск.
6. С. В. Ваганов. Значение охранно-карантинной линии на границе Кубанской области с Закавказьем в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. 1, 1899, Екатеринодар.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 1, Ставропольская губерния. СПб, 1851.
8. И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб, 1809.

9. Грове. Холодный Кавказ. Суд. журнала «Природа и люди». СПб., 1879.
10. Г. М. Гречишкин. Теберда. Горная климатическая станция и дачная местность. Ст. Лабицкая, 1912.
11. Н. Я. Динник. Горы и ущелья Кубанской области. Тифлис, 1885.
12. А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая. СМОМПК, вып. 28, 1900.
13. А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК, вып. 25, 1898.
14. А. Н. Дьячков-Тарасов. О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области. Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. 1, 1899, Екатеринодар.
15. А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная, экономическая мощьность. Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. 1, Ростов-на-Дону, 1928.
16. Пл. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении, ч. 3, СПб., 1835.
17. Н. Иваненков. Карачаевцы. Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. 5, Екатеринодар, 1912.
18. Исторические записки о странах, лежащих между морем Черным и Каспийским. СПб., 1810.
19. Ламберти. Описание Колхиды и Мингрелии. ЗООИД, т. X, Одесса, 1877.
20. Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957.
21. Х. О. Лайпанов. Карачаевские и балкарские народные сказки. Фрунзе, 1957.
22. Ф. И. Леонтович. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, т. 1. Одесса, 1882.
23. Б. Миллер. В Карачае. Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1899, № 1 — 12, М., 1899.
24. Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. Этнографическое обозрение. 1902, № 1 — 2.
25. О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва, 1882.
26. Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). Под ред. П. И. Балтина и М. М. Сакиева. Ставропольское книжное издательство, 1957.
27. В. Ф. Новицкий. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 года. Известия Русского географического общества, т. 39, вып. 2, 1903.
28. М. В. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Кубанской области, вып. 3. Екатеринодар, 1902.
29. Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, вып. 45, Махач-Кала, 1926.
30. Первая экскурсия преподавателей средних учебных заведений Кавказского округа в Большой и Малый Карачай летом 1903 года. Тифлис, 1909.

31. Г. С. Петров. Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области за 1880 год, Екатеринодар.
32. Н. Петрусеви ч. Заметки о карачаевских адатах по долговым обязательствам. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 4, 1870.
33. Письменные заявления карачаевского народа и объяснение комиссии.
34. М. В. Покровский. Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII—первой половине XIX в. (докторская диссертация).
35. М. В. Покровский. Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX в. Кавказский этнографический сборник, П., М., 1958.
36. А. И. Першиц. Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX в. Советская этнография, 1951, № 1.
37. В. М. Сысоев. Археологические экскурсии по Закубанью (1896). МАК, IX, М., 1904.
38. В. М. Сысоев. Карачай. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.
39. В. М. Сысоев. Отчет о раскопках в Карачае. Карт-Джурте и на Индыше в 1898 году. ОАК, 1898 г. Архив ЛОИМК ФАК, 1898.
40. В. М. Сысоев. Поездка к верховьям Большого Зеленчука и Теберды. Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом, т. IV, М., 1896.
41. Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века. Советская этнография, 1937, № 2—3.
42. Е. Н. Студенецкая. Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX—начало XX в.). Сборник трудов института. Карачаево-Черкесский педагогический институт, вып. 1, Нальчик, 1958.
43. Н. Е. Талицкий. Очерки Карачая. СМОМПК, вып. 40, 1909.
44. Ислам Тамбиев. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону, 1931.
45. И. Тамбиев. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае. Революция и горец, 1932, № 4.
46. И. Тамбиев. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. Революция и горец, 1931, № 12.
47. А. Тарасов. Через Большой Карачай к подножию Эльбруса. Советский Северный Кавказ, 1930, июль.
48. В. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14, 1892.
49. А. Терентьев. Ортачное право в Карачае. Революционный Восток. 1929, № 7.
50. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей нагорной полосы и пояснительной запиской к указанным проектам. Екатеринодар, 1911.
51. А. В. Фадеев. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII — XIX вв. в новых работах советских историков. Вопросы истории, 1958, № 5.
52. Е. Д. Фелицын. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области, КОВ, 1887, № 26.

53. Хан-Гирей. Князь Пшской Аходягоко. Из сочинения под заглавием «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов». СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893.
54. Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. Известия Кавказского отделения Русского географического общества, т. XXIII, 1915, № 3.
55. Г. Ф. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. Кавказ, 1900, № 322.
56. Г. Ф. Чурсин. Этнографические заметки о Карачае. Кавказ, 1900, №№ 305, 306.
57. И. Щужин. Краткий географический очерк Карачая. Русский антропологический журнал, 1913, № 1—2, М., 1913.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии.
2. ГА ААО — Государственный архив Адыгейской автономной области.
3. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
4. ГАКЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области.
5. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края.
6. Записка — Записка канцелярии главноначальствующего гражданской части о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях.
7. ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
8. ИОЛИКО — Известия Общества любителей изучения Кубанской области.
9. ЗРГО — Записки Русского географического общества.
10. КОВ — Кубанские областные ведомости.
11. СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
12. ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
13. ЦГА КБ АССР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР.
14. ЦГИА Гр. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
15. ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
ЭКОНОМИКА КАРАЧАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	
<i>Глава I.</i>	
Сельское хозяйство	13
1. Природные условия. Население	13
2. Скотоводство	21
3. Организация скотоводческого хозяйства	30
4. Земледелие	45
<i>Глава II.</i>	
Ремесло и торговля	57
1. Ремесло	57
2. Торговля	69
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАРАЧАЯ	
<i>Глава III.</i>	
Землевладение и землепользование	76
1. Общинное землевладение. Трудовая занмка	78
2. Рост феодального землевладения	86
<i>Глава IV.</i>	
Социальная структура карачаевского общества	101
1. Уздени	107
2. Кулы	116
3. Биы	126
<i>Глава V.</i>	
Пережитки общинных отношений	134
Заключение	150
Список использованной литературы	153
Список принятых сокращений	157

Валентина Павловна Невская

**Социально-экономическое развитие
Карачая в XIX веке
(дореформенный период)**

Редактор *И. А. Ахмакин.*

Художник *Н. Г. Крицкий.*

Художественный редактор *М. П. Бертник.*

Технический редактор *М. Ф. Лебединская.*

Корректор *И. В. Свинова.*

Сдано в набор 10/VI-1960 г. Подписано к печати 23/XI-1960 г.

Формат 60x92 ¹/₁₆. Физ. п. л. 11. Уч.-изд. л. 8,53.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2807. ВГ 08208. Цена 5 руб. 10 коп.

Карачаево-Черкесское книжное издательство,

г. Черкесск, Ленина, 35-а.

Черкесская типография, г. Черкесск, Комсомольская, 32.

КАРР

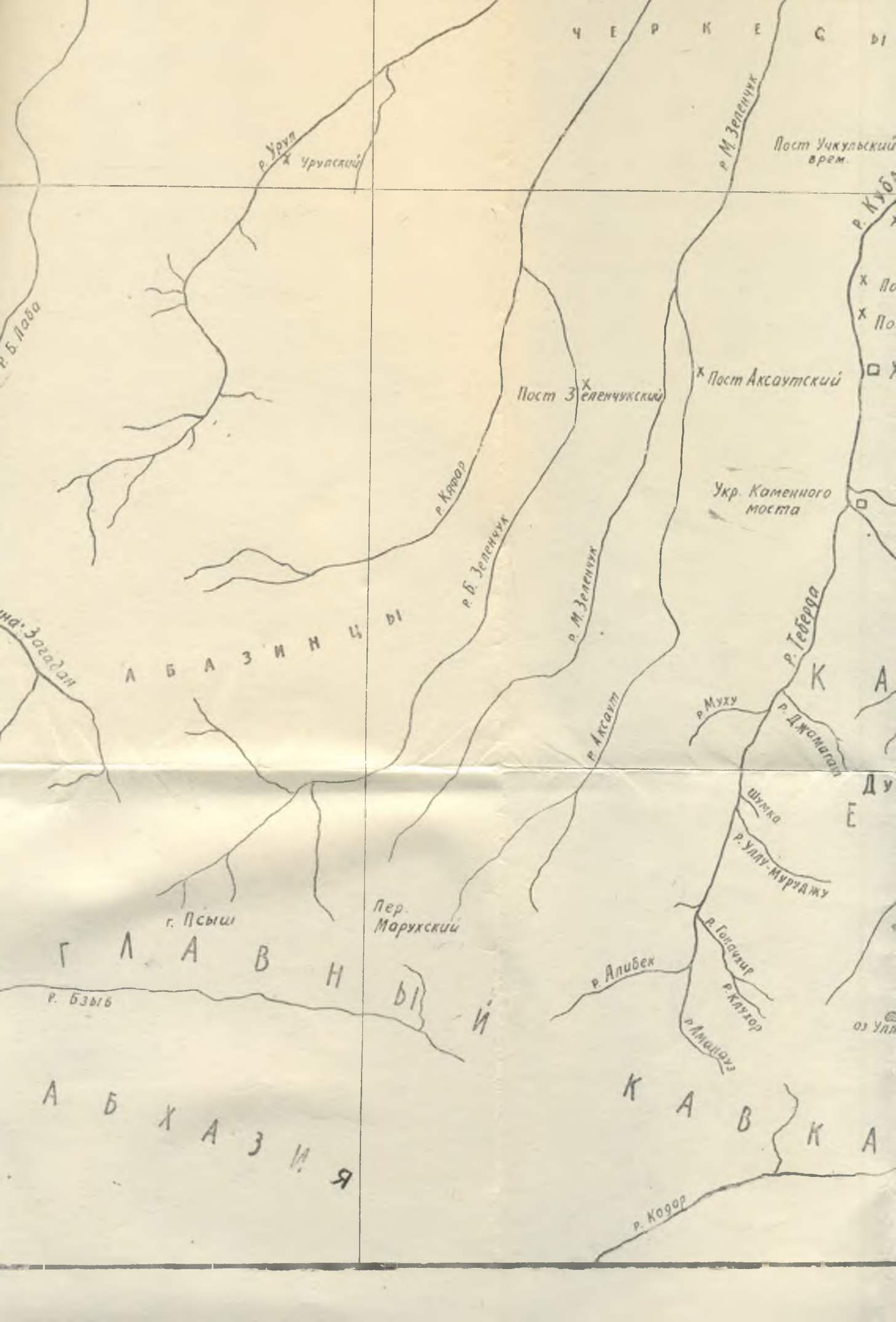
и прилегающая к нему террито

ДРАЧАЙ

История в первой половине XIX в.

Ч Е Р К Е С Ы

р. Урул
х Учкулский

Пост Учкулский
врем.

р. Б. Доба

р. Куба

Пост Зеленчукский

х Пост Аксаутский

р. Кичор

Укр. Каменного
моста

р. Б. Зеленчук

р. М. Зеленчук

на: Западн

А Б А З И Ц Ы

р. Теберда

р. Аксаут

р. Муху

р. Джоматай

г. Псыш

Пер.
Марухский

Шамка

р. Уллу-Мурдажу

Г Л А В Н Ы Й

р. Аливек

р. Голский

р. Клутор

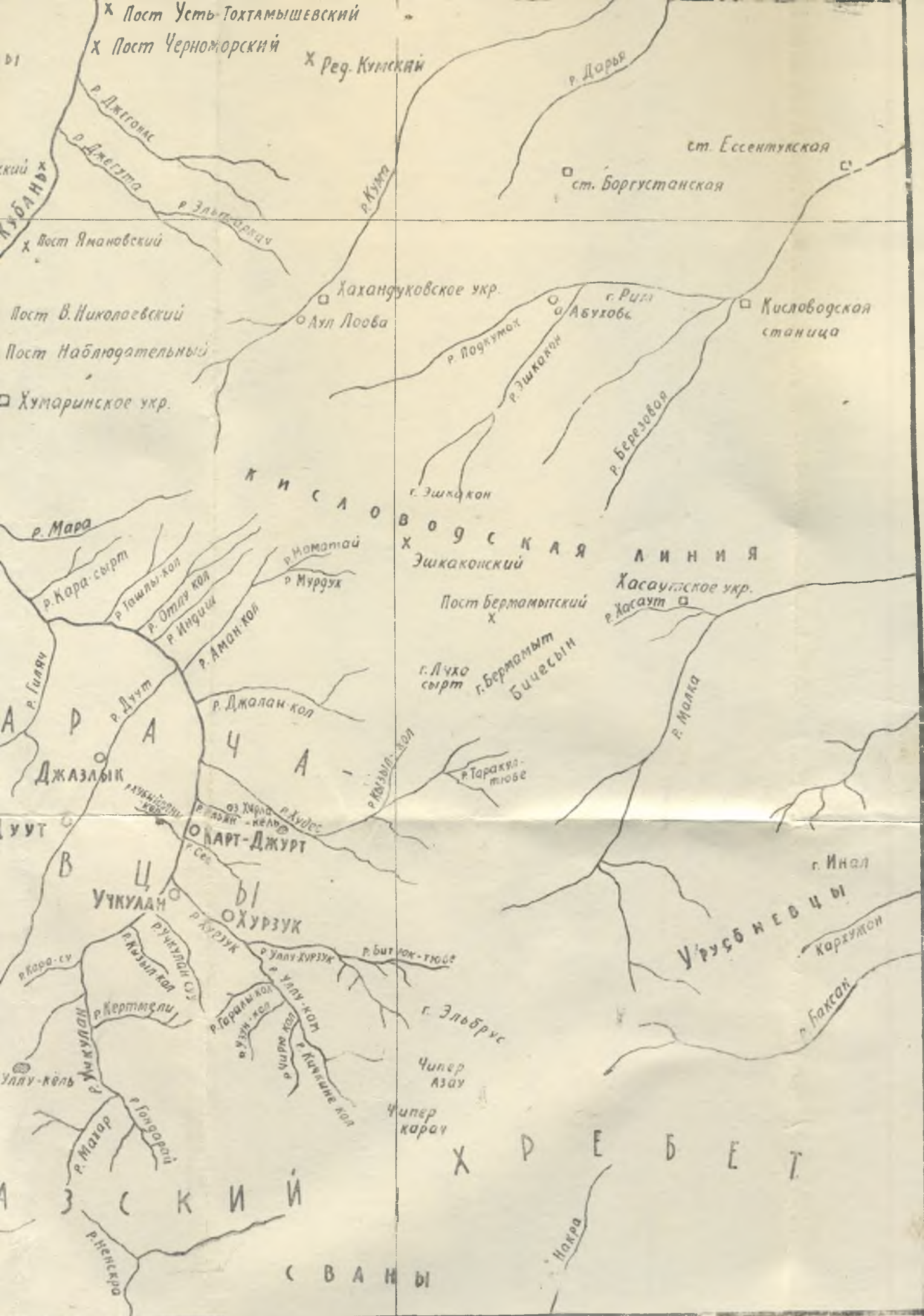
р. Алицор

р. Бзыб

А Б Х А З И Я

К А В К А

р. Кодор

Х Пост Усть-Тохтамышевский

Х Пост Черножорский

Х Рег. Кумский

р. Дарья

ст. Ессентукская

ст. Боргустанская

Кубань

р. Джигонк
р. Джигула

р. Эльбардач

р. Кума

Х Вост Ямановский

Пост В. Николаевский

Пост Наблюдательный

Хумаринское укр.

Хахандуковское укр.

Аул Лооба

г. Рила
г. Абузоба

Кисловодская станция

р. Подкумах
р. Эшкакон

р. Березовая

К И С Л О В О Д С К А Я
Л И Н И Я
Эшкаконский

г. Эшкакон

р. Мара

р. Кара-сырт

р. Ташлы-кол

р. Отлу-кол

р. Индиш

р. Галач

р. Дуут

р. Амон-кол

р. Моматай

р. Мурдук

Пост Бермамытский

Хасаутское укр.

р. Хасаут

г. Лучо-сырт

г. Бермамыт
г. Бичесын

р. Малка

А Р А Ч А -
Джазлык

р. Джалан-кол

р. Казыл-кол

р. Таракл-тлобе

УУТ

ОКАРТ-ДЖУРТ

В Ц А -
УЧКУЛАН

р. Охурзук

р. Бит-лок-тлобе

Урусбневцы

Кардужан

р. Кара-су

р. Казыл-кол

р. Кертмели

р. Гаршан-кол

р. Улуу-кол

г. Эльбрус

р. Баксан

Уллу-кель

р. Мазар

р. Гонгарой

р. Улуу-кол

р. Кавшине-кол

Чипер-Азау

Чипер-карач

А З С К И Й

Х Р Е Б Е Т

С В А Н Ы

Накра

Цена 5 руб. 10 коп.

С 1-1-1961 г. цена 51 коп.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК—1960